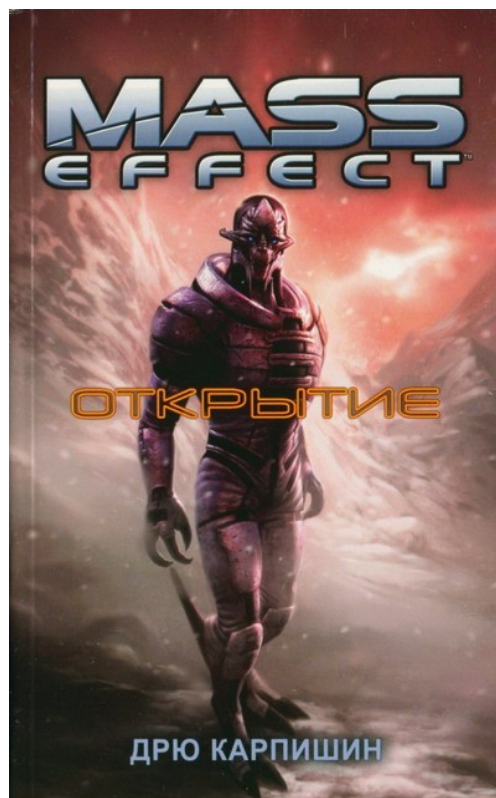

Дрю Карпишин Открытие

Аннотация

Знаменитая виртуальная вселенная «Mass Effect» обрела литературное воплощение. Впервые на русском языке первый роман цикла новеллизаций — «Mass Effect. Открытие»!

Все развитые общества Галактики в той или иной степени обязаны своей развитостью наследию протеанцев — древней расы, исчезнувшей пятьдесят тысяч лет назад. После того как в 2148 году на Марсе был найден бункер, хранивший некоторые технологии протеанцев, человечество стремительно завоевывает свое место в космическом обществе.

А на самом краю освоенного космического пространства герой войны и командир корабля Альянса Дэвид Андерсон проводит расследование по поводу гибели сверхсекретной научной базы, подвергшейся террористической атаке. Его окружают дымящиеся руины, тела погибших и бесконечные вопросы. Кто атаковал этот объект и с какой целью? И где находится Кали Сандерс, молодая сотрудница, таинственным образом исчезнувшая с базы за несколько часов до нападения?

Все улики указывают на Сандерс как на главную подозреваемую, но встреча с ней ставит перед Андерсоном еще больше вопросов и не дает никаких ответов. Лейтенант исполняет свой долг перед человечеством в паре с партнером, которому он не может доверять, преследуемый наемным убийцей, от которого невозможно скрыться, в тени зловещей тайны неведомого мира, о которой он не сможет никому рассказать... По крайней мере, так считает его противник.

**Дрю Карпишин
Открытие**

МОЕЙ ЖЕНЕ ДЖЕННИФЕР

Ты никогда не ворчала на меня по поводу стирки, пока я страдал от творческих мук. Ты никогда не огорчалась, если я забывал помыть посуду, никогда не раздражалась, если я забывал помочь тебе в работе по дому. Ты всегда была рядом, чтобы прочитать все, написанное мной, всегда выслушивала мои разглагольствования о безумных надеждах и нескончаемых опасениях. Даже в тех случаях, если я будил тебя посреди ночи. Все, что ты сделала, чтобы помочь и поддержать меня, делает тебя совершенно особенной. И потому я тебя люблю.

Создание творческого произведения такой глубины и масштаба, как «Mass Effect», требующее грандиозных усилий, было бы попросту невозможно без поддержки моих друзей и сотрудников по «Bio Ware».

В частности, хочу поблагодарить Кейси Хадсона и Престона Ватаманиука за их помощь в определении общих очертаний произведения, а также не могу не упомянуть всех авторов, кто работал над этим проектом: Криса Л'Этуала (нашего бессменного технического эксперта и научного гуру), Люка Кристиансена, Мака Вальтерса, Патрика Вика и Майка Лейдлоу.

Я также хочу выразить свою благодарность Кейту Клейтону, моему редактору из «Del Rey», за все его труды ради того, чтобы в самые сжатые сроки моя повесть стала еще лучше.

Моя книга не могла бы появиться на свет без вклада всех этих людей, и я высоко ценю все, что они для меня сделали.

ПРОЛОГ

— Приближаемся к Арктуру. Отключить сверхсветовой реактор.

Контр-адмирал Альянса Джон Гриссом, самый знаменитый человек не только на Земле, но и в трех новых космических колониях, резко поднял голову, услышав по внутренней корабельной связи голос рулевого космического судна «Нью-Дели». Последующие ощущения безошибочно подсказали ему, что «Нью-Дели» замедлил движение и перешел со сверхсветовой скорости на меньшую, более приемлемую для Вселенной, живущей по законам Эйнштейна.

Призрачное сияние привычного красноватого оттенка, пробивающееся в каюту через крошечный иллюминатор, по мере замедления хода постепенно сменялось более холодными тонами. Гриссом ненавидел иллюминаторы; корабли Альянса оснащались превосходными приборами, и команда не нуждалась ни в каких визуальных наблюдениях. Но в уступку устаревшим романтическим представлениям о космических полетах на всех судах имелось по несколько небольших иллюминаторов и по крайней мере по одному главному обзорному окну, обычно украшавшему капитанский мостик.

Романтические идеалы старательно поддерживались в Альянсе — они облегчали вербовку людей. Для тех, кто оставался на Земле, неисследованные просторы космоса до сих пор оставались каким-то чудом. Выход человечества в межзвездные просторы стал самым значительным приключением, и тайны Галактики ожидали своих первооткрывателей.

Гриссом понимал, насколько более сложным было истинное положение вещей. Он лично испытал на себе холодное великолепие Вселенной. Она казалась величественной и ужасной, а в космосе встречалось немало того, с чем человечество еще не было готово столкнуться. И секретное послание, полученное сегодня утром с базы на Шаньси, было тому очередным доказательством.

Человечество во многом напоминало ребенка — наивного и невежественного. И ничего удивительного в этом не было. За всю долгую историю человеческого рода люди лишь в последние два столетия сумели сбросить узы притяжения Земли и шагнули в холодный

вакуум дальнего космоса. А настоящие межзвездные странствия — путешествия за пределы Солнечной системы — стали возможны только в последнее десятилетие. Даже меньше, чем десятилетие.

Всего девять лет прошло с тех пор, как в 2148 году бригада шахтеров на Марсе извлекла из глубины планеты остатки давно покинутой инопланетной научной станции. Событие было признано важнейшим открытием человеческой истории и повлекло за собой необратимые, изменения.

Люди впервые получили неоспоримые и неопровержимые доказательства того, что они не одиноки во Вселенной. Находка обсуждалась во всех средствах массовой информации по всему миру. Кем были эти таинственные чужаки? Где они сейчас? Может, уже все вымерли? А может, еще вернуться? Какое влияние они оказали на эволюцию человечества? Какое значение имеют для будущего землян? Философы, ученые и самопровозглашенные эксперты несколько месяцев оживленно, а иногда и ожесточенно спорили о важности сделанного открытия на всех каналах новостей и в печатных изданиях.

Потрясения затронули и все основные религии Земли. В одночасье возникли десятки новых религиозных течений, большинство которых основывалось на теориях интервенционистских эволюционистов, ревностно доказывавших, что находка подтверждает факт влияния чуждых рас на всю историю человечества. Многие религии попытались согласовать факт существования инопланетян со своей мифологией, другие спешно переписывали историю и в свете нового открытия торопливо изменяли существующие убеждения и верования. Самые упрямые отказывались признавать истину и заявляли, что шахты Марса — это тайная ловушка, подстроенная атеистами, чтобы сбить верующих с пути истинного. Даже сегодня, спустя почти десятилетие, многие религии все еще не оправились от удара.

Интерком снова затрещал, прервал размышления Гриссома и переключил его внимание с ненавистного иллюминатора на висящий под потолком динамик.

— Мы готовы причалить к Арктуру. Расчетное время стыковки — через двенадцать минут.

Путь от Земли до Арктура — самой большой станции Альянса за пределами Солнечной системы — занял приблизительно шесть часов. Большую часть этого времени Гриссом провел, согнувшись перед информационным экраном: он просматривал официальные донесения и читал личные дела.

Это путешествие, запланированное много месяцев назад, должно было представлять собой важное событие общественной жизни. Гриссом по поручению Альянса собирался выступить перед первой группой новобранцев, окончивших курс обучения в академии Арктура, и передать символический факел из легендарного прошлого лидерам будущего. Но сообщение с Шаньси, полученное за несколько часов до старта, кардинально изменило главную цель путешествия.

Последнее десятилетие стало для людей началом золотого века, чем-то вроде волшебного сна, и вот теперь Гриссому предстояло вернуть человечество к суровой реальности.

«Нью-Дели» уже почти добрался до места назначения; пришло время покинуть спокойствие и уединение отдельной каюты. Гриссом перенес личные файлы из общего терминала на маленький оптический диск и положил его в карман форменного мундира офицера Альянса. Затем он выключил приборы, выпрямился и поднялся со своего кресла.

Занимаемое им помещение было маленьким и тесным, а рабочее место — очень неудобным. На кораблях Альянса не хватало свободного пространства, и личные каюты, как правило, отводились только старшим офицерам. В большинстве случаев даже особо важным персонам приходилось делить каюты с попутчиками или довольствоваться койками в кубриках, но Гриссом был живой легендой, и для него сделали исключение. В данном случае капитан корабля на время сравнительно недолгого путешествия уступил Гриссому собственную каюту.

Гриссом потянулся, пытаясь размять затекшие мускулы плеч и шеи. Адмирал наклонял голову то в одну сторону, то в другую, пока не услышал долгожданный хруст позвонков. Затем последовал короткий взгляд в зеркало — слава требовала поддерживать надлежащий внешний вид, и контр-адмирал, распахнув дверь, направился к капитанскому мостику, расположенному в носовой части космического корабля.

При его приближении все члены экипажа оставляли свои занятия и, вытянувшись в струнку, отдавали честь. Он отвечал им тем же, едва ли сознавая, что делает. За восемь лет, с тех пор как он стал героем нации, у Гриссома выработалась привычка почти механически реагировать на проявление уважения и восхищения.

Мысли Гриссома все еще были заняты переменами, произошедшими после находки марсианского бункера инопланетян... Это и не удивительно, учитывая тревожное послание с Шаньси.

Тот факт, что человечество не одиноко во Вселенной, затронул не только религии землян, он оказал куда более весомое влияние на политическую жизнь планеты. Но если религиозные общины погрязли в хаосе ереси и раскола, в политическом отношении открытие сплотило людей. Это событие помогло жителям Земли неожиданно быстро осознать свое единство и образовать всепланетное сообщество, медленно, но неуклонно развивавшееся на протяжении последнего столетия.

В течение года восемнадцатью основными государствами Земли была написана и ратифицирована хартия Альянса — первой коалиции, охватывающей население всей планеты. Впервые за всю свою историю жители Земли ощутили свою общность и сплотились в единую группу: люди против чужаков.

Вскоре после этого была образована Военная система Альянса — орган, предназначенный для защиты Земли и ее обитателей от внеземной угрозы и вобравший в себя ресурсы, солдат и офицеров почти всех военных организаций планеты.

Нашлись и такие, кто считал, что внезапное объединение различных правительств Земли в одну политическую силу прошло слишком быстро и гладко. Информационные сети пестрели заявлениями о том, что марсианский бункер был найден намного раньше, чем произошло публичное обнародование факта, а рапорт команды шахтеров стал своевременной легендой-прикрытием. Эти люди утверждали, что образование Альянса стало заключительной ступенью долгих и напряженных секретных переговоров между государствами и следствием тайных сделок, заключаемых в течение многих лет, а то и десятилетий.

Общественное мнение в основном относилось к подобным заявлениям как к параноидальному увлечению сверхсекретностью. Большинство землян были настроены идеалистически и предпочитали верить, что открытие лишь послужило катализатором объединения правительств и граждан всего мира и подтолкнуло их отважно шагнуть в новую эпоху сотрудничества и взаимоуважения.

Гриссом слишком много повидал, чтобы поверить подобной выдумке. В душе он не мог не подозревать, что политикам было известно намного больше, чем сообщалось широким массам населения. Даже в данном случае он сомневался, что сигналы бедствия, доставленные радиоуправляемыми аппаратами с Шаньси, застали правительство врасплох. Неужели политики подозревали нечто подобное еще до образования Альянса?

По мере приближения к капитанскому мостику Гриссом постарался выбросить из головы все мысли об инопланетной исследовательской станции и все свои тайные сомнения. Он был человеком дела. Детали открытия марсианского бункера и образования Альянса не должны его волновать. Альянс обязался защищать людей, где бы они ни находились; и все, включая самого Гриссома, должны исполнить свой долг.

Капитан Эйзенхорн, командующий кораблем «Нью-Дели», не отрывал взгляда от большого обзорного иллюминатора, встроенного в стенку передней палубы.

Открывающийся из него вид вызывал благоговейный трепет.

«Нью-Дели» медленно продвигался вперед, и массивная космическая станция за окном

постепенно увеличивалась. Флотилия Альянса — почти две сотни кораблей от истребителей с командой в двадцать человек до дредноутов, вмещавших несколько сотен людей, — со всех сторон окружала станцию океаном сверкающей стали. Оранжевое сияние отдаленного красного гиганта класса К, солнца данной системы, по имени которого была названа станция, заливало всю сцену неяркими лучами. Свет отражался от поверхности кораблей, и казалось, что они пылают пламенем истины и триумфа.

Эйзенхорн десятки раз наблюдал этот грандиозный спектакль, но до сих пор величественная картина не переставала его удивлять и напоминать, как далеко шагнуло человечество за столь короткое время. Сделанное на Марсе открытие встряхнуло обитателей Земли, побудило лучших ученых во всех отраслях науки объединиться в стремлении к общей грандиозной цели — раскрыть тайны, сохраненные в марсианском бункере.

В первые же дни исследований стало очевидно, что протеане — так называли расу таинственных инопланетян — далеко опередили людей в области технологий... И исчезли давным-давно. По всем подсчетам выходило, что находке не менее пятидесяти тысяч лет и она создана еще до начала эволюции современного человека. Однако протеане построили хранилище из неизвестных на Земле материалов, и прошедшие пятьдесят тысячелетий не причинили найденным сокровищам почти никакого вреда.

Самым замечательным открытием оказались оставленные протеанами информационные файлы — миллионы терабайт бесценных данных, замечательно сохранившихся, хотя и записанных на незнакомом языке.

Расшифровка содержимого этих файлов стала для всех ученых Земли чем-то вроде поисков чаши святого Грааля. Несколько месяцев прошло в неустанных трудах, но в конце концов ключ к разгадке был найден, и фрагменты мозаики стали собираться в одно целое.

Знаменательное открытие лишь подлило масла в огонь сторонников теории сверхсекретности. Они заявляли, что для получения полезных сведений из бункера требуется не менее нескольких лет, а то и десятилетий. Но их сомнения на фоне громких научных открытий большинством населения остались неслышанными или незамеченными.

Расшифровка инопланетного наречия словно прорвала невидимую дамбу, и разум человечества захлестнул поток новых знаний и открытий. Научные работы, ранее требовавшие многолетних исследований, теперь выполнялись за несколько месяцев. Люди овладели технологией протеан и научились создавать поля масс-эффекта, что позволило передвигаться со сверхсветовой скоростью; космические корабли вырвались из оков пространственно-временных ограничений. Подобные гигантские шаги были сделаны и в других отраслях: в овладении новыми эффективными источниками энергии, в экологических вопросах и формировании ландшафта.

В течение всего лишь одного года обитатели Земли освоили пределы Солнечной системы. Готовые к использованию ресурсы других планет, их спутников и астероидов позволили быстро создать орбитальные космические станции. Грандиозные работы, проведенные на собственном спутнике Земли, дали возможность превратить каменные пустыни в обитаемые пространства. И Эйзенхорн, как и большинство остальных людей, не был склонен прислушиваться к тем, кто твердил, что новый золотой век был тщательно спланированной мистификацией, подготовленной десятилетия тому назад.

— Офицер на капитанском мостике! — выкрикнул один из членов экипажа.

Капитан Эйзенхорн услышал, как все присутствующие на мостике дружно встают, чтобы приветствовать пришедшего, и, даже не оборачиваясь, понял, кто посетил рубку. Такой человек, как адмирал Джон Гриссом, заслуживал всеобщего уважения. Серьезный и суровый офицер притягивал к себе внимание всех окружающих, его присутствие нигде не могло оставаться незамеченным.

— Твой приход меня удивил, — негромко произнес Эйзенхорн, бросив последний взгляд на разворачивающуюся за окном сцену, пока Гриссом пересекал капитанскую рубку.

Они были знакомы уже два десятка лет, а впервые встретились, будучи еще молодыми рекрутами, на тренировочной базе десантников США, еще до образования Альянса.

— Разве не ты все время твердишь, что обзорные окна представляют собой слабые места на кораблях Альянса? — добавил Эйзенхорн.

— Должен же я внести свой вклад в поддержание морального духа экипажа, — прошептал в ответ Гриссом. — Я решил, что смогу укрепить славу Альянса, если выйду и начну с тоской смотреть в окно затуманенным взором, как ты.

— Такт — это искусство высказывать суть, не наживая при этом врагов, — напомнил ему Эйзенхорн. — Так говорил сэр Исаак Ньютон.

— У меня не может быть никаких врагов, — пробормотал Гриссом. — Не забывай, я же прославленный герой.

Эйзенхорн считал Гриссома своим другом, но это не исключало того факта, что общаться с адмиралом было нелегко. В профессиональном отношении Гриссом воплощал собой идеальный образ офицера Альянса: энергичный, волевой и требовательный. При исполнении долга он всецело подчинялся поставленной цели, держался с абсолютной уверенностью и не допускал колебаний, чем заслужил уважение и преклонение подчиненных. Однако при личном общении становилось заметно, что он подвержен резким переменам настроения и часто замыкается в себе. С тех пор как он попал в фокус всеобщего внимания и превратился в символ всего Альянса, его характер еще больше испортился. Годы славы постепенно превратили его жесткий прагматизм в циничный пессимизм.

Эйзенхорн и не ожидал увидеть Гриссома в веселом настроении — адмирал никогда не был в восторге от подобного рода мероприятий. Но настроение его друга показалось ему мрачным сверх меры, и капитан заподозрил, что случилось что-то еще.

— Ты ведь оказался здесь совсем не ради речи перед выпускниками, не так ли? — спросил Эйзенхорн, все так же не повышая голоса.

— Необходимо знать самую суть, — ответил Гриссом коротко и тихо, но так, чтобы слышал Эйзенхорн. — А тебе нет необходимости знать все остальное. — И через секунду добавил: — Да ты и не хочешь этого знать.

Два офицера некоторое время стояли молча, просто поглядывая в окно на приближающуюся станцию.

— Согласись, — продолжил Эйзенхорн, надеясь разгадать смысл мрачных высказываний своего друга, — вид Арктура, окруженного целой флотилией Альянса, производит величественное впечатление.

— Наша флотилия не будет казаться столь величественной, стоит ей разойтись по десяткам других солнечных систем, — заметил Гриссом. — У нас не так уж много кораблей, а Вселенная чертовски велика.

Эйзенхорну оставалось лишь признать, что Гриссому это известно лучше, чем кому бы то ни было.

Займствованная у протеан технология позволила человечеству шагнуть на сотни лет вперед и сделала возможным освоение Солнечной системы. Но для того чтобы удалиться от Солнца, требовались не менее грандиозные открытия.

В 2149 году научная экспедиция, работавшая в одном из самых отдаленных уголков Галактики, едва освоенных людьми, пришла к заключению, что Харон, небольшой спутник, вращавшийся по орбите вокруг Плутона, вовсе не был одной из его лун. Он оказался еще одним законсервированным остатком технологии протеан. *Ретранслятор массы*. За несколько десятков тысяч лет, проведенных в бездействии, он покрылся коркой льда и замерзшего мусора толщиной в несколько сотен километров.

Это открытие не стало для ученых Земли абсолютной неожиданностью: существование и назначение ретрансляторов массы было описано в информационных файлах, обнаруженных в марсианском бункере. Система ретрансляторов массы была, попросту говоря, сетью соединенных между собой ворот, через которые корабли могли мгновенно переноситься из одного узла сети в другой, преодолевая расстояния в тысячи световых лет. Научная теория, лежащая в основе создания ретрансляторов массы, до сих пор оставалась загадкой даже для лучших экспертов Земли. Но, так и не сумев создать нечто подобное,

ученые смогли возродить к жизни единственный доставшийся им ретранслятор.

Перед людьми открылась дверь, ведущая в просторы Галактики, или в раскаленный центр звезды, или в черную дыру. С исследовательскими зондами, посылаемыми через открытые врата, немедленно утрачивалась связь. В этом, собственно говоря, не было ничего удивительного, если учесть, что ретранслятор забрасывал их на сотни световых лет от Земли. В итоге, чтобы узнать истину, оставалось лишь послать через ретранслятор массы кого-то из людей — человека, который осмелился бы встретиться с неизведанным и противостоять любым опасностям и врагам, ожидающим на другом конце пути.

Альянс набрал команду мужчин и женщин: солдат, готовых рискнуть своей жизнью, и гражданских лиц, желавших принести себя в жертву во имя продвижения науки и прогресса. Во главе группы должен был встать человек уникальных способностей и силы, тот, кто не дрогнул бы перед лицом любой опасности. Человек по имени Джон Гриссом.

После успешного возвращения через ворота ретранслятора массы всю группу приветствовали как настоящих героев. Но знаменосцем Альянса на пути к новой эпохе беспримерных открытий и завоеваний пресса выбрала Гриссома — сурового и непреклонного командира операции.

— Что бы ни случилось, — продолжал Эйзенхорн, все еще стараясь отвлечь Гриссома от мрачных раздумий, — ты должен верить, что мы справимся с любыми трудностями. Мы с тобой не могли и предполагать, что достигнем таких высот за столь короткое время.

Гриссом насмешливо скривил губы.

— Мы ничего бы не достигли, если бы не протеане.

Эйзенхорн покачал головой. Безусловно, находка протеанской технологии открыла перед человечеством грандиозные возможности, но усилиями таких людей, как Гриссом, возможности были воплощены в реальность.

— Если я хочу видеть дальше, я должен встать на плечи гигантов, — произнес Эйзенхорн. — И это тоже слова сэра Исаака Ньютона.

— Откуда такое увлечение Ньютоном? Он что, твой родственник?

— Знаешь, мой дедушка увлекся нашим генеалогическим деревом, и оказалось...

— Вряд ли я хочу об этом знать, — оборвал его Гриссом.

Они уже почти достигли цели. Теперь станция Арктур занимала все окно, заслоня собой все остальные объекты. Прямо перед ними в блестящем корпусе станции открылась зияющая дыра причального порта.

— Мне надо идти, — с усталым вздохом сказал Гриссом. — Они ожидают, что я первым спущусь по трапу, как только корабль причалит.

— Будь поприветливее с этими новобранцами, — попросил его Эйзенхорн. — Не забывай, они еще почти дети.

— Я прилетел сюда не для того, чтобы играть с детьми, — отрезал Гриссом. — Моя цель — найти солдат.

Первое, что сделал Гриссом, войдя на станцию, это потребовал отдельную каюту. Согласно распорядку, ему предстояло встретиться с выпускниками в 14 часов. В оставшиеся четыре часа после прибытия он планировал провести личные встречи с несколькими новобранцами.

Руководители академии Арктура не ожидали подобной просьбы, но сделали все, что было в их силах. Они отвели Гриссому небольшой кабинет, в котором стояли письменный стол, компьютер и один-единственный стул. Гриссом, усевшись за столом, в последний раз просмотрел личные дела. Для того чтобы поступить на обучение в группу Эйч-семь академии Арктура, был произведен весьма строгий отбор. Эти новобранцы были лучшими во всем Альянсе. И все же в списке Гриссома значились только лучшие из лучших, те, кто сумел отличиться даже в этой группе избранных.

В назначенный час послышался стук в дверь — два быстрых коротких удара.

— Войдите, — разрешил адмирал.

Дверь скользнула в сторону, и в комнату вошел младший лейтенант Дэвид Эдвард Андерсон, значившийся в списке Гриссома под первым номером. Еще не закончив обучение, он удостоился звания младшего офицера, и его личное дело подтверждало, что звание было присвоено ему не напрасно. Фамилии новобранцев шли в списке Гриссома по алфавиту, но Андерсон благодаря своим отметкам и отзывам преподавателей, без сомнения, занял бы первое место при любом раскладе.

Молодой человек оказался высоким — согласно личному делу, его рост составлял шесть футов и три дюйма. В свои двадцать лет он еще не набрал полной мышечной массы, но уже бросались в глаза широкая грудная клетка и прямые плечи. Андерсон обладал темной кожей, и его черные волосы, согласно требованиям академии, были коротко подстрижены и приглажены. В чертах его лица, как и у многих граждан многонационального Альянса, наблюдалось смешение признаков различных рас. Отчетливее всего проявились африканские корни, но Гриссом догадался, что среди его предков были и европейцы, и представители коренного населения Америки.

Андерсон энергичным строевым шагом пересек комнату и по стойке «смирно» замер у письменного стола, после чего приветствовал адмирала официальным салютом.

— Вольно, лейтенант, — скомандовал Гриссом, машинально ответив на приветствие.

Молодой человек слегка расслабил мышцы, расставил ноги и свел руки за спиной.

— Вы позволите говорить, сэр? — спросил он.

В обращении младшего офицера к контр-адмиралу не было заметно ни робости, ни колебаний; голос Андерсона звучал вполне уверенно.

Гриссом, прежде чем кивнуть, едва заметно нахмурился. Согласно личному делу, Андерсон родился и вырос в Лондоне, но в его речи почти не было заметно местного акцента. Диалект Андерсона, по-видимому, возник в результате смешения различных культур, электронного общения в сети, влияния всепланетных потоков информационных и развлекательных программ и музыки.

— Я только хотел сказать, какая высокая честь видеть вас лично, адмирал, — сказал молодой офицер. Он не проявил ни сентиментальности, ни неумеренного восторга, за что Гриссом был ему благодарен. Андерсон просто констатировал факт. — Я помню, что впервые увидел вас в новостях после экспедиции на Харон, когда мне было только двенадцать лет. Вот тогда я и захотел вступить в Альянс.

— Ты пытаешься напомнить, насколько я стар, сынок?

Андерсон начал улыбаться, решив, что это шутка, но под взглядом Гриссома быстро стер с лица усмешку.

— Нет, сэр, — ровным и сильным голосом ответил он. — Я только говорю о том, как вдохновляет всех нас ваш пример.

Гриссом ожидал смущения или какого-то извинения, но Андерсона оказалось не так легко сбить с толку. Адмирал сделал в своих записях короткую заметку.

— Я вижу, что ты уже помолвлен, лейтенант.

— Да, сэр. Она не состоит в армии. Осталась на Земле.

— Я тоже был женат на штатской, — поведал ему Гриссом. — И у нас родилась дочь. Я не смог попасть на ее двенадцатилетие.

Неожиданное откровение мгновенно вывело Андерсона из равновесия.

— Я... Мне очень жаль, сэр.

— Чертовски трудно сохранить брак, когда состоишь на такой службе, — предупредил его Гриссом. — Ты уверен, что беспокойство об оставшейся на Земле женщине не мешает выполнять свой долг во время полугодовой экспедиции?

— Только поможет, сэр, — заверил его Андерсон. — Всегда хорошо знать, что дома меня кто-то ждет.

В голосе лейтенанта не прозвучало и намек на гнев, но было ясно, что он никому не позволит себя запугивать, даже контр-адмиралу. Гриссом кивнул и сделал еще одну пометку в своих записях.

— Тебе известно, зачем я назначил эту встречу, лейтенант? — спросил он.

После недолгого размышления тот отрицательно покачал головой:

— Нет, сэр.

— Двенадцать дней назад наша флотилия покинула базу Шаньси. Корабли через врата ретранслятора массы Шаньси-Тета направлялись в неизведанный сектор космоса. Два грузовых судна и три фрегата. Там они вступили в контакт с инопланетянами. Как мы полагаем, это был какой-то патруль. Вернуться удалось только одному фрегату.

Слова Гриссома для неискушенного новобранца были подобны неожиданно взорвавшемуся снаряду, но выражение лица Андерсона почти не изменилось. Единственной заметной реакцией стали только широко раскрытые глаза.

— Это протеане, сэр? — спросил он, сразу перейдя к сути дела.

— Мы так не считаем, — сообщил Гриссом. — В отношении технологии, как нам кажется, они находятся на том же уровне, что и люди.

— На каком основании можно было прийти к такому выводу, сэр?

— На таком, что посланные днем позже вслед им корабли с Шаньси сумели догнать и уничтожить весь патруль.

Андерсон негромко охнул и сделал глубокий вдох, чтобы совладать со своими чувствами. Гриссом не винил его; напротив, способность лейтенанта справиться с ситуацией произвела на него благоприятное впечатление.

— Были ли приняты с их стороны какие-то ответные меры, сэр?

Парень не глуп. Он быстро соображает и всего за несколько секунд смог проанализировать положение и задать наиболее важный вопрос.

— Они выслали подкрепление, — проинформировал его Гриссом. — И захватили Шаньси. Подробными деталями мы не располагаем. Спутники связи выведены из строя. Единственным известием был сигнал бедствия, полученный одним из наших судов за несколько часов до падения Шаньси.

Андерсон кивнул, дав знать, что все понял, но воздержался от дальнейших высказываний. Гриссом не без удовольствия отметил, что молодой лейтенант обладает достаточным терпением и пользуется возможностью переварить информацию. Такие известия кого угодно могли выбить из равновесия.

— Вы собираетесь послать нас с акцией возмездия, сэр?

— Руководство Альянса еще не приняло решения, — сказал Гриссом. — Я могу им только советовать. Вот за тем я и прилетел сюда.

— Боюсь, я не совсем понимаю вас, адмирал.

— Каждый военный контакт может иметь один из трех исходов: бой, отступление или капитуляция.

— Мы не можем повернуться спиной к Шаньси! Мы должны вступить в бой! — воскликнул Андерсон. — Прошу прощения, сэр, — добавил он через секунду, вспомнив, с кем говорит.

— Все не так-то просто, — заметил Гриссом. — Подобным действиям еще не было прецедентов; нам пока не приходилось сталкиваться с такими противниками. Мы ничего о них не знаем. Если мы вступим в войну с расой инопланетян, неизвестно, чем это закончится. Не исключено, что их флот во много раз превосходит наши силы. В случае развязывания полномасштабных действий человеческая раса может оказаться на грани полного уничтожения. — Гриссом немного помолчал, дав время собеседнику усвоить его слова. — Ты действительно полагаешь, что мы должны пойти на такой риск, лейтенант Андерсон?

— Вы спрашиваете меня, сэр?

— Командование Альянса, прежде чем принять решение, запросило моего совета. Но сражаться на передовой предстоит не только мне, лейтенант. Ты был командиром отряда во время обучения в Эйч-семь. Я хочу услышать твое мнение. Как ты считаешь, наши солдаты готовы к решительным действиям?

Андерсон нахмурился и долго и напряженно обдумывал ответ.

— Сэр, я считаю, что другого выхода у нас нет, — заговорил он, тщательно подбирая слова. — Отступление не выход в данной ситуации. Теперь, когда чужакам известно о нашем существовании, они вряд ли остановятся на Шаньси. Рано или поздно нам придется вступить в бой или капитулировать.

— А капитуляция тебя не устраивает?

— По моему мнению, человечество, будучи поработленным другой расой, не выживет, — ответил Андерсон. — Свобода стоит того, чтобы за нее драться.

— Даже если мы проиграем? — настаивал Гриссом. — Речь идет не только о том, чтобы пожертвовать *твоей* жизнью, солдат. Мы спровоцируем их, и эта война может продолжиться на Земле. Подумай о своей невесте. Согласен ли ты ради свободы рискнуть ее жизнью?

— Я не знаю, сэр, — мрачно признался Андерсон. — А вы согласны обречь свою дочь на рабство?

— На такой ответ я и надеялся, — произнес Гриссом и коротко кивнул. — Если у нас будет много таких воинов, как ты, Андерсон, человечество готово к любым испытаниям.

ГЛАВА 1

Восемь лет спустя

Офицер штаба Дэвид Андерсон, командующий отрядом на корабле «Гастингс», скатился со своей койки при первых же звуках сирены. Благодаря многолетней службе на судах вооруженных сил Альянса он действовал автоматически. Ноги еще не успели коснуться пола, а мозг уже полностью проснулся и приступил к оценке ситуации.

Тревожный сигнал прозвучал еще раз, звук отразился от обшивки и раскатился по всему кораблю. Общий вызов на позиции. Ну, по крайней мере «Гастингс» еще не подвергся нападению извне.

Натягивая форму, Андерсон перебрал в уме возможные сценарии. Патрульный корабль «Гастингс» нес дежурство в пустынной области освоенного Альянсом космического пространства, обозначенного как Скайллианский Край. В его основную задачу входила защита десятка людских поселений и научных станций, разбросанных в этом секторе. Общий сбор мог означать обнаружение неопознанного корабля на территории Альянса или получение сигнала бедствия. Андерсон надеялся, что тревога объявлена по первой причине.

В тесной каюте, где кроме него располагались еще два члена экипажа, было не так-то легко одеться, но Андерсон давно привык к подобным неудобствам. Меньше чем через минуту он уже был полностью одет и обут и быстро шагнул по узким переходам к капитанскому мостику, где его ждал капитан Беллиард. Андерсону, как старшему офицеру, надлежало довести до сведения военных приказы начальства и проследить, чтобы они были выполнены надлежащим образом.

На любом военном корабле острее всего ощущался недостаток свободного пространства, и Андерсон лишний раз вспомнил об этом, столкнувшись с двумя членами экипажа, которые спешили ему навстречу, пробираясь к своим постам. Людям пришлось прижаться к стене узкого перехода, так что салют старшему офицеру, протискивающемуся мимо них, вышел достаточно неуклюжим. Но, несмотря на ограниченность пространства, люди без лишней суеты точно и быстро выполняли маневр, что давно стало отличительной чертой каждого экипажа военного корабля флотилии Альянса.

Андерсон уже почти добрался до цели. Мимоходом он заглянул в навигационный отсек, где заметил, что два младших офицера поспешно проводят какие-то вычисления, а результаты наносят на трехмерную звездную карту, развернутую на их пульте. Оба навигатора приветствовали старшего офицера, уважительно кивнув, но были слишком заняты своим делом, чтобы соблюсти все формальности и отдать честь. Андерсон мрачно кивнул в ответ. Он успел рассмотреть, что они прокладывают маршрут к ближайшему

ретранслятору массы. Это могло означать только одно: «Гастингс» получил сигнал бедствия. Лейтенанту давно была известна неумолимая истина: чаще всего сигнал бедствия приходил слишком поздно.

После завершения войны Первого Контакта человечество слишком быстро стало распространяться во Вселенной и вскоре столкнулось с нехваткой военных судов, необходимых для патрулирования таких отдаленных секторов, как Скайллианский Край. Местные поселенцы отлично знали, насколько реальна опасность военного вторжения, и слишком часто «Гастингс» приземлялся на планете лишь для того, чтобы обнаружить в недавно процветающей колонии только трупы, сожженные сооружения да горстку потрясенных до глубины души выживших жителей. Андерсон до сих пор не мог смириться с тем, что ему лично приходилось сталкиваться с подобными свидетельствами убийств и разрушений. Да, ему доводилось принимать участие в военных действиях, но то было совсем другое дело. Война в основном велась между звездными кораблями, и уничтожение противника происходило на расстоянии десятков тысяч километров. Обугленные обломки и почерневшие останки гражданских жителей вызывали в нем совершенно другие чувства.

Война Первого Контакта, несмотря на столь громкое название, закончилась без особых кровопролитий. Конфликт вспыхнул из-за того, что один из патрулей Альянса непредумышленно вторгся на территорию Турианской империи. В данном случае человечество впервые столкнулось с другими разумными существами; для туриан это стало вторжением представителей агрессивной и доселе неизвестной расы. Непонимание и чрезмерная настороженность с обеих сторон привели к нескольким интенсивным стычкам между патрулями и разведывательными флотилиями, но конфликт не успел превратиться в полномасштабную планетарную войну. Возросшая напряженность и неожиданная активизация турианского космического флота привлекли внимание галактического сообщества более высокого ранга. К счастью для человечества.

Как оказалось, туриане являлись лишь одной из дюжины независимых рас, добровольно объединившихся под управлением высшего органа, известного как Совет Цитадели. Совет, желая предотвратить межзвездную войну с недавно вышедшими в космос людьми, обнаружил свое существование перед Альянсом и вмешался в конфликт, в результате чего между турианами и человеческим обществом было достигнуто мирное соглашение. Война Первого Контакта была официально завершена уже через два месяца после ее начала.

Человечество потеряло шестьсот двадцать три жизни. Большая часть жертв пришлось на первое столкновение и сражение на Шаньси, подвергнувшегося атаке турианского флота. Потери второй стороны были немного больше; действия кораблей Альянса, посланных для освобождения захваченной базы, оказались беспощадными, жестокими и стремительными. Но на галактическом уровне потери с обеих сторон считались минимальными. Человечество было избавлено от необходимости вступать в безжалостную войну, а вместо этого стало новым членом обширного межзвездного союза, объединявшего различные расы.

Андерсон поднялся на три ступеньки, отделявшие капитанский мостик от уровня основной палубы. Капитан Беллиард, согнувшись над небольшим экраном, следил за потоком поступающей информации. При появлении старшего офицера он поднялся и ответил на формальное приветствие Андерсона.

— У нас возникли проблемы, лейтенант. Через один из спутников связи поступил сигнал бедствия, — объявил капитан, не тратя время на вступление.

— Именно этого я и опасался, сэр.

— Сигнал поступил с Сидона.

— Сидон? — Андерсон вспомнил это название. — У нас ведь там находится научно-исследовательская станция?

Беллиард кивнул:

— Да, небольшая база. Пятнадцать бойцов охраны, двенадцать научных сотрудников и шесть человек обслуживающего персонала.

Андерсон нахмурился. На обычный налет это не похоже. Грабители предпочитали нападать на неохраняемые поселения и исчезать до того, как на сцене появлялись военные корабли Альянса. Хорошо охраняемая база Сидона не входила в число их обычных жертв. Этот случай больше походил на военный акт.

Туриане, по крайней мере официально, считались теперь союзниками Альянса. Кроме того, Скайллианский Край был расположен слишком далеко от их территории, чтобы затевать какие-либо конфликты. Но имелись и другие расы, оспаривавшие у человечества контроль над данным участком космоса. В отношении господства над Скайллианским Краем Альянс соперничал с батарианским сообществом, но до сих пор обе стороны старались избегать любых проявлений насилия. Андерсон сомневался, чтобы батариане начали эскалацию войны с подобной стычки.

Однако в этой области Галактики не одна группировка была не прочь нанести урон Альянсу, уничтожив одну из его баз. Некоторые из них даже состояли из людей: независимые террористические организации, объединяющие представителей различных рас; партизанские отряды, желающие любым способом досадить официальной власти; нелегальные военизированные банды, рыщущие в поисках оружия; отдельные группы безжалостных мародеров, надеющиеся одним махом захватить большую добычу.

— Неплохо бы узнать, над чем работали ученые на Сидоне, — заметил Андерсон.

— Это сверхсекретная база, — напомнил капитан, покачав головой. — У меня даже нет плана самой базы, не говоря уж о том, чтобы получить описание их работ.

Андерсон помрачнел. Без схемы сооружений им придется действовать вслепую и сражаться на неизвестной местности, не имея никакого тактического преимущества. Миссия становилась все сложнее и сложнее.

— Каково расчетное время прибытия, сэр?

— Сорок шесть минут.

Наконец-то хоть какие-то хорошие новости. «Гастингс» при патрулировании не придерживался строго определенного маршрута, и то, что они оказались в непосредственной близости от терпящего бедствие объекта, было счастливой случайностью. Если повезет, они прибудут на место действия вовремя.

— Мой десантный отряд готов, капитан.

— Как и всегда, лейтенант.

Андерсон повернулся, чтобы уйти, а на комплимент капитана ответил обычным:

— Так точно, сэр!

На фоне черной бездны космоса «Гастингс» был почти невидим невооруженному глазу. Корабль, окруженный генерируемым полем масс-эффекта и мчащийся со скоростью, почти в пятьдесят раз превышающей скорость света, лишь слегка нарушал спокойствие пространственно-временного континуума.

«Гастингс» уже прокладывал путь сквозь звездное пространство, а рулевой продолжал слегка корректировать курс, направляя корабль к ближайшему ретранслятору массы, находящемуся примерно в пяти миллиардах километров. При скорости почти в пятнадцать миллионов километров в секунду путь к назначенной точке не занял много времени.

В десяти тысячах километров от цели рулевой отключил основной генератор, деактивировав поля масс-эффекта. Корабль замедлил движение до скорости ниже скорости света и распространил вокруг себя дрожащие волны избыточной энергии, так что его корпус как будто вспыхнул голубым пламенем. Сияние осветило неуклонно приближавшийся ретранслятор массы. Конструкция неземного происхождения, однако, сильно напоминала громадный гироскоп. Центром сооружения являлась сфера, образованная двумя концентрическими кольцами, вращающимися на единой оси. Каждое кольцо имело в поперечнике около пяти километров, а из непрерывно вращающегося центра выходили две пятнадцатикилометровые спицы. Все сооружение непрестанно вспыхивало ослепительно-белыми искрами энергетических выбросов.

По сигналу с «Гастингса» сооружение пришло в движение. Ретранслятор величественно повернулся на своей оси, ориентируясь на другой узел сети, находившийся в сотнях световых лет отсюда. «Гастингс» увеличил скорость и по точно рассчитанному курсу направился в центр огромной конструкции протеан. Кольца ретранслятора сразу начали вращаться быстрее, пока обе окружности не слились в сплошное размытое пятно. Отдельные вспышки энергии переросли в мощный пульсирующий поток, и его мощность все возрастала, пока не стало больно смотреть на этот ослепительно-яркий луч.

До центра ретранслятора оставалось уже меньше пятисот километров, и в этот момент ретранслятор произвел залп. Разряд темной энергии неудержимой волной вырвался из вращающихся колец и поглотил корабль. Корпус «Гастингса» замерцал, а затем исчез, выброшенный из реальности. В тот же миг он в ярко-голубой вспышке возвратился из небытия и снова появился в реальном мире, но уже за тысячу световых лет, в зоне действия следующего ретранслятора массы.

Основной генератор «Гастингса» с ревом возродился к жизни, корабль резко ускорил движение, перешел на сверхсветовую скорость и исчез в темноте, отбросив за собой быстро тающий красноватый след пламени и радиации. Оставленный позади ретранслятор уменьшил мощность излучения, и кольца замедлили вращение.

— Ретранслятор массы остался за кормой. Основной генератор приведен в действие. Расчетное время прибытия на Сидон двадцать шесть минут.

В грузовом отсеке, где Андерсон ютился вместе с четырьмя другими десантниками, доносившийся из динамика внутрикорабельной связи голос был почти не слышен, поскольку его заглушал рев двигателей. Но, чтобы понять, что происходит, лейтенант не нуждался в чьих-либо комментариях. В животе все еще не прошло неприятное ощущение после прыжка, совершенного при помощи ретранслятора массы.

Теоретически он понимал, что никакой тошноты быть не должно. Прыжок между двумя узлами сети — из места нахождения, или от передающего ретранслятора, к пункту назначения, или принимающему устройству, — происходил мгновенно. Процесс не занимал ни секунды реального времени, а потому физически не мог оказать никакого влияния на тело. Но, безоговорочно принимая научные выкладки, Андерсон по собственному опыту знал, что на практике все происходило несколько иначе.

Хотя на этот раз неприятные ощущения могли быть обусловлены тяжелыми предчувствиями того, что ожидало их на поверхности Сидона. Кто бы ни атаковал исследовательскую станцию, он оказался достаточно сильным, чтобы справиться с пятнадцатью воинами Альянса. Даже учитывая фактор внезапности, для подобной акции требовались значительные силы. Альянсу следовало бы послать на подкрепление армейский транспорт, а не патрульный фрегат, способный вместить отряд только из пяти человек десанта.

Но ответить на призыв о помощи больше некому, кроме того, большие космические корабли не в состоянии опуститься на поверхность планеты. «Гастингс» достаточно мал, чтобы преодолеть сопротивление атмосферы, достичь цели, а затем снова выйти в космос. Любому кораблю больших размеров, чем фрегат, пришлось бы для высадки десанта воспользоваться челноками или мелкими транспортировщиками, а на это уже не оставалось времени.

Хорошо хоть, что они имеют возможность высадиться в своих тяжелых доспехах. Каждый член десантируемой группы был облачен в массивный бронекостюм, снабженный кинетическими генераторами защитного поля и на три четверти прозрачным шлемом. Все бойцы были вооружены десятком гранат и стандартными автоматами Альянса образца «Хахне-Кедар Г-912». Магазин такого оружия содержал более тысячи зарядов — крошечных пуль размером менее песчинки. При выстреле микроскопические снаряды вылетали с такой скоростью, что могли произвести весьма существенные разрушения.

Но существовала и одна реальная проблема. Какой бы передовой ни была технология

изготовления защитных средств, она всегда хоть на один шаг, но отставала. Альянс не жалел средств, когда речь шла о безопасности своих солдат, и их броня была сделана по последнему слову техники, а кинетические поля спроектировали согласно новейшим достижениям военной науки. Но всего этого было недостаточно, чтобы уберечь от повреждений, наносимых тяжелыми орудиями с близкого расстояния.

Если им и суждено остаться в живых после задания, то это произойдет не благодаря современному оборудованию. В первую очередь всё и всегда зависит от двух вещей: их умения и руководства. Жизни солдат теперь находятся в руках Андерсона, и он уже чувствовал неуверенность подчиненных. Десантники Альянса были превосходно подготовлены, чтобы справиться с любыми моральными или физическими проявлениями человеческого инстинкта самосохранения, но сейчас они ощущали нечто отличное от привычного выброса адреналина, предшествующего каждому сражению.

Ему надо быть осторожным, чтобы не выдать собственных сомнений; командир обязан проявлять абсолютную уверенность и самообладание. Однако члены его отряда достаточно сообразительны, чтобы самостоятельно разобраться в обстановке. Они так же способны сложить картину из отдельных кусочков мозаики, как и сам Андерсон. Все понимали, что обычные грабители не стали бы нападать на превосходно охраняемую базу Альянса.

Андерсон не верил в пользу напутственных речей; здесь все они были профессионалами. Но даже солдатам Альянса нелегко было провести последние тревожные минуты перед боем в полном молчании. Кроме того, лейтенант не видел никаких причин скрывать от них правду.

— Всем необходимо быть настороже, — произнес он, зная, что соратники отлично слышат его благодаря радиопередатчикам в шлемах, несмотря на шум судовых двигателей. — Я подозреваю, что на Сидоне побывала не просто банда грабителей, которые надеялись хапнуть большой куш и удрать.

— Это батариане, сэр?

Вопрос задала ведущий артиллерист Джилл Дах. Она была всего на год старше Андерсона, но принимала активное участие в действиях Альянса еще в то время, пока он сам проходил обучение в группе Эйч-семь на Арктуре. Потом они вместе служили во время войны Первого Контакта. Ростом более шести футов, Джилл возвышалась над многими своими сослуживцами-мужчинами. Более того, благодаря широким плечам, отлично тренированным мускулам и крупной, но пропорциональной фигуре она была сильнее многих. Кое-кто из солдат отряда называл ее «Ама», сокращенно от «Амазонка», но только за ее спиной. А когда дело доходило до сражения, каждый был рад иметь ее в числе своих напарников.

Андерсон хорошо относился к Дах, но она грешила привычкой отпугивать людей. Джилл не верила в дипломатию. Если у нее имелось собственное мнение, она всегда его высказывала, и это объясняло тот факт, что ей до сих пор не присвоили офицерского звания. Однако лейтенант понимал: если Джилл задала вопрос, значит, и все остальные, вероятно, хотят получить на него ответ.

— Давай не будем спешить с выводами, канонир.

— Есть какие-то сведения о предмете разработок на Сидоне?

На этот раз вопрос поступил от капрала Ахмеда О'Рейли, технического эксперта.

— Полная секретность. Это все, что мне известно. Так что будьте готовы ко всему.

Еще два члена отряда, рядовой второго класса Индиго Ли и рядовой первого класса Дэн Шай, предпочли не высказываться, и в грузовом отсеке вновь воцарилось молчание. Никто не ждал от этой миссии ничего хорошего, но Андерсон был уверен, что солдаты беспрекословно последуют за ним. Он не раз выводил их из огня и давно заслужил доверие каждого.

— Приближаемся к Сидону, — прохрипел динамик. — Станция не отвечает ни на одной частоте.

Новость только усугубила мрачные опасения. Если бы на базе остался в живых хоть

один человек, он ответил бы на вызов «Гастингса». Андерсон опустил визор и закрыл лицо. Солдаты немедленно последовали его примеру. Спустя минуту они ощутили турбулентность, значит, корабль вошел в слои атмосферы крошечной планеты. По кивку Андерсона его бойцы в последний раз проверили оружие и готовность генераторов защитного поля.

— Установлен визуальный контакт с базой, — доложил голос из интеркома. — На поверхности планеты, а также поблизости не обнаружено ни одного корабля.

— Проклятые трусы уже сбежали. — Андерсон услышал по радиосвязи бормотание Дах.

Выгодное местоположение «Гастингса» давало ему надежду на поимку противников на месте преступления, но и отсутствие космических кораблей не вызвало у Андерсона удивления. Нападение на охраняемую базу требовало как минимум трех действующих вместе судов. Тогда как два больших корабля спускались на поверхность и высаживали штурмовые команды, третье, разведывательное судно должно было оставаться на орбите и следить за малейшими проявлениями активности ближайшего ретранслятора массы.

Со стоящего на страже корабля, должно быть, увидели, как пробудился к жизни ретранслятор, когда «Гастингс» только приближался к исходной позиции. С того момента, как поступил сигнал тревоги, прошло достаточно времени, чтобы два других корабля смогли покинуть планету, подняться в безвоздушное пространство, перейти на сверхсветовую скорость и скрыться до приближения патрульного фрегата. Да, корабли грабителей давно скрылись, но в спешке они могли оставить на поверхности кого-нибудь из своих солдат.

Спустя несколько секунд «Гастингс» с глухим стуком приземлился в порту исследовательской базы Сидона; мучительное ожидание подошло к концу. Вакуумная дверь грузового отсека «Гастингса» с шипением открылась, наружу опустился заборный трап.

— Отряд десанта, — раздался в динамике интеркома голос капитана Беллиарда, — можете выходить.

ГЛАВА 2

Канонир Дах и Ли, два десантника, назначенные начать высадку, стремительно сбежали по трапу. С оружием на изготовку они осмотрели местность в поисках возможной засады, в то время как Андерсон, О'Рейли и Шай прикрывали их из корабля.

— Посадочная площадка свободна, — доложила Дах по радиосвязи.

Вскоре весь отряд высадился, и Андерсон попытался оценить обстановку. Посадочная площадка оказалась небольшой — места хватило бы для трех фрегатов, или, возможно, для двух транспортных судов. В сотне метрах от нее виднелись двойные герметичные двери, ведущие на внутреннюю территорию базы — одноэтажное прямоугольное здание, в котором вряд ли разместились бы тридцать три человека, занимавшиеся исследованиями, не говоря уже о различных лабораториях и мастерских.

Вокруг все выглядело до странности нормальным, казалось, все находится на своих местах, кроме, разве что, полудюжины ящиков, стоящих у соседней посадочной площадки.

«Так вот как началась атака», — догадался Андерсон. Ящики с припасами и оборудованием, вероятно, доставлялись к дверям станции вручную или на маленьких тележках. На станции, вероятно, ожидали прибытия грузового корабля, а потому, как только налетчики стали выгружать ящики, кто-то открыл двери, и двое или трое охранников вышли, чтобы помочь с разгрузкой, и были застрелены противником, скрывавшимся внутри судна.

— Странно, что здесь не осталось тел, — заметила Дах в унисон мыслям Андерсона.

— Наверное, их оттащили после того, как захватили посадочную зону, — предположил он, хотя и сам не понимал, кому и зачем это могло понадобиться.

Лейтенант жестом приказал своим солдатам пересечь посадочную площадку и подойти к дверям станции. Скользящие створки из толстой стали остались гладкими и неповрежденными, они управлялись при помощи простейшей панели на стене. Но тот факт,

что двери оказались закрытыми, вызвал у Андерсона недоумение.

Лейтенант шел во главе отряда, и, как только он остановился, нагнулся и поднял сжатый кулак, все остальные тоже замерли на месте. Андерсон выбросил вверх два пальца, дав знак О'Рейли приблизиться. Капрал, пригибаясь почти к самой земле, поравнялся с командиром и опустился на одно колено.

— Есть какие-то соображения по поводу запертой двери? — пронзительным шепотом спросил лейтенант.

— Это кажется немного странным, — признал О'Рейли. — Если кто-то торопился покинуть станцию, зачем медлить и закрывать за собой дверь?

— Проверь ее, — приказал Андерсон техническому эксперту. — Работай не спеша и осторожно.

О'Рейли нажал кнопку на своем автомате, и рукоятка, магазин и дуло стали сворачиваться, пока оружие не превратилось в небольшой прямоугольник, вдвое уменьшившись в размере. Техник бросил оружие в кобуру на бедре, а из кармана с другой стороны достал универсальный набор инструментов. Пригнувшись к самой двери, он стал сканировать поверхность на наличие малейших сигналов, свидетельствующих о присутствии посторонних электронных устройств.

— Отличная ловушка, лейтенант, — пробормотал он, получив результаты. — К двери прикреплена мина, реагирующая на движение.

Капрал поколдовал над своим прибором и послал на датчики короткий импульс, чтобы подавить приемные сенсоры, подобраться поближе к двери и обезвредить устройство. Весь процесс занял не больше минуты. Андерсон не дышал все время, пока работал техник, но осознал это лишь после того, как О'Рейли, обернувшись, поднял большой палец в знак того, что мина благополучно обезврежена.

По кивку Андерсона отряд устремился вперед на штурм двери, и каждый солдат занял заранее условленную позицию. Андерсон и Шай, прижавшись спинами к стене, встали по обе стороны от входа. Канонир Дах припала к земле в нескольких метрах напротив двери. За ее спиной, немного в стороне, Ли держал наготове свой автомат и обеспечивал прикрытие Дах.

Затем О'Рейли, оставшийся рядом с Андерсоном, поднял руку и набрал на панели код, открывающий дверь. Едва створки разошлись, Дах сорвала с пояса осветительную гранату и швырнула ее внутрь, а сама откатилась в сторону, в укрытие. Ли последовал ее примеру, а из-за двери полыхнуло ослепительное пламя и вырвались тонкие струйки дыма.

Грохот взрыва еще не успел затихнуть, как Андерсон и Шай с поднятыми автоматами ринулись внутрь, готовые уничтожить притаившихся противников. Классическая операция по штурму входа была проведена с безупречной точностью. Но помещение оказалось пустым, лишь на полу и стенах виднелись капли крови.

— Все чисто! — крикнул Андерсон, и десантники присоединились к своему командиру.

Они оказались в почти пустой прямоугольной комнате с единственным выходом, ведущим вглубь базы. В углу стоял небольшой столик, а вокруг валялось несколько опрокинутых стульев. Монитор на стене передавал картинку с посадочной площадки.

— Пост охраны, — констатировала Дах, подтвердив недавние догадки Андерсона. — Вероятно, здесь располагались четверо охранников, наблюдавших за прибывающими судами. Скорее всего, они сами открыли дверь и вышли наружу, чтобы помочь с разгрузкой.

— Лейтенант, следы крови ведут дальше, по этому проходу! — крикнул рядовой Индиго. — Похоже, что тела убитых затащили сюда и сложили где-то в глубине станции.

Андерсон до сих пор не догадывался, зачем кому-то понадобилось перетаскивать трупы, но по крайней мере у них появился какой-то след. Отряд медленно углубился в станцию, идя по следу из кровавых капель, который привел их в столовую, где были обнаружены перевернутые столы и стулья, а также пробойны в стенах и потолке. Все это явно свидетельствовало о том, что здесь произошла короткая, но яростная перестрелка.

Затем десантники подошли к двум отдельным спальням. Обе двери были распахнуты настежь, а внутри, как и в столовой, имелись многочисленные пулевые отверстия. Андерсон мысленно представил себе картину произошедшего: нападавшие, прорвавшись внутрь, систематически прочесывали помещения, уничтожали всех обитателей автоматным огнем, а потом уносили с собой тела убитых.

Отряд дошел до задней стены здания, но так и не нашел никаких следов присутствия вражеских солдат. Однако неожиданно для себя люди сделали другие открытия. В самой отдаленной части помещения они обнаружили большую лифтовую шахту, уходящую вглубь планеты.

— Так вот почему помещение показалось слишком маленьким! — воскликнул О'Рейли. — Все самое ценное спрятано глубоко под землей! Проклятие! Хорошо бы знать, над чем они тут работали, — пробормотал он мгновение спустя и далеко не так оживленно. — Одному богу известно, на что можно наткнуться внизу.

Андерсон поддерживал его опасения, но в данный момент его интересовала другая странность. Согласно показаниям пульта управления лифтом, кабина находилась на самом нижнем уровне. Если при известии о приближении «Гастингса» кто-либо хотел скрыться, лифт остался бы наверху.

— Что-то не так, лейтенант? — спросила Дах.

— Кто-то спустился на лифте вниз, — пояснил он, мотнув головой в сторону пульта. — Но они так и не поднялись на поверхность.

— Ты считаешь, что они все еще там? — спросила канонир, и по ее тону можно было понять, что она на это надеется.

Лейтенант кивнул, и по его лицу скользнула мрачная усмешка.

— А что же произошло с их кораблями? — удивился рядовой Шай, все еще не понимая сути.

— Тот, кто напал на научную станцию, искал нечто определенное, — объяснил Андерсон. — Но наверху они этого не обнаружили и, вероятно, послали вниз группу, чтобы завершить поиски. Возможно, на поверхности осталось всего несколько человек, следивших за обстановкой. Только они не рассчитывали, что патруль Альянса находится поблизости и способен быстро отреагировать на призыв о помощи. После того как сторожевой корабль известил об активизации ретранслятора массы, они поняли, что на спасение бегством остается лишь около двадцати минут. Могу поспорить, что они даже не позаботились предупредить об опасности тех, кто остался внизу.

— Как? Почему? Почему они их не предупредили?

— Этот лифт спускается вниз на целых два километра, — вмешался капрал О'Рейли, желая помочь неискушенному рядовому разобраться в обстановке. — А переговорное устройство, вероятно, было выведено из строя во время перестрелки. На такую глубину, сквозь толщу скальной породы и металлических руд не пройдет никакой радиосигнал. А подъем или спуск лифта занимает полных десять минут. Если бы они захотели предупредить своих товарищей, им бы понадобилось полчаса: десять минут на вызов кабины с нижнего уровня, десять минут на спуск, чтобы добраться до дна, и десять минут, чтобы снова выбраться наверх, — продолжал капрал. — А это слишком много. Проще удрать, а остальных бросить здесь.

Шай широко распахнул глаза:

— Они бросили своих?

— Вот в этом и состоит отличие налетчиков от солдат, — подытожил Андерсон, а затем снова переключился на задание. — Это все меняет. Под нами находится вражеское подразделение, и противнику неизвестно о том, что наверху их ожидает патруль Альянса.

— Мы можем организовать засаду, — предложила Дах. — Как только дверь лифта откроется, мы начнем стрельбу и порвем этих мерзавцев в клочья! — Ее быстрая речь сопровождалась оживленным блеском глаз. — У них не останется ни единого шанса!

Андерсон немного подумал, потом покачал головой.

— Атакующие, несомненно, намеревались отыскать нечто для них важное и уничтожить всех свидетелей. Но внизу, возможно, остался в живых кто-то из подданных Альянса. Если есть хоть один шанс их спасти, мы должны им воспользоваться.

— Это может быть опасно, сэр, — предупредил его О'Рейли. — Мы предположили, что они не подозревают о нашем присутствии. В противном случае, в засаду попадем мы сами.

— И все же придется рискнуть, — сказал Андерсон и, стукнув кулаком по кнопке пульта, вызвал кабину лифта наверх. — Мы спустимся к ним.

Остальные члены отряда, включая О'Рейли, ответили дружным: «Есть, сэр!»

Долгий и медленный спуск на лифте оказался еще более мучительным, чем ожидание начала миссии в грузовом отсеке-корабля. С каждой минутой кабина опускалась все глубже в недра планеты, а напряжение становилось все сильнее.

Лейтенант слушал негромкое гудение лебедки — монотонный гул, вызывающий вибрацию в основании черепа, который делался глуше и тише, но не исчезал, хотя они спускались все глубже. Воздух стал плотным, теплым и влажным. Андерсон почувствовал, как закладывает уши, а потом ощутил странный запах: пахло сернистыми газами, подземными лишайниками и инопланетной плесенью.

Он взмок так, что щиток его шлема запотел. Андерсон старался не думать о том, что после открытия дверей лифта их может встретить шквальный огонь только и ожидающих их появления противников.

В конце концов лифт достиг самого дна шахты, и враги действительно его поджидали, вот только они явно не были готовы встретить *их*. Створки разошлись, открыв выход в большой вестибюль — природную пещеру со множеством сталактитов, сталагмитов и известняковых столбов. Яркие лампы под самым потолком заливали пещеру искусственным светом, отражающимся в бесчисленных прожилках блестящей металлической руды. В дальнем конце виднелся единственный выход — длинный тоннель, просматривающийся до ближайшего поворота.

Вражеский отряд — приблизительно дюжина наемников — двигался к лифту с противоположного конца пещеры. Солдаты, шутя и смеясь, с пристегнутым оружием, направлялись к лифту, в котором намеревались подняться на поверхность планеты.

Андерсону хватило доли секунды, чтобы определить в них грабителей, а не служащих научной станции, и он отдал приказ открыть огонь. Его подчиненные взяли оружие наизготовку и держались начеку, так что приказ был выполнен молниеносно. Десантники выбежали из кабины в вихре шквального огня. Первый залп врезался в толпу ничего не подозревающих наемников. Если бы не их броня и защитные поля, схватка могла бы закончиться в ту же минуту.

Трое солдат из вражеского отряда упали на землю, но большую часть смертельных снарядов отразила или задержала броня, так что остальные кинулись назад и укрылись за валунами и сталагмитами.

Следующие несколько секунд сражения прошли в невообразимом хаосе. Отряд Андерсона рвался вперед, стремясь использовать имеющиеся в пещере укрытия. Им приходилось двигаться очень быстро, пока противники не оправились от неожиданности и не уничтожили группу на месте. Воздух разрывал грохот автоматных очередей и пронзительный свист пуль, отскакивающих от скальной породы, а светящиеся следы каждой пятой из пуль наполняли пещеру мерцающим сиянием.

По пути к ближайшему массивному сталактиту Андерсон ощутил так хорошо знакомую дрожь, означавшую, что кинетический щит отбил несколько пуль. Не будь защитного поля, эти снаряды могли бы угодить в цель. Лейтенант бросился на пол и перекатился под прикрытие каменного столба, уклоняясь от автоматной очереди, взрывшей землю у самых его ног. Фонтанчики пыли и брызги воды взметнулись вверх и угодили под щиток шлема.

Андерсон поднялся на ноги, сплюнул попавшую в рот грязь и машинально проверил уровень защитного поля. Осталось всего двадцать процентов мощности — этого не хватит

даже на еще один такой бросок под прямым обстрелом противника.

— Доложить уровень защиты! — крикнул Андерсон в радиопередатчик.

Ответы поступили без промедления: «Двадцать!» «Двадцать пять!» «Двадцать!» «Десять!»

Отряд сохранил свой первоначальный состав, однако защитные поля значительно истощились. Первоначальное преимущество внезапности уже утрачено, и теперь им предстоит вести бой с противником, почти вдвое превосходящим по численности. Но солдаты Альянса привыкли сражаться одной командой, оберегать и прикрывать друг друга. Они доверяли своим товарищам и своему командиру. Андерсон быстро прикинул, какой маневр обеспечит им преимущество перед бандой наемников.

— Дах, Ли, передвигайтесь вправо! — крикнул он. — Постарайтесь зайти с фланга!

Лейтенант повернулся, выглянул из-за прикрывавшего его сталагмита и выпустил в сторону врага отвлекающую автоматную очередь. Он и не пытался поразить определенную цель; даже при помощи функции самонаведения, которая имела в его оружии, было почти невозможно попасть в человеческий силуэт без того, чтобы не задержать движение хотя бы на полсекунды. Но он и не рассчитывал попасть в цель. Ему лишь требовалось не дать противнику прицелиться в Дах и Ли, пока те, пригнувшись, зигзагами перебежали к следующему укрытию.

После двухсекундной стрельбы он снова спрятался за сталагмитом — оставаться на одном месте без защиты было слишком опасно. Едва смолк автомат Андерсона, Шай высунулся из-за огромного валуна и выдал следующую очередь, прикрывая своих товарищей, а стоило ему нырнуть в укрытие, огонь открыл О'Рейли.

Как только капрал снова пригнулся за камнем, Андерсон опять высунул голову и принялся стрелять. На этот раз он выглянул с левой стороны сталагмита. Высунуться дважды в одном и том же месте означало наверняка получить пулю.

Лейтенант закончил стрельбу и скрылся. В этот момент в наушниках раздался голос Дах:

— Мы на месте! Прекращайте огонь прикрития!

Теперь настала его очередь менять позицию.

— Я иду! — крикнул Андерсон.

Он стремительно выскочил из-за сталагмита на открытое пространство и, пригибаясь, быстро пробежал до ближайшего естественного укрытия, которыми изобилдовала подземная пещера. К счастью, каменный столб оказался достаточно большим, чтобы защитить его от вражеских выстрелов.

Позади известняковой колонны он успел перевести дух и, приказав Шаю и О'Рейли двигаться дальше, прикрыв их длинной очередью.

Подобные маневры повторялись снова и снова. Андерсон приказывал своим бойцам по очереди менять местоположение, тогда как остальные вели сокрушительный огонь, заставлявший противника обороняться.

Каждый раз лейтенант менял порядок передвижений. Суть стратегии состояла в том, чтобы отряд постоянно двигался, сбивая врагов с толку. Если бы они оставались на своих местах, наемникам удалось бы пристреляться к цели или, что еще хуже, забросать позиции гранатами. Постоянные передвижения не давали такой возможности, и десантники продолжали действовать по плану.

При всей сумятице и хаосе сражения лейтенант не терял способности руководить боем, словно шахматной партией. Он прекрасно владел стратегией и тактикой боя, чтобы передвигать своих солдат, но не забывать об их защите, тем самым постепенно занимая все более выгодные позиции. Отряд Андерсона действовал как единый организм, и бойцы, передвигаясь по одному, обретали дополнительные преимущества. Они обходили противников с флангов, заставляли их высовываться из укрытий и попадать под перекрестный огонь.

Наемники тоже понимали, что происходит. Согласованные действия Андерсона и его

команды вынуждали их оставаться на одном месте, словно в ловушке, и преимущество большей численности уже не играло роли. Рано или поздно им предстояло решиться на один из двух вариантов: либо, без особой надежды на успех броситься в контратаку, либо покинуть укрытие и попытаться бежать. В данном случае они выбрали второе.

Все произошло в одно мгновение. Наемники выскочили из-под прикрытия и ринулись к выходу из пещеры, находившемуся за их спинами, одновременно ведя ожесточенную, но беспорядочную стрельбу в направлении солдат Альянса. Именно этого и ждали Андерсон и его люди.

Едва началось отступление, Андерсон встал из-за валуна, служившего ему очередным укрытием. Его голова и плечи оказались на виду, но противники отстреливались, убегая задом наперед, а потому с трудом попали бы в целый корабль, не то что в половину человеческого туловища. Поэтому лейтенант поднял оружие, пристроил его на валуне, выбрал одного из наемников и подождал, пока система самонаведения не установит цель. Только потом он медленно нажал на курок. Прицельная очередь мгновенно истощила мощность защитного поля, разорвала броню и достигла плоти; наемник завертелся на месте и рухнул на пол.

Вся процедура от начала до конца заняла около четырех секунд — целую вечность, если бы противник, в свою очередь, угрожал прицельным огнем. Но в данный момент такой опасности не было, и у Андерсона хватало времени на то, чтобы вести стрельбу с предельной точностью. Покончив с первым врагом, он еще успел прицелиться во вторую жертву и так же четко ее уничтожить.

Создавшимся преимуществом воспользовался не только Андерсон. За время беспорядочного бегства наемников его отряд вывел из строя семерых. Лишь двоим удалось остаться в живых, проскользнуть в безопасный проход и скрыться за поворотом.

ГЛАВА 3

Андерсон не стал тут же посылать отряд в погоню за противником. Как только убегающие налетчики скрылись из виду, преследование превратилось в бессмысленно рискованное мероприятие. Каждый пройденный ими угол, поворот или разветвление тоннеля могло таить в себе смертельно опасную ловушку.

Вместо этого Дах, О'Рейли и Ли заняли оборонительные позиции рядом с тоннелем на тот случай, если беглецы приведут подкрепление. Андерсон и Шай, обезопасив единственный источник угрозы, смогли заняться осмотром трупов.

В сражении было убито десять наемников. Лейтенант и его подчиненный приступили к осмотру каждого тела — неприятное, но необходимое занятие. В первую очередь надлежало проверить, не было ли среди них раненых, представлявших потенциальную угрозу. Андерсон с облегчением обнаружил, что все оставшиеся в пещере противники мертвы. Командование Альянса не поощряло уничтожение пленных, но их присутствие лишь осложнило бы выполнение этой и без того непростой миссии.

Следующим шагом была попытка определить, кто являлся истинным заказчиком в этом деле. Среди убитых обнаружилось пятеро батариан, трое людей и двое туриан: восемь мужчин и две женщины. Их вооружение представляло собой беспорядочный набор средств, используемых как армейскими силами, так и находящихся в свободной продаже, от самых разных производителей. Официально признанные воинские подразделения обычно пользовались оружием и броней одной марки — неизбежное следствие эксклюзивных контрактов между изготовителями и правительственными органами надзора.

Сейчас перед Андерсоном лежали солдаты удачи, члены одной из многих вольных банд, распространенных в этом секторе космоса, охотно продававшие свои услуги богатым заказчикам. Большинство наемников носили на себе татуировки или клейма, свидетельствующие о принадлежности к той или иной группировке; обычно эти метки располагались на лице, руках или шее. Но единственными отметинами, что нашел Андерсон,

были пятна воспаленной и шелушившейся кожи.

Он был разочарован, но не удивлен. Для участия в делах, где главную роль играла секретность, солдаты удачи избавлялись от своих знаков, вытравляя их концентрированной кислотой, а после выполнения задания наносили отметины снова. Эта простая, но болезненная процедура обычно оговаривалась с нанимателем и оплачивалась отдельно. Очевидно, набранная для нападения на Сидон группа испытывала опасения перед возмездием со стороны Альянса, и ее члены предприняли все меры предосторожности на тот случай, если операция закончится провалом.

К тому моменту, когда Андерсон и Шай закончили осмотр трупов и собрали гранаты, медигель и другие полезные предметы, которые не составляло труда унести с собой, контратаки со стороны уцелевших наемников так и не последовало.

— Похоже, они не собираются выходить, — сообщила Дах подошедшему к ней Андерсону.

— Тогда нам самим придется идти за ними, — отозвался лейтенант и вставил в генератор защитного поля свежую батарею. — Мы не можем ждать здесь целую вечность, а шанс отыскать кого-нибудь из выживших сотрудников станции все еще остается.

— Или нарваться на другой отряд наемников, — проворчал О'Рейли и тоже сменил аккумулятор.

Капрал выразил общие опасения. Никто не сомневался, что в глубине станции находится еще одна группа наемников, и двое беглецов, спасшихся от десантников, наверняка уже предупредили своих товарищей. Но, даже если им предстояло угодить в расставленную ловушку, отряд Альянса не мог отступать.

Андерсон дал своим людям еще немного времени, чтобы проверить и перезарядить оружие, а потом скомандовал:

— Дах, Шай, идете первыми. Пора выступать!

В длинном, грубо прорубленном тоннеле они двигались, соблюдая стандартное построение патруля Альянса, — двое десантников шли впереди, Андерсон и О'Рейли держались по центру в трех метрах позади, рядовой Ли в трех метрах за ними замыкал отряд, обеспечивая безопасность тылов. Все бойцы держали оружие наготове и медленным, размеренным шагом продвигались по неровному полу пробитого в скалах прохода. Сейчас они считали себя на поле боя, и осторожность имела большее значение, чем скорость. Малейшая невнимательность могла стоить жизни каждому из них.

В десяти метрах от входа тоннель резко сворачивал влево. Перед поворотом отряд остановился по жесту Дах. Канонир, пригнувшись к самой земле, на мгновение выглянула из-за угла, открыв себя возможному противнику, а затем быстро отпрянула назад. После ее рапорта «Все чисто!» отряд продолжил движение. Тоннель за поворотом протянулся еще на двадцать метров, после чего уперся в мощную, герметично закрытую металлическую дверь. Андерсон подал сигнал О'Рейли, и капрал выдвинулся вперед, чтобы при помощи своих инструментов вычислить код и деактивировать электронный замок. Остальные солдаты заняли стандартные позиции на случай засады.

— Если эти негодяи сумели запереть внутреннюю дверь, — зашептала Дах лейтенанту в ожидании, пока капрал справится с секретным устройством, — значит, они располагали кодами замков базы. Вероятно, им помогал кто-то изнутри.

Андерсон ничего не ответил, только угрюмо кивнул. Сама идея, что кто-то из сотрудников научной станции предал Альянс, претила ему, но это было единственно приемлемое объяснение. Наемники знали, что на станции ожидают прибытия грузового корабля, они должны были знать коды посадочных сигналов, чтобы спуститься на поверхность и не вызвать подозрений. Им было известно расположение помещений, и уничтожить всех обитателей и прорваться к лифту не составило для грабителей никакого труда. И более того, наемники имели доступ к секретным кодам замков, чтобы запереть двери. Все это неумолимо свидетельствовало об одном: на Сидоне им помогал предатель.

Дверь вскоре скользнула в сторону, и воины, выполняя стандартный маневр, швырнули

вперед осветительную гранату, чтобы ослепить возможного противника, а затем ринулись вперед, но по ту сторону двери их ждала пустота. Люди оказались в большой квадратной комнате, приблизительно двадцать на двадцать метров. Блестящие металлические стены и потолок, усиленный такими же металлическими листами пол — все указывало на то, что они приближались к центру научной лаборатории. В отличие от грубо обработанных стен только что пройденного тоннеля все поверхности здесь были гладкими и ровными. Из помещения вели два коридора — направо и налево.

— Я обнаружил следы крови! — крикнул слева О'Рейли. — Похоже, кровь свежая.

— Пойдем по этому следу, — решил Андерсон. — Ли и Шай, вы останетесь здесь. — Перспектива разделить и так небольшой отряд не радовала лейтенанта, но план помещений базы им был неизвестен. Нельзя допустить, чтобы наемники обошли их и смогли воспользоваться лифтом. — Дах, О'Рейли, следуйте за мной!

Оставив двух рядовых охранять единственный выход, Андерсон и выбранные им бойцы пошли по левому проходу, все дальше углубляясь в недра исследовательского комплекса. Они миновали еще пару-тройку перекрестков, но Андерсон не решился снова разделить группу. Он продолжал придерживаться кровавого следа. По пути им встретилось еще несколько комнат; судя по письменным столам и компьютерным установкам, это были кабинеты сотрудников. Как и в спальнях на верхнем уровне, здесь повсюду виднелись следы стрельбы. Разгул убийств, начавшийся наверху, беспрепятственно продолжился под землей. И снова наемники почему-то не оставили свои жертвы на месте убийства, по какой-то таинственной причине они уносили их с собою.

Минут, через пять десантники наконец обнаружили источник кровавого следа по которому шли. В центре небольшой комнаты, лицом вниз лежал турианин с окровавленной ногой. В нем Андерсон узнал одного из бежавших наемников. Он осторожно подошел ближе и опустил на колено, чтобы пощупать пульс. Пульса не было.

Из помещения имелся только один выход, но путь снова преграждала запертая дверь.

— Ты считаешь, что его напарник там? — спросила Дах, ткнув автоматом на закрытую дверь.

— Сомневаюсь, — ответил Андерсон. — Вероятно, он понимал, что мы пойдем по его следу. Могу поспорить, что он бросил раненого на одном из перекрестков, которые мы проходили. Возможно, ждал, пока мы пройдем, а затем со всех ног рванул к выходу.

— Надеюсь, Шай и Ли его не пропустят, — пробормотала Дах.

— Они справятся, — заверил ее Андерсон. — Но мне интересно, что находится за этой дверью.

— Возможно, она ведет в главную лабораторию, — предположил О'Рейли. — Может, там мы найдем хоть какие-то ответы.

Мертвого наемника оттащили в сторону — нельзя, чтобы об него кто-то споткнулся, если за дверью их ожидает засада. Затем по команде Андерсона капрал принялся изучать секретный замок, а лейтенант и канонир заняли позиции, готовясь к штурму очередного помещения.

Дах первой ворвалась в комнату, но там, как и раньше, никого не было. Вернее сказать, не было ни одной живой души.

— Мать милосердия! — вскрикнула Дах.

Андерсон сделал еще шаг вперед, и при виде открывшейся картины его желудок чуть не вывернулся наизнанку. О'Рейли оказался прав; они ворвались в огромную лабораторию, почти весь центр которой занимал массивный процессор. Из помещения не было другого выхода, кроме двери, через которую они прошли, и, как и во всех остальных комнатах научной станции, все оборудование было полностью разрушено снарядами.

Но не это так взволновало десантников. В комнате, у дальней от входа стены, было сложено на меньшей мере три десятка тел. Форма убитых указывала на их принадлежность к персоналу научной базы Альянса. В одном помещении были собраны останки охранников и ученых, уничтоженных за время налета по всему комплексу. Тайна пропавших трупов была

раскрыта, но Андерсону до сих пор было непонятно, зачем их всех стащили в одно место.

— Проверить, нет ли среди них живых, сэр? — уныло спросила Дах.

— Стойте, — приказал Андерсон, поднял вверх руку и остановил своих спутников. — Никому не двигаться.

— О господи, — прошептал О'Рейли, проследив за взглядом лейтенанта.

Комната была буквально напигована взрывчаткой. И не обычными разрывными гранатами: во всех стратегических точках лаборатории были установлены бесчисленные десятикилограммовые заряды. Все разрозненные кусочки мозаики внезапно сложились в голове лейтенанта в общую картину.

Заготовленной взрывчатки было достаточно, чтобы уничтожить все, что находилось в помещении, включая и тела убитых. Именно по этой причине их так тщательно собрали в одном месте. После взрыва будет невозможно установить личность погибших, а это означает, что предателя, кто бы он ни был, сочтут мертвым, как и всех остальных. Он сможет жить под другой личиной и пользоваться плодами своего преступления, не опасаясь возмездия.

Негромкий сигнал электронного устройства заставил Андерсона осознать, что поиски предателя являются в данный момент не самой важной проблемой.

— Таймер! — прошипел О'Рейли, едва не лишившись голоса от неожиданности и страха.

Сигнал снова повторился через секунду, и лейтенант понял, что умирающий наемник заманил их в ловушку. Механизм взрывного устройства отсчитывал последние секунды, и теперь их судьба — жизнь или смерть — зависела только от его приказа.

В промежутке между двумя мгновениями мозг Андерсона лихорадочно оценивал сложившуюся ситуацию. Объем заложенной взрывчатки был настолько огромен, что мог дестабилизировать весь подземный комплекс. Возможно, он вызовет обрушение во всех помещениях, вплоть до самого лифта. Даже если бы они находились достаточно далеко от эпицентра, им, возможно, не хватит воздуха, чтобы дождаться спасателей.

О'Рейли отличный специалист, и есть шанс, что он сумеет отключить устройство до того, как сработает взрыватель. Если только хватит времени. И если здесь нет дублирующей цепи. И если система ему знакома. И если нет встроенных ускорителей, способных отреагировать на постороннее вмешательство.

Слишком много «если». Отключение системы взрывателя не единственный вариант, значит, им остается...

— Бежим!

По его команде все трое мгновенно развернулись и бросились назад по тому же пути, по которому пришли.

— Шай, Ли, — крикнул в передатчик Андерсон. — Возвращайтесь к лифту! Быстро!

— Есть, сэр! — ответил кто-то из них.

— Ждите нас, сколько будет возможно, но как только я прикажу, поднимайтесь одни. Вам понятно?

Приемник молчал — тишину нарушал только топот тяжелых башмаков и прерывистое дыхание солдат Альянса, мчавшихся по коридорам.

— Рядовой! Ты меня слышишь? Проклятие, если я отдам приказ уходить, вы должны выполнить его, независимо от того, успеем мы до вас добраться или нет!

В ответ послышалось неохотное: «Понятно, сэр!» Они со всех ног бежали по переходам, скользя и спотыкаясь на поворотах, надеясь обогнать таймер, который мог сработать в любой момент. Принимать меры предосторожности против вероятных засад времени не оставалось, они лишь могли надеяться, что по пути их никто не подстерегает.

Трое десантников сумели добежать до того помещения, где их недавно ожидали Шай и Ли, но после этого удача их покинула. Канонир Дах бежала первой — ее длинные ноги позволяли с каждым шагом продвигаться немного дальше, и она опередила своих спутников уже на несколько метров. Дах, не снижая скорости, вбежала в комнату... и угодила под

шквальный огонь.

Их поджидал единственный оставшийся в живых наемник, батарианин. Вероятно, он пробрался сюда после того, как Шай и Ли по приказу Андерсона побежали к лифту. А потом терпеливо ждал, пока не представится шанс отомстить врагам.

Залп снарядов сбил Дах с ног. Она прокатилась по полу несколько ярдов и замерла.

Андерсон выбежал из коридора вторым и тотчас направил оружие на противника. В обычной ситуации наткнуться на подобную засаду было бы равносильно самоубийству, но наемник по глупости сосредоточил все свое внимание на Дах и даже не посмотрел в сторону Андерсона. К тому моменту, когда он наконец попытался повернуться и выстрелить в нового противника, лейтенант уже подбежал почти вплотную. С такого расстояния он даже на бегу сумел точно прицелиться и короткой очередью скосить врага.

О'Рейли появился в комнате в следующее мгновение и, увидев упавшую Дах и быстро увеличивающуюся вокруг нее лужицу крови, замедлил шаг.

— Беги! — приказал ему Андерсон. — Не останавливайся до самого лифта!

О'Рейли коротко кивнул и исчез из виду, оставив Андерсона наедине с поверженной спутницей.

Лейтенант, опустившись на одно колено, перевернул тело, чтобы осмотреть повреждения, и едва не подпрыгнул от неожиданности, когда канонир открыла глаза.

— Глупый ублюдок целился слишком низко, — процедила она сквозь стиснутые зубы. — Он прострелил мне ногу.

Андерсон перевел взгляд ниже и понял, что она права. Несколько случайных пуль преодолели кинетический барьер, защищающий торс, и отскочили от тяжелых пластин бронекосяма, оставив лишь небольшие царапины и вмятины. Зато правая нога, где броня была слабее, а плотный поток огня истощил мощность защитного поля, превратилась в кровавое месиво.

— Канонир, тебя давно не носили на руках? — спросил Андерсон, сбросил на пол оружие и расстегнул защелки бронекосяма.

— Я не из тех девочек, которых когда-либо носили на руках, сэр, — ответила она и расстегнула пояс, а затем стала сбрасывать все боеприпасы, до которых смогла дотянуться.

— Это не важно, — сказал лейтенант и, нагнувшись, помог ей сесть. Дах все еще оставалась в бронекосяме, но они и так потратили уже слишком много времени. — Тебе надо только крепче держаться.

Андерсон, как сумел, помог ей сцепить руки вокруг его шеи, а затем выпрямился, заметно покачнувшись под весом раненой женщины. Он остановился, чтобы распределить тяжесть и поддержать руками ее бедра, а Дах намертво вцепилась в его плечи.

— Поехали, — пробормотала она, стараясь сдержать стон от боли в раненой ноге, потревоженной при подъеме.

Андерсон сделал несколько неуверенных шагов, стараясь двигаться как можно быстрее и сохранять равновесие, несмотря на неудобную ношу. К тому времени, когда они добрались до перехода к большой сталактитовой пещере, лейтенант добился немного неуверенной, но эффективной походки, нечто среднее между ходьбой и бегом. И в этот момент сработал взрыватель.

Из лаборатории в самом центре подземного комплекса вырвался громадный огненный шар и покатился по тоннелю, сметая все на своем пути. Высвободившаяся энергия срывала с петель двери, от непереносимого жара вспучивались полы и плавилась стены.

В дальнем конце — в природной пещере — взрыв произвел тройной эффект. В первую очередь Андерсон ощутил, как вздрогнула под ногами земля, и он, не удержавшись, повалился на пол. Раненая нога Дах ударилась о землю, и женщина вскрикнула, но ее голос поглотил второй фактор взрыва — оглушительный грохот, раскатившийся по всем помещениям и поглотивший все остальные звуки. В довершение из только что пройденного прохода на них обрушилась волна раскаленного воздуха; она прижала людей к земле, обожгла легкие и лишила возможности дышать.

Андерсон попытался вздохнуть и на мгновение едва не потерял сознание. Он изо всех сил старался удержать ускользающую реальность, и тогда невидимая сила, стиснувшая грудь и прижавшая их к земле, несколько ослабла; волна перегретого воздуха, вызванная взрывом, распространилась по всей пещере.

Но опасность еще не миновала. От колоссального взрыва содрогнулась вся пещера. Световые гирлянды разорвались, и огни лампочек беспорядочно заметались, отбрасывая на стены хаотичные тени. В ушах еще стоял звон от грохота взрыва, но Андерсон уже слышал, как потрескивают готовые рухнуть наросты на потолке и стенах пещеры.

— О'Рейли! — закричал он в микрофон, надеясь, что трое десантников в кабине лифта еще могут его услышать. — Вся пещера вот-вот обрушится! Поднимайтесь на поверхность! Скорее!

— А как же ты и Дах? — прозвучал в шлеме Андерсона едва слышный отклик, хотя по тону капрала можно было предположить, что тот кричит во все горло.

— Как только выберетесь, пошлите лифт вниз, — ответил лейтенант. — А сейчас отправляйтесь наверх! Это приказ!

Он не стал ждать ответа и нагнулся к раненой — проверить ее состояние. Канонир Дах потеряла сознание. Андерсон собрал остатки сил и сумел забросить женщину на плечи, как это делают пожарные, а потом подняться во весь рост.

Началась мучительная и отчаянная гонка к свободе, но пещера вокруг них уже рушилась. Сталактиты огромными зазубренными копьями полетели с потолка вниз; соляные образования, провисевшие в пещере не одну тысячу лет, не выдержали последствий взрыва. В полу стали появляться глубокие трещины, со стен и потолка летели куски породы и, ударившись об пол, взрывались тучами осколков и пыли.

Андерсон изо всех сил старался не обращать на все это внимания. Он ничего не мог изменить и потому продолжал идти, надеясь, что летящие сверху камни в них не попадут. Вся его воля была направлена на единственную цель — поочередно ставить ноги одну перед другой. Он и сам не был уверен, сумеет ли добраться до цели. Пляшущие огни ламп создавали стробоскопический эффект, и сохранять равновесие на неровном полу становилось все труднее. После взрывной волны все тело покрылось синяками и ссадинами. Отчаяние и усталость уже давали о себе знать. Мышцы ног от напряжения горели огнем.

Выброс адреналина, сопровождавший начало миссии, уже истощился, и организму катастрофически не хватало энергии. Андерсон все медленнее и медленнее переставлял ноги, и бесчувственная женщина на его плечах казалась такой же тяжелой, как летящие с потолка глыбы камня.

Наконец впереди показалась шахта лифта, и Андерсона ничуть не удивило присутствие поджидавших его О'Рейли, Шая и Ли. Завидев командира, едва плетущегося с непосильной ношей, все трое бросились на помощь. Андерсон слишком устал, чтобы возражать. Он молча позволил двум рядовым взять Дах за плечи и бедра и стащить с его спины.

Освободившись от ноши, он покачнулся и едва не упал, но О'Рейли оказался рядом и поддержал своего командира. Так, опираясь на плечо капрала, Андерсон сумел проковылять оставшиеся двадцать шагов до лифта, а затем рухнул в углу кабины.

Двери закрылись, и начался долгий подъем на поверхность. Лифт шел далеко не так плавно, как раньше; тросы скрежетали и скрипели, кабина раскачивалась, а порой замирала на одном месте. Все хранили молчание, словно боялись ухудшить положение неосторожным замечанием. Андерсон так и остался лежать в уголке, где упал, и лишь хватал ртом воздух, пытаясь восстановить дыхание.

К тому времени, когда они все же добрались до цели и оказались в относительной безопасности на поверхности планеты, лейтенант достаточно оправился, чтобы заговорить.

— Я же приказал не ждать нас, — отчитывал он солдат по пути к «Гастингсу», пока рядовые несли тело все еще не пришедшей в сознание Дах. — Мне придется наказать каждого из вас за неподчинение приказу! — Он помолчал, дав время осознать его выговор. — Или ходатайствовать о награждении медалями.

ГЛАВА 4

Старший лейтенант Кали Сандерс не за красивые глаза стала одним из ведущих специалистов Альянса по компьютерным системам. Но она, безусловно, была привлекательна — все солдаты базы старались обратить на себя ее внимание в свободное от нарядов время. Ей было двадцать шесть лет, и впереди ее ожидало не менее полувека плодотворной жизни. И она сознавала, что готова совершить самую страшную в своей жизни ошибку.

Кали рассеянно отхлебнула из своего стакана, плотнее вжалась в уголок, стараясь не привлекать внимания, и обвела бар усталым взглядом. При среднем росте и среднем телосложении она обладала лишь одной по-настоящему отличительной чертой: длинными, до плеч, светлыми волосами — генетически рецессивным признаком, поскольку натуральные блондинки уже почти исчезли среди людей. Но поскольку среди остальных людей находилось немало любителей осветлять свою шевелюру, она ничем не выделялась среди толпы, и это помогало оставаться незамеченной и в баре «Черная дыра», где собралось множество посетителей.

Большую часть клиентов составляли люди. Ничего удивительного, ведь бар слыл одним из лучших заведений, расположенных поблизости от космопортов Элизиума, старейшей и самой крупной колонии Альянса в секторе Скайллианского Края. Но не меньше трети клиентов принадлежали к другим расам. Среди них больше всего было батариан; повсюду в толпе виднелись их узкие головы на жилистых шеях. Их крупные плоские треугольные носы с широкими ноздрями почти не выступали над лицевой маской и смотрели точно вниз, на тонкие губы и заостренные подбородки. Лица батариан покрывала короткая и мягкая шерсть, как на морде лошади, но вокруг рта она была гуще и длиннее. Невысокий хрящевой гребешок рифленой полоской начинался на макушке черепа и спускался на шею.

Но самой примечательной чертой этой расы был, несомненно, тот факт, что батариане обладали двумя парами глаз. Одна пара располагалась в выпуклых костяных глазницах по обеим сторонам лица, придавая ему форму ромба. Вторая пара глаз, меньшего размера, находилась выше, почти посередине лба. Батариане имели привычку смотреть на собеседника одновременно всеми четырьмя глазами, так что двуглазым особям было нелегко определить, на какой паре глаз фокусировать внимание во время беседы. Невозможность поддерживать визуальный контакт приводила в замешательство представителей других рас, и батариане почти всегда старались пользоваться этим обстоятельством во время переговоров и обсуждения торговых сделок.

Батарианское правительство, как и правительство Альянса, всячески поддерживало поселения своих граждан в секторе Скайллианского Края, желая закрепиться в этой области космоса. Но «Черная дыра» с радостью оказывала свое гостеприимство и всем другим пришельцам. Среди посетителей Кали заметила нескольких туриан, чьи лица почти полностью скрывались под твердыми татуированными наростами из кости и плоти, закрывающими головы, словно устрашающие языческие маски. В противоположном конце зала мелькнули быстрые цепкие взгляды небольшой группы салариан. В тени, возле двери, словно вставшие на задние лапы древние динозавры, возвышались двое массивных кроганов, охраняющих вход. И по всему залу без всяких усилий сновала среди клиентов красивая и проворная официантка-асари, легко удерживающая на весу уставленный напитками поднос.

Кали пришла в бар одна, и ей казалось, что все остальные объединены в те или иные группы. Они нависали над стойкой бара, теснились вокруг высоких столиков, толкались на танцевальной площадке и просто подпирали стены. Похоже, все приятно проводили время, смеялись и болтали с друзьями, коллегами или партнерами. Удивительно, как они еще слышат друг друга. Постоянный разноязыкий гул поднимался к потолку и обрушивался на нее грандиозным прибоем. Кали безуспешно пыталась укрыться от него в своем углу.

Сразу по прибытии она решила, что в толпе ей будет спокойнее. Возможно, удастся затеряться в массе людей. Но напитки в «Черной дыре» оказались такими же крепкими, как репутация заведения, и, хотя она лишь наполовину опустошила стакан, острота чувств заметно притупилась. Теперь ей казалось, что вокруг слишком шумно и слишком много движения. Она не могла сосредоточиться на окружающей обстановке. Ни у кого здесь не было причин подозрительно присматриваться к молодой женщине, одиноко сидевшей в углу, но Кали ловила себя на том, что беспрестанно осматривается, отыскивая внимательные взгляды.

В настоящий момент вообще никто не обращал на нее внимания. Но и это наблюдение не принесло спокойствия. Она оказалась в трудной ситуации, и алкогольное опьянение только нагнетало беспокойство, но ничуть не помогало найти выход. Кали поставила стакан на маленький столик, прикрепленный к стене, и попыталась собраться с мыслями, вспомнив все, что произошло, с самого начала.

Шестнадцать часов назад она покинула пределы исследовательской станции на Сидоне, не имея на то разрешения. Побег с базы стал не самым большим преступлением; ситуация усугубилась, когда восемь часов спустя она не появилась на своем рабочем месте. Пренебрежение должностными обязанностями было достаточно серьезным нарушением, чтобы оставить след в ее личном деле. А еще через четыре часа ее поведение характеризовалось уже термином «самовольная отлучка», за что предстояло отвечать перед военным судом, грозящим позорным увольнением, а то и тюремным заключением.

Она снова взяла стакан и сделала большой глоток, надеясь, что спиртное поможет замедлить бешеный бег мыслей. Вчера, когда она решила бежать, все казалось таким простым и ясным. Кали получила доказательства того, что ее начальник на базе занимался несанкционированными исследованиями, и она решила доложить об этом вышестоящему руководству.

Кали взломала защиту служебного файла, изготовила себе пропуск, дождалась космического челнока и через несколько часов оказалась на Элизиуме. Только во время перелета ее начали мучить сомнения.

Нескольких часов в челноке хватило, чтобы хорошенько обдумать свои действия и понять, что не все так ясно, как она предполагала сначала. Кали не имела представления, сколько людей на базе могли быть вовлечены в несанкционированные исследования. А что, если в этом участвовали ее сослуживцы, люди, которых она считала своими друзьями? Хочет ли она подвергать их преследованию? Такое поведение в какой-то мере казалось ей предательством.

Но опасения Кали не ограничивались лишь беспокойством о друзьях и коллегах; она крупно рисковала своей собственной карьерой. Она получила свидетельства проводимых изысканий, выходящих за рамки официально утвержденного задания, но эти свидетельства были добыты путем незаконного проникновения в строго секретные файлы, и действовала она только на основании своей интуиции и ужасных подозрений. Подозрения Кали оправдались, но формально все ее расследование могло быть квалифицировано как акт предательства по отношению к Альянсу.

Чем больше она размышляла, тем сложнее казалась ей сложившаяся ситуация. Кали не могла сказать, действовал ли ее начальник по своему усмотрению или подчинялся приказам высшего командования. А вдруг она придет со своими доказательствами именно к тому человеку, который и отдал приказ о противозаконных действиях? Изменится что-то на станции или дело будет закрыто? Неужели она понапрасну подвергает опасности свою карьеру и рискует оказаться в тюрьме?

Откровенно говоря, если бы ее хотели найти, это не составило бы никакого труда. Ее фальшивые документы остались в списке пассажиров челнока, идущего до Элизиума. Но Кали сомневалась, чтобы Альянс послал кого-то на поиски. По крайней мере до того, как ее отсутствие не составит двадцать четыре часа, что будет квалифицироваться уже как уголовное правонарушение. Значит, еще остается немного времени, чтобы принять решение.

Хотя несколько часов вряд ли имеют значение. Едва приземлившись, она пыталась решить проблему. Кали слишком нервничала, чтобы уснуть, слишком боялась вернуться на Сидон и принять наказание, слишком колебалась, чтобы продолжать начатое дело. Она переходила из одного бара в другой, пила, а потом снова выходила на улицу, чтобы протрезветь. Ни в одном месте она не задерживалась надолго, опасаясь привлечь чье-то внимание. Бары сменялись клубами, потом прогулками и снова барами, а решение проблемы так и не находилось.

Знакомое изображение приковало ее взгляд к экрану на противоположной стене, где шел выпуск новостей. Голос диктора она не слышала, но отчетливо увидела фото исследовательской базы на Сидоне. Кали озадаченно нахмурилась и попыталась прочитать бегущую строку внизу экрана.

...НАПАДЕНИЕ НА НАУЧНУЮ СТАНЦИЮ...

От неожиданности Кали широко открыла глаза и со стуком поставила стакан на столик, выплеснув почти все его содержимое на пол. Не обратив на это внимания, она покинула свое убежище в углу и стала пробираться сквозь толпу, бесцеремонно расталкивая локтями попадавшихся по пути посетителей, пока не оказалась достаточно близко к экрану, чтобы услышать слова диктора.

«Подробности случившегося пока неизвестны, но мы получили официальное подтверждение от командования Альянса, что научно-исследовательская база на Силоне подверглась атаке террористов».

Кали не терпелось узнать больше, и она продолжала двигаться вперед, так что один из посетителей от ее толчка пролил свой напиток.

Мужчина обернулся и сердито воскликнул:

— Эй, надо смотреть, куда!..

Заметив, что причиной его недовольства была хорошенькая молодая женщина, он осекся.

Кали даже не посмотрела на него, не в силах отвести взгляд от экрана.

«Место происхождения до сих пор закрыто дознавателями Альянса, так что прямая передача оттуда пока невозможна...»

Мужчина взглянул на экран, изобразив интерес, чтобы иметь повод завязать с ней разговор.

— Должно быть, это батариане, — равнодушно заметил он.

Его приятель, тоже желая произвести на незнакомку впечатление, поддержал разговор.

— В Альянсе уже несколько месяцев ожидали чего-то подобного, — произнес он непререкаемым тоном знатока вопроса. — Мой кузен служит в армии, и он мне рассказывал...

Разъяренный взгляд Кали заставил его умолкнуть. Обеспечив тишину, она снова обернулась к экрану и услышала окончание сообщения: «...по полученным данным, на станции никого не осталось в живых. Переходим к другим новостям. Посол человечества на Камале недавно провел пресс-конференцию, в ходе которой сообщил о подписании нового торгового соглашения...»

«Никого не осталось в живых». Эти слова обрушились на голову Кали оглушающим ударом. Еще вчера она была на базе. Вчера! Если бы не этот дурацкий побег, она тоже была бы мертва. Комната вокруг нее завертелась, и Кали едва не потеряла сознание.

Человек, которого она толкнула, поддержал готовую упасть женщину.

— Эй, что случилось? — В его голосе прозвучало неподдельное сочувствие. — Вам плохо?

— А?

Кали даже не сознавала, что всем телом повисла на руках незнакомца. Мужчина помог ей выпрямиться, а затем отстранился, хотя и был готов в любой момент снова ее поддержать, если потребуется. Он держал ее за руку, желая успокоить, а может быть, помочь сохранить равновесие.

— Вы были знакомы с кем-то из сотрудников базы? У вас там остались друзья?

— Да... То есть нет.

Недосыпание, алкоголь и шок от произошедшего на Сидоне на какой-то момент сломили Кали, но она уже снова твердо стояла на ногах. Мысли молниеносно заматались в голове; через мгновение она поняла, насколько опасными могут быть для нее последствия случившегося. Она тайком бежала с секретной базы всего за несколько часов до нападения. Она не просто оставшаяся в живых сотрудница — теперь она главная подозреваемая!

Во взглядах мужчин светились недоумение и сочувствие. Кали с извиняющейся улыбкой на губах осторожно высвободила свою руку.

— Простите. Эта новость застала меня врасплох. Я... я была знакома кое с кем на этой базе.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил второй мужчина.

Как ей показалось, он был вполне искренен; просто хороший парень, ищущий знакомства с женщиной. Но в этот момент она хотела только одного: уйти отсюда, и уйти так, чтобы ни у кого не было повода ее запомнить.

— Нет-нет, все в порядке. Спасибо. — Кали сделала шаг назад, продолжая говорить. — Я должна идти. Опаздываю на работу. Простите, что так вышло с вашим напитком.

С этими словами она развернулась и скрылась в толпе, направившись к выходу. На ходу она оглянулась через плечо и с облегчением отметила, что ни один из собеседников не собирается ее догонять. Двое мужчин, пожав плечами, выбросили из головы странное происшествие и возобновили прерванный разговор.

Снаружи, за дверью бара, было темно и прохладно. Известие о нападении на Сидон отрезвило Кали, но ей хотелось еще пройтись в бодрящей ночной прохладе, чтобы окончательно привести мысли в порядок.

«Черная дыра» располагалась на одной из главных улиц Элизиума, и в этот ранний вечер на тротуарах было полно людей. Кали, не выбирая дороги, быстро шагала по улице, она просто нуждалась в движении. В нескончаемом потоке пешеходов не так сильно кружилась голова. Вскоре параноя снова стала завладевать ее сознанием, и Кали поймала себя на том, что шарахается от встречных и вздрагивает от любого неожиданного звука. В толпе она чувствовала себя слишком уязвимой и незащищенной.

Пустынная боковая улочка показалась ей более безопасной. Кали чуть не бегом бросилась по узкому тротуару и не останавливалась до конца квартала. Неумолчный шум толпы и грохот монорельса, доносившиеся с главной улицы, здесь превратились в слабое журчание.

Известия с Сидона все изменили. Ей необходимо заново оценить ситуацию. Могло ли ее бегство каким-то образом спровоцировать нападение? Вряд ли это простое совпадение, но Кали не могла придумать, как связаны между собой эти два события. Одно она знала наверняка: теперь-то ее точно ищут. Надо замечать следы. Надо найти способ покинуть Элизиум так, чтобы никто не смог ее выследить. Необходимо раздобыть поддельное удостоверение личности или найти кого-нибудь, кто мог бы нелегально провести ее на борт космического судна. Если она останется здесь хоть немного дольше...

Она не удержалась от крика, почувствовав на плече чью-то тяжелую руку. Ее развернули на месте, и взгляд Кали уперся в грудь неправдоподобно высокого мужчины с железной хваткой.

— Кали Сандерс?

Слова прозвучали обвинением, а не вопросом.

Кали в страхе попыталась сделать шаг назад, изогнулась, пытаясь освободиться от хватки. Мужчина грубо встряхнул ее, она невольно поморщилась от боли в ключице.

— Лейтенант Кали Сандерс, вы арестованы по подозрению в предательстве по отношению к Альянсу.

От испуга Кали не сразу узнала форму, в которую был одет мужчина. Теперь она ясно ее разглядела: военная полиция Альянса. Значит, они все-таки нашли ее. Вероятно, ее

вычислили еще на главной улице и проследили до безлюдной аллеи.

Желание бороться мгновенно пропало. Опустив голову, она подчинилась своей участи.
— Я не делала этого, — прошептала она. — Все совсем не так, как вы думаете.

Он недоверчиво хмыкнул, но разжал пальцы и выпустил плечо. Но ощущение хватки не сразу оставило Кали. Наверняка останутся кровоподтеки.

Мужчина снял с пояса наручники и приподнял их, чтобы она видела.

— Кругом, лейтенант, — отрывисто приказал он. — Руки за спину.

Кали мгновение поколебалась, затем покорно кивнула. Соппротивление только ухудшит дело. Она невиновна, но теперь ей придется это доказывать перед военным трибуналом.

— Не пытайтесь бежать, — предупредил мужчина. — Мне даны полномочия стрелять на поражение.

Кали, подчиняясь приказу, уже начала поворачиваться, но эти слова привлекли ее внимание к висящему на бедре у полицейского оружию. Боковым зрением она увидела, что это тяжелый пистолет марки «Страйкер», изготовленный Эхиллским синдикатом.

В тот момент, когда наручник уже сомкнулся на левом запястье, в мозгу вспыхнуло предупреждение. Штатным оружием для всего персонала Альянса служила модель «Хахне-Кедар Р7», а не «Страйкер»! Через долю секунды наручник защелкнулся на правом запястье, и тут она все поняла. Дальше ею руководили инстинкт и адреналин. Кали яростно откинула голову назад. В ответ раздался звучный шлепок: лицо фальшивого полицейского было разбито в кровь.

Она стремительно развернулась. От неожиданного нападения оглушенный мужчина рухнул на колени, безвольно раскинув руки. Кровь рекой хлестала из поврежденного носа и разбитых губ, окрашивая лицо и шею. Превосходная мишень для ее правого колена! Следующий удар причинил еще более значительные повреждения.

Толчок отбросил мужчину назад, и он повалился набок, закашлялся от попавшей в горло собственной крови, но не сдался. Изогнувшись всем корпусом, он попытался достать ее ногами, но Кали была беспощадна. Она не знала, кто напал на нее — наемный убийца или агент спецслужб, — но не сомневалась: если сдастся, непременно погибнет.

В памяти всплыли уроки рукопашной борьбы, преподаваемые каждому служащему Альянса во время базовой подготовки, и она без труда уклонилась от ударов. Руки Кали удерживались за спиной наручниками, и единственным оружием оставались ноги. Она затанцевала вокруг поверженного противника, нанося стальными носками и подкованными каблуками тяжелых военных ботинок удары по самым уязвимым местам головы и груди.

Мужчина, пытаясь защититься, перекатился на живот. Кали на мгновение засомневалась, но тотчас заметила, как его рука подтягивается к висящему на бедре пистолету. Она прыгнула вперед и со всей силы опустила ногу на пальцы противника. Кали топтала его кисть снова и снова, пока все пальцы не превратились в мешанину из сломанных костей и обрывков кожи.

Она не обращала внимания на захлебывающиеся крики и стоны, на мольбы о пощаде, вырывавшиеся из разбитого рта. Враг все еще оставался в сознании, а значит, представлял для нее опасность. Кали яростно ударила носком ботинка в висок, вероятно повредив череп. Тело мнимого полицейского содрогнулось и тотчас расслабилось. Еще один удар по ребрам не вызвал никакой реакции, похоже, он действительно вырубился.

Кали торопливо опустилась на землю рядом с поверженным противником. Надо действовать быстро, пока кто-нибудь не появился на улице и не заинтересовался дракой. Фальшивый полицейский сковал ей наручниками кисти за спиной, но сделал это весьма небрежно. Металлические браслеты свободно двигались на запястьях — скользили вверх и вниз на несколько дюймов, так что предоставляли достаточную свободу. Кали извивалась и изгибалась, пока не сумела опустить скованные руки через бедра к коленям. Потом она перекатилась на спину и на бок, чтобы проташить ноги в образовавшееся кольцо. Рук Кали не освободила, но зато они были у нее впереди, а не за спиной.

Подавляя тошноту, она на руках и коленях поползла через лужу крови к противнику,

пока не оказалась прямо над неподвижным телом. Неглубокие прерывистые вздохи свидетельствовали о том, что мужчина еще жив. Кали с облегчением выдохнула, хотя и не сознавала, что так долго задерживает в груди воздух. Она не испытывала раскаяния после жестокого избиения противника, поскольку лишь защищала свою жизнь, но все же обрадовалась, что смерть этого человека не будет на ее совести.

Тренировки и выброс адреналина спасли ее. И еще беспечность врага. Но теперь, когда возбуждение понемногу улеглось, вид кровавой сцены вызвал первые признаки паники. Да, она служила в армии, но никогда не участвовала в сражениях. С такой ситуацией она столкнулась впервые.

«Ну же, Сандерс! — Прозвучавший в голове голос принадлежал ее давнему инструктору, но слова были ее собственными. — Ты еще не выбралась из этой неприятности!»

Она сжала зубы, полная решимости закончить начатое дело. И все же Кали не удержалась от дрожи, пока шарила по окровавленному ремню мужчины, ища ключи от наручников. Открыть замок оказалось ничуть не легче, чем перевести скованные руки из-за спины вперед. Пришлось зажать ключ в зубах и постараться открыть замок. После нескольких неудачных попыток она услышала щелчок, и браслет на левом запястье разошелся. Открыть второй замок, имея свободную руку, было делом одной секунды.

Кали быстро огляделась вокруг и к своему облегчению убедилась, что на улочке так никто и не появился. Она вытащила пистолет из кобуры оглушенного противника, проверила предохранитель и засунула оружие за пояс под куртку. Потом выпрямилась и замерла.

Она не имела представления, на кого работал этот человек, но было ясно, что он охотился специально за ней. Значит, могут быть и другие. Возможно, они засели в космопортах и просто ждут, пока она не попытается улететь из этого мира. Она оказалась в ловушке.

Нельзя даже показаться на главной улице. По крайней мере, в этой одежде, пропитанной кровью.

Оставалось только одно. Кали сделала глубокий вдох, чтобы хоть немного успокоить нервы, и направилась прочь от поверженного противника, двигаясь в противоположную от оживленной улицы сторону. Остаток ночи она провела, бродя по задворкам Элизиума, постоянно проверяя, нет ли за ней слежки, и медленно пробираясь к дому единственного человека, к которому могла обратиться за помощью. Человека, с которым поклялась своей матери больше никогда не разговаривать.

ГЛАВА 5

Всего за одно десятилетие после открытия планеты батарианскими исследователями Камала превратилась в один из самых важных миров Скайллианского Края. В отличие от других колоний, где население оставалось малочисленным, а поселения теснились вокруг одного главного города, на Камале образовалось сразу две огромные метрополии, насчитывающие более миллиона жителей каждая: столица Юджон и немного превосходящий ее по величине город Хейтр, где были сосредоточены главные космопорты планеты.

Между этими двумя городами на пятьсот километров простиралась негостеприимная пустынная область — главный источник богатства и быстрого роста Камалы. Под тонким слоем оранжевого песка и твердой красной скальной породы таилось самое большое в Краю месторождение элемента зеро. Запасы элзо — самого ценного в Галактике горючего — определили развитие экономики Камалы и привлекли тысячи колонистов, надеявшихся разбогатеть на сотнях шахт и обогащательных комплексов, разбросанных по всей пустыне. Большую часть населения планеты составляли батариане, и согласно местным законам только они пользовались всеми привилегиями коренных граждан. Но, как и в большинстве колониальных миров с процветающей экономикой, сюда не иссякал постоянный приток приезжих и иммигрантов со всех концов подвластного Цитадели пространства.

Если Камала с полным правом могла считаться самой богатой колонией батариан, то Эдан Хад-дах был на этой планете одним из богатейших жителей. Хад-дах входил в десятку самых состоятельных обитателей Скайллианского Края и не собирался этого скрывать. Он всегда одевался по последней моде: костюм от асари был сшит из лучших тканей, доставленных с самой Тессии. Его вкус отличала склонность к пышности и экстравагантности — ниспадающее одеяние черного цвета, отделанное огненно-алыми вставками, выгодно оттеняло его кожу. Но для сегодняшней встречи он предпочел простой коричневый костюм и уныло-серый плащ. Столь известному щеголю, как Хад-дах, подобное одеяние могло послужить самой надежной маскировкой.

В такое время Эдан, как правило, наслаждался стаканчиком спиртного на сон грядущий и прихлебывал лучший ханарский виски в уютной гостиной своего особняка в Юджоне. Но этот вечер никак нельзя было считать обычным. Вместо того чтобы упиваться комфортом и роскошью, Хад-дах торчал на жестком стуле в центре грязного склада в пустыне, неподалеку от Хейтра. Он ждал прихода самого прославленного наемного убийцы. Эдан ненавидел ждать.

Но он ждал не один. Еще не меньше дюжины мужчин, членов банды наемных солдат, именующих себя Синими Солнцами, тоже в ожидании болтались по складу. Шестеро из них были батарианами, двое — турианами, а остальные — людьми.

Людей Эдан тоже ненавидел. Они, как и представители его собственной расы, были двуногими. При почти таком же росте люди обладали более плотным телосложением, толстыми руками и ногами. На их коротких шеях торчали глупые круглые головы. И, как у всех двуглазых созданий, их лицам не доставало выразительности и признаков разумности. Вместо нормальных носовых щелей у людей имелся какой-то несуразный выступающий нарост. И даже их рты казались странными — губы были такими широкими и пухлыми, что непонятно, как этим существам удавалось воспроизводить членораздельную речь. Эдан считал, что они очень похожи на асари — еще одну расу, представителей которой он не жаловал.

Но Эдан был не из тех, кто позволяет личным пристрастиям вмешиваться в бизнес. В секторе Скайллианского Края имелось достаточно так называемых частных охранных агентств, и услуги большинства из них обошлись бы дешевле, чем помощь Синих Солнц. Зато Синие Солнца завоевали репутацию самых надежных и эффективных наемников. В прошлом, когда возникала необходимость прибегнуть к «особым» мерам, Эдан не раз пользовался их услугами, так что имел возможность на личном опыте убедиться в заслуженности их репутации. Он не мог доверить столь важное дело кому-то другому только из-за того, что Синие Солнца допустили в свои ряды людей. Хотя один из них совсем недавно провалил задание на Элизиуме.

Эдан не имел привычки лично встречаться с наемниками. Обычно он предпочитал вести дела через агентов и посредников, чтобы сохранить свою личность в тайне, а также из нежелания общаться с теми, кто имел гораздо более низкий социальный статус. Но тот, кого он собирался нанять сегодня ночью, настоял на личной встрече. Эдану и в голову не пришло приглашать наемного убийцу к себе домой или встречаться с ним наедине. Вот потому-то он напялил на себя этот нелепый костюм, на частном самолете пролетел пятьсот километров, чтобы оказаться на другом конце пустыни, на окраине Хейтра, и проводит вечер в холодном и пыльном помещении склада, в компании солдат, да еще на жестком стуле, от которого уже заныла спина и затекли ноги. А наемный убийца опаздывал уже больше чем на час!

Но ничего уже нельзя было изменить, он слишком глубоко влез в это дело. Синие Солнца, толпившиеся на складе, знали его в лицо; теперь придется держать их при себе в качестве личной охраны, пока все не закончится. Это единственный способ заставить их держать язык за зубами и ничего не разболтать остальным членам банды. Происшествие на Сидоне наверняка привлечет к себе внимание, и Эдан делал все, чтобы его участие в этом деле не открылось. И еще он хотел быть уверен, что не останется ни одной ниточки, способной связать его личность с нападением. Именно поэтому он согласился на

сегодняшнюю встречу.

— Он здесь.

Эдан слегка вздрогнул от неожиданности. Один из Синих Солнц — его сородич, батарианин — неслышно подошел вплотную и шепотом доложил о визитере.

— Проводи его сюда, — велел Эдан, быстро собравшись с мыслями.

Наемник кивнул и покинул помещение, а его наниматель поднялся на ноги, радуясь возможности встать с неудобного стула. Мгновение спустя в комнату вошел долгожданный гость.

Им оказался самый громадный из всех кроганов, каких только видел Эдан. При росте более двух с половиной метров и весе в две сотни килограмм он считался рослым даже по меркам его собственной змееподобной расы, хотя и не огромным. Как и у всех кроганов, его спина была слегка выгнута, что придавало ему некоторую сутулость. Это впечатление усиливалось тяжелым костяным гребнем и мышечными, покрытыми чешуей наростами на спине, шее и плечах. Из этого подобия мощного панциря торчала сплюснутая голова. Верхнюю часть черепа и шею сзади покрывали плотные кожистые пластины. Черты лица — плоского и грубого — наводили на мысль о доисторических чудовищах. У крогана не было выступающих ушей и носа, а маленькие злобные глазки располагались далеко друг от друга по обеим сторонам головы.

Кроган мог прожить несколько столетий, и цвет шкуры с возрастом становился ровнее и темнее. У этой особи в окраске преобладали темно-коричневые и желтоватые пятна, а бледно-желтых и зеленоватых отметин, свойственных молодым представителям этой расы, почти не осталось. Лицо и шею покрывал лабиринт белесых шрамов: старые свидетельства боевых ран образовывали прихотливый узор, словно выступившие вены были готовы вот-вот прорваться через кожу. Кроган пришел в легком бронекостюме, но без оружия — по предварительной договоренности с Эданом, оно было оставлено за дверью. Но это существо, даже безоружное, излучало угрозу.

Кроган обладал особой тяжеловесной грацией, словно какая-то природная сила, жестокая и беспощадная, перекатилась через порог склада. Гости сопровождали четверо Синих Солнц, по двое с каждой стороны. В их обязанности входило нагнать на наемника страху и удержать его от агрессивных действий, если переговоры зайдут в тупик. Но даже со стороны было ясно, что они сами достаточно напуганы. Напряженность сквозила в каждом шаге солдат, они двигались так, словно шли по краю кратера готового к извержению вулкана. Один из Синих Солнц, молодой представитель человеческой расы с татуировкой вокруг левого глаза, постоянно держал руку на кобуре висящего на бедре пистолета, словно это прикосновение могло придать ему отваги.

Смущение наемников показалось бы Эдану забавным, если бы он не нанял их ради собственной безопасности. Батарианин тотчас решил про себя приложить все силы, чтобы переговоры прошли успешно.

Между тем кроган приблизился, и его губы растянулись в стороны, продемонстрировав неровные зубы... Возможно, это была улыбка. Он остановился в нескольких шагах от Эдана, и Синие Солнца застыли рядом.

— Меня зовут Скарр, — прорычал кроган, и от необычайно низкого голоса завибрировали половицы.

— Я — Эдан Хад-дах, — представился батарианин.

Он слегка наклонил голову влево, что для его расы свидетельствовало о восхищении и уважении. Скарр в ответ тоже наклонил голову, но вправо, а это означало приветствие низших по рангу. Эдан невольно разозлился. То ли кроган намеренно его оскорбляет, то ли он не понимает значения жестов. Но уже через мгновение батарианин решил принять второе объяснение, хотя, судя по тому, что ему было известно о Скарре, можно было остановиться и на первом варианте.

— Обычно я не соглашаюсь встречаться с теми, кого нанимаю на службу, — заговорил Эдан. — Но в данном случае я сделал исключение. Полагаю, твои способности и опыт стоят

того, чтобы нарушить правила.

Скарр принял комплимент с презрительной усмешкой.

— Полагаю, что богатый, как я слышал, батарианин должен бы одеваться лучше. Ты уверен, что сможешь меня нанять?

Присутствующие в помещении батариане недовольно заворчали. В их обществе сомнения в платежеспособности высокопоставленного лица считались смертельным оскорблением. Но Эдан снова предпочел сделать вид, что оскорбление Скарра было ненамеренным.

К счастью, он привык иметь дело с представителями не слишком цивилизованных рас Галактики, а крогана он нанимает вовсе не за его знание этикета.

— Можешь не сомневаться, у меня достаточно денег, чтобы оплатить твои услуги, — невозмутимо ответил он. — И работа не слишком сложная.

— Это имеет какое-то отношение к базе на Сидоне?

Верхняя пара глаз Эдана моргнула, выдав его удивление. Переговоры можно сравнить с медленным танцем обмана и дезинформации, в котором каждый партнер ради своей выгоды утаивает кое-какие секреты. И Эдан только что споткнулся. Его невольная реакция приоткрыла тайну, которую следовало сохранить... если только кроган достаточно сообразителен, чтобы понять.

— Сидон? Почему ты об этом вспомнил? — спросил Хад-дах, стараясь говорить как можно равнодушнее.

Скарр пожал массивными плечами:

— Просто догадка. И я поднимаю цену.

— Все, что от тебя требуется, это выследить и уничтожить цель, — возразил Эдан.

Его голос звучал совершенно бесстрастно, но в душе он проклинал себя за неудачу в первом раунде переговоров.

— Цель? Только одна?

— Только одна. Женщина человеческой расы.

Кроган, повертев головой, окинул взглядом десятков Синих Солнц, присутствовавших на складе.

— У тебя здесь полно людей. Почему бы тебе не нанять для этой грязной работы кого-нибудь из них?

Эдан нерешительно молчал. Он привык сам задавать вопросы, а не отвечать. И он не хотел допустить в переговорах еще одну ошибку. Но даже его молчание выдало больше, чем он хотел обнаружить.

Скарр отрывисто хохотнул:

— Эти недотепы провалили дело, верно?

Все наемники на складе заметно напряглись, подтвердив слова крогана. Вряд ли это уже имело значение. Эдану почему-то казалось, что Скарр и сам все узнает, несмотря на любые отрицания, и потому он просто кивнул, уступив противнику еще одно очко.

— Что произошло? — потребовал подробностей кроган.

— Я поручил Синим Солнцам отыскать ее и доставить ко мне для допроса, — поведал Эдан. — Один из них нашел ее на Элизиуме. Несколько часов спустя его обнаружили лежащим на тихой улочке и с выбитыми зубами.

— Вот что получается, когда экономишь на настоящих профессионалах.

Очередное оскорбление переполнило чашу терпения Синих Солнц.

Человек с татуировкой вокруг глаза выхватил пистолет и ударил крогана рукояткой в висок. Голова Скарра качнулась, но человеческих сил не хватило, чтобы сбить крогана с ног. Он с оглушительным ревом крутанулся на месте и нанес обидчику удар слева, мгновенно сломав ему шею.

Остальные трое наемников, не дожидаясь, пока тело их товарища упадет на пол, бросились на Скарра и объединенными усилиями повалили чужака. Еще накануне встречи Эдан отдал строжайший приказ не убивать Скарра, если в этом не возникнет абсолютной

необходимости... Кроган был ему нужен, чтобы выследить пропавшую женщину. И вместо того чтобы застрелить наемного убийцу, трое солдат взгромозились на него и прижали к полу, пытаясь оглушить ударами рукояток пистолетов.

К несчастью, никто не говорил Скарру, чтобы *он* не убивал своих противников. В его руке блеснуло зазубренное лезвие, материализовавшееся из какого-то тайника в сапоге, поясе или перчатке. Эдан едва успел отшатнуться назад, как нож рассек горло первого наемника. Обратным движением лезвие отыскивало уязвимое место в броне под коленом второго солдата и разорвало бедренную артерию. А когда тот инстинктивно попытался обеими руками зажать рану, кинжал Скарра угодил ему в грудь, пробил защитный жилет и пронзил сердце.

Зазубренное лезвие на мгновение застряло в грудной клетке, и пока кроган пытался его вытащить, последний из оставшихся в живых наемников, еще один человек, успел откатиться в сторону от свалки и вскочил на ноги, вне досягаемости смертоносного кинжала. Человек выхватил пистолет и направил его на забрызганного кровью крогана, все еще лежавшего на полу.

— Не двигайся! — прерывающимся от ужаса голосом крикнул он.

Голова Скарра повернулась из стороны в сторону; наемный убийца, не обращая внимания на стоявшего перед ним противника, оценивал возможности еще восьми солдат, бывших в помещении склада. Они все до единого наставили на него винтовки и приготовились стрелять. Нож со стуком упал на пол, а Скарр, подняв руки над головой, медленно поднялся. Он повернулся лицом к Эдану, а наемник с пистолетом, желая оказаться в безопасности, отошел еще на несколько шагов.

— Ну, что теперь, батарианин?

Наконец-то преимущество в переговорах оказалось на стороне Эдана, и он не собирался от него отказываться.

— Может, мне просто приказать им пристрелить тебя на месте?

Верхняя пара глаз не отрывалась от крогана, а взгляд второй пары скользнул по комнате, чтобы убедиться, что наемный убийца окружен со всех сторон.

Кроган просто расхохотался, не приняв угрозу всерьез.

— Если бы ты хотел меня убить, они бы выстрелили, не дав мне возможности взяться за нож. Но они этого не сделали. Вероятно, ты дал приказ не уничтожать меня, так что я могу предположить, что я тебе дороже, чем горстка мертвых наемников. И я снова увеличиваю цену.

Даже в переполненном наемниками складе, под дулами их винтовок, кроган был достаточно уверен в себе, чтобы обернуть ситуацию в свою пользу. Не следовало недооценивать сообразительность Скарра, и Эдан поклялся больше не повторять допущенную ошибку. Интересно, скольким еще пришлось расплачиваться за свою недалекость... И во что им это обошлось?

— Ты мог бы заработать кучу денег, работая на меня, Скарр.

Эдан даже не пытался скрыть невольного восхищения.

— Я зарабатываю кучу денег, работая на самого себя. И убийство — один из дополнительных источников дохода. Так что хватит ходить вокруг да около, давай перейдем к делу.

Эдан слегка кивнул и моргнул одновременно обеими парами глаз, дав знак наемникам опустить оружие. Убийство Скарром троих товарищей очень не понравилось солдатам, но деньги они ценили выше верности. А смерть троих наемников увеличивала долю каждого из них.

Не повиновался только ближайший к крогану молодой человек с пистолетом. Все еще целясь в Скарра, он растерянно оглянулся на остальных солдат.

— Что вы делаете?! — крикнул он. — Нельзя же просто так спустить ему с рук убийство наших друзей!

— Не глупи, парень, — бросил ему Скарр. — Моя смерть не вернет погибших. Им

просто не повезло.

— Заткнись! — огрызнулся человек и полностью сосредоточил внимание на крогане.

Голос Скарра понизился до угрожающего шепота.

— Подумай хорошенько, прежде чем сделать следующий шаг, человек. В наш поединок больше никто не собирается вмешиваться. Мы остались один на один.

Наемника уже била дрожь, но он еще умудрялся удерживать цель. Скарра это ничуть не беспокоило.

— Я сосчитаю до трех, и ты опустишь оружие.

— А если нет, что тогда?! — закричал в ответ парень. — Стоит тебе только двинуться, и ты покойник!

— Один.

Эдан увидел, как вокруг крогана образовалась слабая аура, едва заметная даже при двух парах глаз. Силуэт Скарра слегка задрожал, словно свет, проходя сквозь ореол, немного искажался.

Скарр оказался биотиком! Значит, кроган был одним из тех немногих существ, кто обладал способностью управлять темной энергией, загадочной квантовой силой, которая пронизывала все так называемое пустое пространство Вселенной. В обычных условиях эта энергия была слишком слабой, чтобы заметно воздействовать на физические процессы, и только биотикам удавалось усилием воли концентрировать темную энергию в чрезвычайно плотные потоки. При наличии природного таланта и тысяч микроскопических усилителей, вживленных в нервную систему хирургическим путем, биотики могли использовать биологическую обратную связь и направлять накопленную энергию на выбранный объект. Именно это и происходило сейчас. Скарр тянул время, чтобы собрать достаточный заряд и выпустить его в молодого человека, имевшего глупость направить на него оружие.

Но наемник не понимал, что происходит. Среди представителей человечества не было особей, обладавших способностями биотиков. Эдан был уверен, что человек даже не подозревал о существовании такой силы. Но скоро ему придется испытать ее на себе.

— Два.

Наемник открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но не успел. Скарр рывком выбросил руку в его направлении, и воздух разорвала стрела сконцентрированной темной энергии. Удар сбил ничего не подозревающего парня с ног и отбросил на несколько метров назад. Человек с грохотом приземлился на пол, так что едва мог вздохнуть, и выронил пистолет.

Оцепенение наемника длилось всего секунду, но Скарру хватило и этого, чтобы прыжком преодолеть разделяющее их расстояние и схватить его трехпалой рукой за горло. Кроган без труда поднял наемника вверх и удерживал под потолком, слегка сжимая шею. Человек забил болтавшимися ногами, вцепился в чешуйчатую руку, но все его усилия были напрасны.

— Ты умрешь от руки Боевого Мастера, настоящего крогана, — бесстрастно произнес Скарр, наблюдая за тем, как лицо его жертвы наливается кровью и постепенно синеет. — Надеюсь, ты оценишь эту честь.

Остальные Синие Солнца стояли неподвижно и ничего не предпринимали, глядя на разворачивающуюся сцену с холодным отращением. Эдан по выражению их лиц понимал, что происходящее никому не доставляет удовольствия, но ни один наемник не пожелал прекратить спектакль. Никто не хотел нарушить приказ своего нанимателя или навлечь на себя ярость крогана.

Соппротивление наемника становилось все слабее, наконец его глаза закатились и он затих. Скарр встряхнул свою жертву еще раз, ломая ей шею и с презрением бросил тело на пол.

— Мне показалось, ты собирался считать до трех, — заметил Эдан.

— Я солгал.

— Впечатляющий спектакль, — признал Эдан, кивнув на безжизненные тела. — Остается надеяться, что ты достигнешь таких же результатов с Кали Сандерс. Если, конечно,

тебе удастся отыскать ее.

— Я найду ее, — с непререкаемой уверенностью заявил кроган. — Я это сделаю.

Джон Гриссом проснулся среди ночи оттого, что кто-то колотил в его дверь. Недовольно ворча, он сполз с кровати, накинул поношенный домашний халат, но не потрудился его запахнуть. Если посетитель настолько бесцеремонен, чтобы поднимать его в такой час, ему придется смириться с тем, что хозяин встречает гостя в трусах.

По правде говоря, он ожидал чего-то подобного с тех самых пор, как услышал о нападении на научную базу Сидона. Возможно, прилетел кто-нибудь из представителей Альянса, чтобы попытаться убедить его сделать какое-то публичное заявление, или некий репортер надеется запечатлеть реакцию одного из самых узнаваемых символов человечества. Кто бы это ни был, им явно не повезло. Он давно удалился от дел. Хватит с него героизма; ему надоело быть символом для всего человечества. Теперь он стал раздражительным стариком, живущим на офицерскую пенсию.

Гриссом включил лампу в холле, поморщился от яркого света и попытался стряхнуть остатки похмельного сна. Неторопливо передвигая ноги, он побрел из спальни, спрятанной в самой удаленной части его небольшого одноэтажного домика, к передней двери. Стук в дверь не прекращался — напротив, он становился все громче и настойчивее.

— Проклятие, иду я, иду! — крикнул Гриссом, даже не пытаясь ускорить шаг.

В конце концов этот шум не разбудит соседей — их просто нет. По крайней мере поблизости. По мнению Гриссома, в этом состояла самая привлекательная особенность его жилища.

Элизиум показался ему наиболее подходящим местом, чтобы удалиться на покой. Колония располагалась достаточно далеко от Земли и других главных поселений, что должно было удерживать людей от визитов к нему без особой на то причины. А при численности населения в несколько миллионов здесь было нетрудно затеряться. Мало того, Элизиум был стабильным, спокойным и относительно безопасным миром. Можно, конечно, было подобрать еще более глухое местечко, но там в случае каких-нибудь осложнений существовал риск стать кем-то вроде избавителя или общественного лидера.

Хотя и это место нельзя назвать идеальным. Пять лет назад, когда он только здесь поселился, ему часто досаждали здешние политики; каждому хотелось заполучить его поддержку для своей партии или публичное одобрение собственной кандидатуры. Гриссом предпочел остаться беспристрастным и справедливым: всех до единого претендентов он посылал к черту.

Спустя год люди перестали его беспокоить. Но и сейчас каждые шесть месяцев он получал короткие видеопослания от командования Альянса, призывавшего его вернуться и спасти человечество от очередной угрозы. Ему лишь недавно перевалило за пятьдесят, и они считали, что Гриссом слишком молод, чтобы сидеть дома и ничего не делать. Он даже не отвечал на их призывы. Гриссом полагал, что достаточно потрудился на благо человечества. Военная карьера всегда была для него на первом месте; она стояла ему семьи. Но это было только начало. После первого путешествия на Харон через ретранслятор массы последовал пятилетний круг почета — тысячи и тысячи встреч и интервью.

Положение только ухудшилось после участия в войне Первого Контакта — еще больше интервью, публичные выступления, пресс-конференции с адмиралами, генералами и политиками, официальные дипломатические церемонии встреч с представителями каждой захудалой расы, открытой Альянсом. Теперь он покончил со всем этим. Пусть кто-нибудь другой подхватит знамя и бежит вперед. Гриссом хотел, чтобы его оставили в покое.

А теперь вот еще какие-то болваны напали на исследовательскую базу Альянса, расположенную, по галактическим меркам, у самого порога Элизиума. Конечно, кто-то счел происшествие достаточным предлогом, чтобы опять его побеспокоить. Но неужели они не могли хотя бы подождать до утра?

Гриссом уже добрался до двери, а стук все еще не прекратился. Более того, стал громче

и нетерпеливее. Отпирая дверь, Гриссом решил про себя, что просто выгонит назойливого посетителя, если им окажется представитель Альянса. А если это репортер, то он — или она — получит по физиономии.

В холодной темноте за дверью стояла дрожащая и испуганная молодая женщина. Она была так перепачкана кровью, что Гриссом не сразу узнал гостью.

— Кали?

— Я попала в беду, — дрожащим голосом сказала она. — Мне нужна твоя помощь, папа.

ГЛАВА 6

— Контрольно-пропускная служба Цитадели разрешила посадку, — раздался из корабельного интеркома голос рулевого. — Расчетное время прибытия — через семнадцать минут.

В главный иллюминатор «Гастингса» Андерсон мог издали наблюдать за Цитаделью — величественной космической станцией, которая служила культурным, экономическим и политическим центром Галактики. С расстояния в пять тысяч километров сооружение напоминало пятиконечную звезду — пять широких и длинных лучей простирались в разные стороны от пустого центрального кольца.

Он не в первый раз любовался станцией, но каждый раз не переставал восхищаться ее размерами. Центральное кольцо имело в поперечнике десять километров; каждый луч тянулся на двадцать пять километров, а в ширину составлял пять километров. За две с лишним тысячи лет после того, как на Цитадели обосновался Совет, вдоль каждого отростка выросли многонациональные поселения, называемые здесь районами, и образовали на многоступенчатых уровнях станции целые города. Цитадель стала домом для сорока миллионов представителей самых различных рас, собравшихся со всех известных миру уголков Вселенной.

Ни одна другая станция не могла сравниться с Цитаделью, в ее тени потерялся бы даже Арктур. Но удивление вызывали не только колоссальные размеры станции: как и ретрансляторы массы, Цитадель в своей основе была построена протеанами. Ее корпус состоял из того же поистине не поддающегося разрушению материала, что и ретрансляторы, — технологическое достижение, неизвестное ни одной расе после таинственного исчезновения протеан, произошедшего около пятидесяти тысяч лет назад. Даже самым новейшим орудиям, чтобы причинить хоть какой-то ущерб корпусу станции, потребовалось бы несколько дней непрерывного прицельного обстрела.

Впрочем, о нападении на Цитадель и речи не шло. Станцию со всех сторон окружали ретрансляторы массы, и располагалась она в самой глубине плотной туманности. Положение в пространстве давало некоторые природные преимущества: туманность осложняла проход космическим кораблям, им приходилось замедлять ход, и вражеские флотилии не могли организовать эффективную атаку. А при наличии неподалеку от станции нескольких десятков ретрансляторов подкрепление прибыло бы из любого уголка Галактики за считанные минуты.

Преодолей даже враг внешний рубеж обороны, длинные ответвления могли повернуться вокруг центрального кольца, и тогда Цитадель из звезды трансформировалась в длинный цилиндр. Сомкнутые лучи превращали станцию в неприступную крепость.

Последним средством защиты служил флот Совета, объединивший в себе турианские, саларианские и асарийские корабли, всегда патрулировавшие близлежащее пространство. Андерсону хватило нескольких секунд, чтобы отыскать флагманский корабль этой флотилии — «Могущество судьбы». Построенный асари дредноут представлял собой символ величия и мощи Совета. При размерах, вчетверо превосходящих любое судно землян, и команде, насчитывающей пять тысяч членов, «Могущество судьбы» являлся самым грозным из всех когда-либо построенных военных кораблей. Как и самой Цитадели, ему не было равных.

Однако в пространстве вокруг Цитадели находились не только корабли Совета. Туманность Змея была крупнейшим центром галактической сети ретрансляторов массы — все пути так или иначе вели к Цитадели. Движение здесь отличалось огромной плотностью и интенсивностью, это было одно из немногих мест во Вселенной, где существовала реальная угроза столкновения космических кораблей.

Особенно много судов собиралось поблизости парящих в пространстве станций разрядки. Генерирование полей масс-эффекта, необходимых для достижения сверхсветовой скорости, требовало достижения в корабельных двигателях огромного напряжения. Оставленный без присмотра генератор грозил перенасыщением сетей, что могло привести к колоссальному выбросу энергии через корпус. В результате такой аварии незащищенный экипаж мог сгореть заживо, все электронные системы выходили из строя, а иногда даже плавились судовые переборки.

Для предотвращения катастроф большинству кораблей предписывалось разряжать свои генераторы каждые двадцать или тридцать часов. Обычно процедура проводилась путем заземления на планету или рассеивания накопленного излишка при контакте с магнитным полем большого звездного тела, такого как солнце или газовый гигант. Но в окрестностях Цитадели подходящий объект отсутствовал, и потому был создан пояс специальных станций, пристыковавшихся к которым корабли имели возможность сбросить излишки энергии, а потом продолжать путь на субсветовой скорости.

К счастью, «Гастингс» разрядил генератор сразу, как только вошел в этот район около часа назад. С тех пор он совершал маневры, ожидая разрешения на стыковку.

Андерсон мог не беспокоиться о том, как экипаж справится с подходом к доку и стыковкой, — подобный маневр они проделывали уже не одну сотню раз. Вместо этого он постарался избавиться от всех мыслей и наслаждался видом Цитадели, постепенно подплывающей ближе и ближе, заполняющей весь иллюминатор. В густонаселенных районах светились и перемигивались огни; отчетливая иллюминация резко контрастировала с расплывчатыми завихрениями туманного облака, служившего превосходным фоном.

— Очень красиво.

Внезапно справа от него раздался чей-то голос, и Андерсон едва не подпрыгнул от неожиданности.

Канонир Дах рассмеялась.

— Прости, лейтенант, я не хотела тебя испугать.

Андерсон перевел взгляд на повязки и металлическую шину, охватывающую ногу женщины от бедра до самой лодыжки.

— Ты неплохо управляешься с этой штукой, канонир. Я даже не слышал, как ты подкралась.

Она пожала плечами:

— Медики заверяют, что нога полностью восстановится. Этим я обязана тебе.

— Вряд ли стоит об этом говорить, — улыбнулся Андерсон. — Я знаю, что ты для меня сделала бы то же самое.

— Я тоже так думаю, сэр. Но думать и делать — разные вещи. Поэтому... спасибо.

— Только не говори, что притащилась сюда из лазарета только для того, чтобы выразить свою благодарность.

Она усмехнулась:

— Нет, конечно. Я надеялась, что ты еще разок покатаешь меня на спине.

— Забудь об этом, — со смехом возразил Андерсон. — Я чуть спину себе не сорвал, пока вытаскивал твою задницу. Нет, правда, тебе надо бы скинуть несколько фунтов.

— Осторожнее, сэр, — предостерегла она и приподняла обернутую металлом ногу на дюйм от пола. — С этим приспособлением я могу нанести тебе неплохой удар.

Андерсон, все так же улыбаясь, отвернулся к иллюминатору.

— Помолчи немного и полюбуйся этой картиной, Дах. Это приказ.

— Слушаюсь, сэр.

Андерсону не потребовалось много времени, чтобы пройти таможенный досмотр после приземления. «Гастингс» причалил в порту Альянса, а военные, возвращавшиеся с задания, пользовались там особыми преимуществами. Офицеры безопасности Цитадели проверили выданное Альянсом удостоверение личности, сняли отпечатки пальцев, потом бегло просмотрели ранец с личными вещами и разрешили пройти. Андерсон с удовольствием отметил, что оба офицера были людьми; в прошлом месяце из-за нехватки персонала порт Альянса обслуживали сальариане. Представитель службы безопасности Цитадели тогда пообещал набрать в свой отряд еще людей и, похоже, сдержал слово.

Причалы остались за спиной, и Андерсон шагнул в лифт, поднимавший пассажиров на главный уровень.

Лейтенант невольно зевнул; теперь, когда дежурство закончилось, усталость, которую он старался не замечать, овладела им с новой силой. Он никак не мог дождаться, пока доберется до собственной квартирки в одном из районов Цитадели. Жилье здесь стоило немало, при том что большую часть времени лейтенант проводил на корабле, но Андерсону казалось очень важным сохранять за собой место, которое он мог назвать своим и куда мог вернуться хотя бы на одну неделю в месяц.

Лифт остановился, дверцы неслышно разошлись, и Андерсон вышел на светлые и шумные улицы Цитадели. Тротуары наводняли толпы снующих во всех направлениях представителей самых различных рас. Над головой по монорельсу с гудением проносились транзитные вагоны, до отказа заполненные служащими, студентами и просто зеваками, предпочитающими беглый осмотр станции. Внизу, на улицах, носились наземные машины, сворачивали в боковые улочки и вновь выезжали на главную дорогу; и каждый водитель, казалось, спешил по неотложным делам. В Цитадели всегда был час пик.

К счастью, Андерсону не надо было останавливать проходящую машину или ждать на остановке транзитного вагона. До его квартиры можно было дойти пешком за двадцать минут, так что он забросил на плечо рюкзак и шагнул в толчею сумасшедшей толпы.

К его чувствам со всех сторон взывал поток нескончаемой электронной рекламы. Куда бы ни обратился взгляд, повсюду мерцали голографические изображения, световые табло, восхваляющие тысячи компаний из сотен разных миров. Продукты, напитки, средства передвижения, одежда, развлечения — на Цитадели все было доступно, если имелись деньги. Однако лишь малая толика рекламы обращалась непосредственно к людям. На станции они до сих пор представляли незначительное меньшинство, и корпорации предпочитали тратить рекламные доллары на расы с более развитым рынком потребления. Тем не менее Андерсон с каждым проходящим месяцем замечал в бурлящей толпе все больше и больше своих сородичей.

Андерсон понимал, как важно человечеству интегрироваться в сообщество других обитателей межзвездного пространства. А где еще можно этого достичь, как не на Цитадели, ведь в ее Совете представлены все воображаемые культуры. Именно по этой причине Андерсон и выбрал себе квартиру в одном из кварталов Цитадели. Он хотел познакомиться с представителями других рас и понять их, а наилучшим для этого способом было поселиться по соседству.

Лейтенант дошел до своего дома, помедлил перед входной дверью, чтобы произнести свое имя, и система распознавания голоса открыла замок. Квартирка находилась на втором этаже, так что Андерсон проигнорировал лифт и быстро поднялся по лестнице. У двери в свое жилище он снова назвал имя, вошел наконец в квартиру и бросил рюкзак прямо посреди комнаты. Он не стал зажигать свет. Миновав небольшую кухню, Андерсон прошел в единственную спальню в задней части квартиры и почти не заметил гудения закрывшихся автоматических дверей. В спальне он даже не потрудился раздеться, а просто рухнул на кровать — измученный, но довольный, что вновь оказался дома.

Через несколько часов Андерсон проснулся. Смена дня и ночи оказывала ничтожное

влияние на неутихающую деятельность Цитадели, но, перекатившись на бок, он все же посмотрел на часы у изголовья кровати; цифровое табло показывало 17.00. В своих колониях и на кораблях Альянс придерживался привычного двадцатичетырехчасового цикла, определяемого по терранскому согласованному универсальному времени, которое в конце двадцатого столетия сменило устаревшую систему привязки к Гринвичскому меридиану. Однако на Цитадели все работали по галактическому стандарту двадцатичетырехчасовых суток. Сложность заключалась в том, что каждый час делился на сто минут, состоявших из ста секунд, причем каждая секунда была приблизительно вдвое короче секунды, привычной для человека.

В результате получалось, что галактические сутки оказывались примерно на пятнадцать процентов длиннее двадцати четырех часов, отсчитываемых по терранскому стандарту. При одной мысли об этом у Андерсона начиналась головная боль, а чередование сна и бодрствования постоянно причиняло массу неудобств. Хотя чего можно было ожидать, учитывая несколько миллионов лет терранской эволюции?

Через три часа сегодняшний день сменится завтрашним, и тогда ему предстоит встреча с посланцем для доклада о ситуации на Сидоне. Но до 10.00 появляться в человеческом представительстве не следует, так что у него имелась масса свободного времени. Возможно, следовало еще несколько часов поспать перед встречей, но он уже чувствовал себя отдохнувшим. Андерсон выбрался из постели, сбросил одежду и запихнул ее в маленькую стиральную машину. Затем он наскоро принял душ, оделся в свежий костюм — гражданский — и подошел к информационному центру, чтобы просмотреть последние новости и проверить почту.

Организация связи по всей Галактике была делом непростым. Корабли, чтобы достичь сверхсветовой скорости, использовали двигатели с генераторами полей масс-эффекта, а сигналы, передаваемые через космический вакуум, могли несколько лет идти от одной солнечной системы до другой.

Передача информации, личных посланий или результатов исследований на расстояния в тысячи световых лет за приемлемый промежуток времени могла производиться двумя способами. Автоматические курьерские аппараты, используя сеть ретрансляторов массы, доставляли файлы в кратчайшие сроки, но такая услуга была не всем по карману — топливо стоило немало. Кроме того, если маршрут беспилотников пролегал через несколько ретрансляторов, время доставки растягивалось до нескольких часов. При необходимости срочного обмена данными такой вариант не устраивал пользователей.

Вторым вариантом являлась передача информации через экстранет — серию бакенов, расположенных по всей Галактике и предназначенных для осуществления связи между системами в режиме реального времени. Информация при помощи обычного радиосигнала отправлялась на ближайшую матрицу бакенов связи. Матрицы, отстоящие друг от друга на сотни, а то и тысячи световых лет, поддерживали телеметрическую связь при помощи узкого пучка, созданного посредством проекции поля масс-эффекта. Такая связь служила современным эквивалентом оптоволоконных кабелей, применявшихся на Земле в конце XX века. По этому узконаправленному коридору сигналы перемещались в несколько тысяч раз быстрее, чем свет. Таким образом, пакеты информации в виде радиосигналов пересылались от одной матрицы к другой почти мгновенно. При соответствующей ориентации матриц удавалось даже поддерживать разговор через всю Галактику с задержками всего в десятые доли секунды.

Но хотя система матриц сделала связь возможной, она была доступна далеко не всем. Миллиарды людей в тысячах миров использовали экстранет постоянно, и матрицы связи не выдерживали перегрузки. Чтобы справиться с этим, информация посылалась тщательно отмеренными пакетами сигналов, и емкость этих пакетов распределялась согласно строгой системе приоритетов. Практически неограниченный доступ имели организации, чья деятельность была напрямую связана с галактической безопасностью. Затем шли правительственные и военные организации каждой расы, входящей в состав Совета, и

различные средства массовой информации. Все, что оставалось, продавалось на аукционе.

Практически все остатки емкости скупались корпорациями провайдеров экстранета, а они, в свою очередь, делили их на тысячи мелких пакетов и продавали индивидуальным пользователям. В зависимости от провайдера и наличия свободных средств можно было осуществлять персональное обновление почты каждый час, раз в день или раз в неделю.

Но вся эта система не затрагивала Андерсона. В качестве офицера Альянса он имел персональный доступ к экстранету и обновлял информацию каждые пятнадцать минут. Возможность отправлять и получать личные послания вместе с официальной почтой составляла одну из привилегий его положения в армии.

На этот раз в его почтовом ящике ожидало только одно послание. Увидев знакомый адрес отправителя, Андерсон нахмурился. Нельзя сказать, чтобы он удивился, но получение этого файла его ничуть не обрадовало. Несколько секунд он колебался, не проигнорировать ли письмо, но такое поведение годилось разве что для детей. Лучше уж сразу покончить с этим делом.

Андерсон открыл файл и загрузил несколько электронных копий документов, а также короткое видеообращение адвоката по семейным делам.

Видеозапись началась с изображения Иба Хамана, его адвоката. Этот плотный лысоватый мужчина лет шестидесяти обращался к адресату, сидя за столом в своем кабинете. За последние несколько месяцев этот образ стал Андерсону слишком хорошо знакомым.

«Лейтенант, я позволю себе опустить формальности и не стану спрашивать, как вы себя чувствуете... Я понимаю, насколько нелегко пришлось и вам, и Синтии».

— Верно, черт, побери, — тихо пробормотал себе под нос Андерсон.

«Я посылаю вам копии всех документов, подписанных вами при нашей последней встрече. Синтия тоже их подписала».

Человек на экране посмотрел на стол и перелистал лежащие перед ним страницы, потом снова перевел взгляд на камеру.

«Вы также получите копию моего счета. Я понимаю, для вас это небольшое утешение, но, к счастью, у вас не было детей. Тогда все было бы гораздо хуже — и гораздо дороже. Когда дело касается опеки, процедура становится намного сложнее».

Андерсон фыркнул. Для него процесс и так оказался довольно сложным.

«Ваш брак официально считается расторгнутым начиная с даты, указанной в документах. Как мне кажется, к тому времени, когда вы получите послание, ваш развод уже вступит в силу. Если у вас есть какие-то вопросы, не стесняйтесь, лейтенант. Я всегда к вашим услугам».

Говоривший резко умолк, поскольку Андерсон остановил запись и отправил ее в корзину. Он больше не собирался общаться с Ибом Хаманом. Этот человек был хорошим адвокатом, не запрашивал лишнего и оставался честным и беспристрастным на протяжении всей процедуры развода. Надо признать, он работал эффективно и профессионально. Но, если бы адвокат сейчас оказался в комнате, Андерсон мог бы его ударить.

Андерсон выключил аппаратуру и невесело усмехнулся. Забавно. Он только что принимал участие в двух древнейших и живучих обрядах человечества: браке и разводе. Теперь пришло время отдать дань еще более старой традиции — пойти в бар и выпить.

ГЛАВА 7

«Берлогу Кору», единственный бар поблизости от квартиры Андерсона, нельзя было назвать низкопробным притоном, но и на высший класс он тоже не тянул. И в этом крылось свое очарование, как и в его танцорах и крепких напитках. Но больше всего Андерсону нравились постоянные клиенты бара.

В любое время дня и ночи «Берлогу» заполняли посетители, но в баре никогда не было тесно. В районах Цитадели имелось множество заведений, куда желающие заходили себя

показать или на других посмотреть. Сюда же изо дня в день шли, чтобы поесть, выпить и отдохнуть, обычные жители прилегающих кварталов. Простой люд, если так можно назвать странный контингент различных рас.

Конечно, люди тоже были здесь чужаками. И Андерсон снова вспомнил об этом, едва миновал входные двери. Десятки глаз обратились в его сторону, стоило только остановиться на пороге, и многие посетители даже не скрывали своего любопытства.

Это вовсе не означало, что люди выглядели как-то по-особому. Такие особи, как ханары — полупрозрачные существа, похожие на трехметровых медуз, составляли скорее исключение из правил. Большинство рас, освоивших космические странствия, были представлены двуногими, ростом от одного до трех метров особями. В объяснение этого подобия существовало множество теорий; некоторые из них казались вполне приемлемыми, остальные — откровенно спекулятивными или чересчур эксцентричными.

Учитывая, что большинство рас в Цитадели освоили межзвездные путешествия благодаря открытиям и использованию средств протеанской технологии, найденных в солнечных системах своих родных миров, многие антропологи заявляли о некотором влиянии протеан на эволюцию во всем пространстве Галактики.

Но Андерсон придерживался другой, более популярной теории, утверждавшей, что двуногие создания в истории эволюции имели некоторые преимущества перед всеми другими формами, почему и достигли таких высот в освоении космоса. Наличие тайников с образцами технологии объяснялось легко: со стороны протеан интерес к примитивным, но похожим на них самим расам был вполне естественным. Некоторые народы, как, например, человечество, развивались быстрее, и тогда протеане пришли, чтобы наблюдать за ними, а не за кем-то другим. Впоследствии теория параллельной эволюции была подкреплена тем фактом, что представители разумных форм жизни на Цитадели имели в большинстве своем соединения углерода в основе, не могли существовать без воды и дышали смесью газов, сходной с земной атмосферой.

Строго говоря, все обитаемые планеты по многим ключевым характеристикам мало чем отличались от Земли. Чаще всего они принадлежали к звездным системам класса G по системе классификации Моргана и Киинана, до сих пор используемой Альянсом. Их орбиты пролегли в узком коридоре, известном как зона жизни: чуть ближе к солнцу — и вода превратилась бы в пар, чуть дальше — и на планете остался бы только лед. Вследствие этого периоды обращения домашних миров развитых рас вокруг их солнц различались не более чем на несколько недель. Стандартный галактический год — средний промежуток времени между годами асари, салиариан и протеан — был всего в 1,09 раза длиннее, чем год на Земле.

«Нет, — думал Андерсон, проходя к свободному стулу у стойки бара, — землян выделяет не наружность, не физические характеристики. Просто мы здесь новенькие и произвели на остальных довольно сильное впечатление».

Двое туриан уставились на него похожими на птичьи глазами и следили за каждым движением, словно два ястреба, готовые ринуться на ничего не подозревающую мышь. Туриане обладали примерно таким же ростом, как и люди, но были гораздо стройнее. Их трехпалые руки напоминали птичьи лапы с когтями, а головы и лица были закрыты плотной маской из хрящей и костей. Эта маска, обычно украшенная родовыми татуировками и цветными полосами, держалась на затылке короткими тупыми шипами и опускалась на лицо, прикрывая лоб, нос, верхнюю губу и щеки, так что туриан трудно было отличить друг от друга. Вид этих существ всегда напоминал Андерсону об эволюционном родстве между динозаврами и птицами.

Несколько секунд он выдерживал их взгляды, а затем отвернулся, предпочитая не замечать повышенного внимания. Да, он сегодня был в плохом настроении, но не собирался повторять войну Первого Контакта. Андерсон переключил свое внимание на танцовщицу-асари, выступавшую на сцене в центре бара.

Среди обитателей Цитадели асари были самыми многочисленными и больше всех походили на людей. Вернее, на женщин, напоминая их своими высокими, стройными и

пропорционально сложенными фигурами. Асари были асексуальными существами, и проблемы пола для них не существовали. Но, на взгляд Андерсона, они выглядели очень женственными. Даже их лица напоминали лица женщин человеческой расы, хотя и отличались ангельским, почти неземным выражением. Кожный покров асари имел голубоватый или зеленоватый оттенок, однако изменение пигментации стало настолько распространенной процедурой, что часто встречались и люди с таким же цветом кожи. Неземное происхождение выдавали их затылки: вместо волос у асари свисали свободные складки кожи. Нельзя сказать, чтобы это выглядело отталкивающе, но вызывало некоторое замешательство; во всем остальном асари обладали почти человеческой внешностью.

Эта раса всегда приводила Андерсона в недоумение. С одной стороны, они обладали бесспорной привлекательностью. Асари, несомненно, сознавали этот факт и часто выбирали род занятий, требующий яркой внешности и провокационной сексуальности. Чаше всего можно было встретить асари, танцующих в барах или в качестве наемных спутников. С другой стороны, раса пользовалась всеобщим уважением и восхищением и являлась одной из сильнейших во всей Галактике.

Асари славилась мудростью и дальновидностью и, по всеобщему мнению, были после протеан первой расой, освоившей звездное пространство. Они также первыми обнаружили Цитадель, и в Совете им принадлежало подавляющее большинство голосов. Кроме того, асари контролировали самые обширные территории и обладали большим влиянием, чем любая другая раса.

Андерсон все это давно знал, но до сих пор с трудом мог сопоставить их доминирующую роль в галактической политике с захватывающим танцем на сцене. Он понимал, что это только его вина — результат свойственных людям предубеждений и неверных предположений. Однако дело было не только в производимом несколькими танцовщицами впечатлении; все асари казались ему женщинами, следовательно, они автоматически становились жертвами стереотипного патриархального мышления.

Но он хотя бы признавал свои заблуждения и, как мог, старался их преодолеть. К несчастью, Андерсон знал многих людей, которые чувствовали то же самое, но не собирались отказываться от собственных предрассудков. Еще одно доказательство того, что человечеству еще придется узнать о Галактике много нового.

Лейтенант продолжал наблюдать за выступлением танцовщицы и размышлял, насколько легко можно закрыть глаза на небольшие отличия в их физиологии. Андерсон слышал немало красочных рассказов о сексуальных отношениях между особями разных рас и даже видел несколько фильмов на эту тему. Он гордился тем, что способен спокойно относиться к подобным фактам, хотя такое положение вещей обычно вызывало у него неприятие. Вот только влечение к асари он мог бы понять. К тому же, насколько ему было известно, асари слыли искусными любовниками.

Но сегодня он пришел в бар не за этим.

Андерсон отвернулся от сцены и заметил, что бармен-волус вразвалочку направляется в его сторону, готовый принять заказ. Гравитация в родном мире волусов почти в полтора раза превосходила земное притяжение, и по этой причине волусы были гораздо ниже землян и обладали настолько плотным телосложением, что имели почти сферическую форму. Если туриане были похожи на ястребов или соколов, то волус напоминал Андерсону ламантина, увиденного когда-то в морском заповеднике Земли: медлительное, переваливающееся с боку на бок, почти комичное существо.

Атмосфера на Цитадели оказалась для волусов слишком разреженной, и они взяли в привычку носить дыхательные маски, закрывавшие почти все лицо. Однако Андерсон достаточно часто бывал в «Берлоге Кору», чтобы узнать именно этого волуса.

— Налей мне выпить, Маавда.

— Конечно, лейтенант, — отозвался бармен, и его голос с трудом пробился через маску и складки кожи на горле. — Что вы сегодня предпочитаете?

— Удиви меня чем-нибудь новеньким. И покрепче.

Маавда снял бутылку с полки позади бара, а из-под стойки достал стакан.

— Это эласа, — пояснил он, наполняя стакан бледно-зеленой жидкостью. — С Тессии.

Из домашнего мира асари. Андерсон кивнул и осторожно сделал небольшой глоток. Напиток оказался резким и холодным, но приятным. Долгое послевкусие было особенно сильным и заметно отличалось от первого ощущения. Во рту осталась легкая горечь, смешанная с резковатой сладостью. Если бы Андерсона попросили охарактеризовать ощущение одним словом, он бы сказал «пикантно».

— Неплохо, — одобрительно кивнул лейтенант и сделал еще глоток.

— Кое-кто называет этот напиток «спутником печали», — заметил Маавда, усевшись на свой табурет и наклонившись к клиенту. — Меланхоличная выпивка для меланхоличного человека.

Лейтенант не смог сдержать улыбку: мало того что бармен-волус заметил мрачное настроение своего клиента-человека, у него еще и хватило сочувствия, чтобы спросить, в чем дело. Вот еще одно доказательство утверждения, в котором Андерсон был твердо убежден: несмотря на физические и культурные особенности, почти все расы разделяют одни и те же чувства, стремления и ценности.

— Я получил сегодня неприятные новости, — пояснил он, рассеянно обводя пальцем краешек стакана. Андерсон почти ничего не знал об обществе волусов и сомневался, стоит ли говорить о своих неприятностях. — Тебе известно, что такое брак?

Бармен кивнул:

— Это узаконенный союз партнеров, верно? Общественное признание процесса размножения. У моего народа существует такой же обычай.

— Так вот, я разведен. Моя жена и я расторгли наш союз. С сегодняшнего дня его не существует.

— Сочувствую вашей потере, — прохрипел Маавда. — Но я удивлен. Вы столько раз приходили в этот бар и ни разу не упомянули о своем партнере.

Вот в этом-то и заключалась проблема. Синтия оставалась на Земле, а Андерсон — нет. Он либо жил на Цитадели, либо выходил на патрулирование Скайллианского Края. В первую очередь он был солдатом, а потом уже мужем... А Синтия заслуживала лучшего.

Андерсон одним глотком допил свою порцию и со стуком поставил стакан на стойку.

— Налей мне еще, Маавда.

Бармен выполнил его заказ.

— Возможно, эта ситуация временная, не так ли? — спросил он, наполняя стакан Андерсона. — Может, со временем вы возобновите свое партнерство?

Андерсон покачал головой:

— Не стоит на это надеяться. Все кончено. Пора двигаться дальше.

— Легко сказать, но нелегко выполнить, — понимающе заметил бармен.

Андерсон принял стакан, но отпил совсем немного. Не стоит увлекаться новым напитком: кто знает, каковы могут быть последствия. Он уже почувствовал возникновение необычного ощущения. Из желудка по всему телу разливалось поразительное тепло, от которого зудели ноги и покалывало кончики пальцев. Нельзя сказать, чтобы ощущение было неприятным, но и знакомым оно не было.

— Насколько крепок этот напиток? — спросил он бармена.

Маавда пожал плечами:

— Зависит от того, сколько выпить. Если хотите выползти отсюда на четвереньках, могу оставить вам бутылку.

Предложение прозвучало чертовски заманчиво. Ничего другого Андерсону сейчас не хотелось так сильно, как напиться до потери сознания, чтобы ушла тупая мучительная боль развода, чтобы исчезли видения мертвых тел на Сидоне и ослабло неопределенное, но гнетущее напряжение, сопутствующее первым дням после возвращения из патруля. Но утром ему предстояла встреча с послом человечества в Цитадели, и было бы непрофессионально показываться в ее кабинете в состоянии похмелья.

— Извини, Маавда. Лучше я пойду. — Он допил содержимое стакана, поднялся со стула и с радостью убедился, что комната вокруг него не кружится. — Запиши на мой счет.

Он еще немного полюбовался танцовщицей, а потом повернулся и направился к выходу. Двое туриан все так же смотрели на него, пока Андерсон проходил мимо их столика, и один из них что-то едва слышно пробормотал. Андерсону не потребовалось разбирать слова, чтобы понять, что его оскорбили.

Невольно сжав кулаки, он в нерешительности замедлил шаг. Но лишь на секунду. Никуда не годится — прийти на завтрашнюю встречу с похмелья, но еще хуже, если придется объяснять, почему его арестовала служба безопасности Цитадели после того, как он выбил дух из двух туриан, вся вина которых заключалась в неумении держать язык за зубами.

Вот почему так трудно было быть офицером Альянса. Он являлся представителем своей расы, его поступки характеризовали поведение всего человечества. Даже в самом дурном настроении и под воздействием винных паров он не мог позволить себе роскошь набить им морды. Андерсон сделал глубокий вдох и вышел, проглотив обиду и игнорируя донесшийся сзади резкий издевательский смешок. Так велел долг.

Во всех обстоятельствах он в первую очередь оставался солдатом.

ГЛАВА 8

Андерсон проснулся в 7.00. После вчерашнего вечера в «Берлоге Кору» голова немного побаливала. Но трехмильная пробежка на тренажере, установленном в углу спальни, и обжигающе горячий душ выгнали из организма все остатки эласы.

К тому времени, когда он снова надел форму — выстиранную и выглаженную накануне вечером, — лейтенант уже чувствовал себя как обычно. Все мысли о Синтии и разводе он загнал в самый дальний уголок сознания; пора снова заняться делами. Этим утром его интересовало только одно — происшествие на Сидоне, и Андерсон надеялся получить кое-какие ответы.

По утренним улицам он дошел до остановки общественного транспорта. Предъявив удостоверение офицера, вошел в скоростной лифт, предназначенный для доставки пассажиров с нижних уровней районов Цитадели на верхнюю ступень, где располагался Президиум.

Андерсон всегда с удовольствием посещал это место. Если жилые районы располагались на длинных лучах, простиравшихся от середины Цитадели, то Президиум занимал центральное кольцо станции. И поскольку все его пространство было отдано правительственным учреждениям и посольствам различных рас, он составлял резкий контраст с жилыми районами.

Весь комплекс Президиума был выполнен в виде обширной парковой экосистемы. В центре уровня доминировали большие озера с проточной водой, берега покрывали лужайки с пышной зеленой травой. Легкий ветерок из искусно спрятанных труб, мягкий, как весенний бриз, морщил поверхность воды и разносил ароматы тысяч цветущих деревьев и трав по всем уголкам Президиума. Искусственное солнце светило с мнимого голубого неба с плывущими по нему белыми облаками. Иллюзия получалась настолько правдоподобной, что многие люди, включая Андерсона, не могли найти отличий от естественных явлений.

Правительственные здания Президиума тоже были построены согласно классическим канонам красоты. Все сооружения, кроме плавной арки, отмечавшей край центрального кольца станции, ненавязчиво скрывались на заднем фоне. Широкие открытые переходы тянулись от одного здания к другому, не нарушая ландшафта тщательно поставленной пасторальной сцены в сердце Президиума, демонстрируя удивительную комбинацию формы и функциональности.

Андерсон покинул лифт, вышел на уровень и тотчас вспомнил, что в этом месте не только красота здешнего пейзажа вызвала его восхищение. Вход во внутренний круг

Цитадели был строго ограничен; сюда допускались лишь высокопоставленные чиновники правительства и армии и представители посольств, а потому только в Президиуме, в отличие от остальной Цитадели, Андерсон не чувствовал себя в окружении сумасшедшей и торопливой толпы.

Конечно, и это место не производило впечатления пустынного. Аппарат галактической бюрократии, включая посольства, обслуживали тысячи служащих из самых разных рас. Но их численность была несравнимо меньше, чем миллионы обитателей жилых кварталов.

Путь к посольству человечества пролегал по берегу озера, и Андерсон, неторопливо шагая к назначенному месту встречи, наслаждался спокойствием и тишиной. Вдали виднелась Башня Цитадели, где Совет проводил встречи с послами рас, чтобы решить проблемы межзвездной политики и законности. Шпиль Башни, едва видимый над краем кольца, создававшим мнимый горизонт, в гордом одиночестве возвышался над всеми остальными зданиями.

Андерсону никогда не приходилось посещать Башню. Если бы он захотел обратиться к Совету, ему пришлось бы пройти соответствующие инстанции, и, скорее всего, вопрос решался бы в посольстве. Его это устраивало. В конце концов, он был солдатом, а не дипломатом.

По пути ему встретился хранитель — молчаливое и загадочное существо, представитель расы, которая поддерживала функционирование Цитадели. Эти создания напоминали ему гигантскую тлю — жирные зеленые тела и множество тонких ножек и ручек; они всегда торопливо сновали по всему комплексу, выполняя какие-то свои задачи и поручения.

О хранителях не имелось почти никакой информации. Они обитали только на Цитадели и больше нигде в Галактике не встречались. Они просто ждали, пока асари около трех тысяч лет назад не появились на станции. И отреагировали на вторжение новой расы так, словно были слугами, дождавшимися возвращения хозяина: суетились и хлопотали, стараясь обеспечить асари все условия для комфортной жизни на Цитадели.

Все попытки вступить в непосредственный контакт с хранителями наталкивались на пассивное молчаливое сопротивление. Казалось, у них нет другой цели, кроме обеспечения жизнедеятельности Цитадели, ее обслуживания и ремонта. В свое время велось немало споров, можно ли их считать разумной расой, кое-кто даже утверждал, что это органические машины, созданные и запрограммированные протеанами на выполнение единственной задачи — обслуживание Цитадели. Теоретики заявляли, что хранители подчиняются исключительно инстинкту и даже не способны осознать исчезновение собственных создателей пятьдесят тысяч лет назад.

Андерсон проигнорировал встреченного хранителя — подобным образом поступали и все остальные. Эти существа вели себя так скромно и ненавязчиво, что обитатели Цитадели быстро привыкли к их присутствию и воспринимали их заботы как должное.

Минут через пять он подошел к зданию, где располагалось посольство человечества. Андерсон вошел внутрь, и уголки его губ мгновенно приподнялись в приветливой улыбке, адресованной привлекательной молодой женщине, сидящей в приемной. Дежурный секретарь подняла голову и на его робкую усмешку ответила ослепительной дружелюбной улыбкой.

— Доброе утро, Аврора.

— Давненько я здесь вас не видела, лейтенант. — Голос служащей был под стать внешности — теплый, приветливый и уверенный, лучшее приветствие любому посетителю. — Я уж начала думать, что вы меня избегаете, — насмешливо добавила она.

— Нет, я просто стараюсь держаться подальше от неприятностей.

Свободной рукой секретарь нажала несколько клавиш на своем пульте и взглянула на монитор.

— Ого, — произнесла она с нарочито озабоченным видом. — Вам предстоит встреча с самым послем Гойль. — Насмешливо приподняв бровь, Аврора шутливо попеняла: — А я

решила, что вы действительно держитесь подальше от неприятностей.

— Я сказал, что стараюсь их избегать, — напомнил лейтенант. — Но никогда не утверждал, будто мне это удастся.

В ответ раздался веселый смех, возможно тщательно отрепетированный, но тем не менее приятный.

— Капитан уже здесь. Я доложу им о вашем, приходе.

Андерсон кивнул и стал подниматься вверх по лестнице к кабинету посла, и его походка, казалось, стала легче, чем несколько минут назад. Он был достаточно сообразителен, чтобы не придавать значения легкой болтовне с секретарем. Аврора лишь выполняла свою работу: дежурный секретарь присутствовал в приемной еще и для того, чтобы посетители расслабились и почувствовали себя комфортно. Но он не мог отрицать, что ее шутливое заигрывание доставляло удовольствие.

Дверь в кабинет оказалась закрытой. Аврора сказала, что его ждут, но Андерсон все же помедлил, прежде чем постучать.

— Войдите, — послышался из-за двери женский голос.

Едва он переступил порог, стало ясно, что встреча будет серьезной. В кабинете, кроме письменного стола посла, стояло несколько кресел и маленький журнальный столик между ними, но и капитан, и посол стояли, ожидая Андерсона.

— Лейтенант, прошу вас, закройте за собой дверь.

Андерсон выполнил просьбу, прошел в комнату и замер по стойке «смирно».

Анита Гойль была одной из важнейших и самых влиятельных персон на политической арене, и ее внешность полностью соответствовала образу представителя власти. Эта смелая и решительная женщина в свои пятьдесят с небольшим лет выглядела потрясающе. Она обладала средним телосложением, длинными серебристо-седыми волосами, уложенными в элегантный пучок, и высокими изящными скулами. Черты лица выдавали восточноазиатское происхождение, но у Аниты Гойль были темно-зеленые глаза, странно выделявшиеся на фоне матово-смуглой кожи. В данный момент взгляд этих глаз был сосредоточен на лице Андерсона, и ему пришлось напрячь всю волю, чтобы не поежиться под пронизательным взглядом посла.

— Вольно, — скомандовал капитан.

Андерсон выполнил приказ, расставил ноги на ширину плеч и скрестил руки за спиной.

— Я не собираюсь вас обманывать, лейтенант, — заговорила посол. Она была известна как человек, пренебрегающий дипломатическими уловками, и Андерсон высоко ценил эту черту ее характера. — Мы собрались, чтобы попытаться понять, что произошло на Сидоне и как избежать неприятных последствий.

— Да, мадам, — ответил Андерсон.

— Я хочу, чтобы здесь вы свободно выражали свои мысли. Это понятно, лейтенант? Ничего не утаивайте.

— Понятно, мадам.

— Как вам известно, лаборатории Сидона были строго засекречены. Но, надеюсь, вам еще не известен тот факт, что это была первая научная станция Альянса, персонал которой занимался созданием ИИ.

Андерсон не смог скрыть своего удивления. Тема разработки искусственного интеллекта была одной из немногих, специально запрещенных конвенциями Цитадели. Создание полностью синтетической жизни, как клонированной, так и полученной в процессе промышленного производства, считалось преступлением против всей Галактики.

Эксперты почти всех разумных рас предсказывали, что подлинно искусственный интеллект, такой как синтетическая нейронная схема, способная воспринимать и анализировать данные, — будет расти в экспоненциальной пропорции с того самого момента, когда научится усваивать знания. Он станет учить самого-себя, быстро превзойдет способности своих органических создателей и выйдет из-под контроля. Почти все сообщества Галактики использовали компьютеры; транспортные и торговые системы, а

также системы безопасности и жизнеобеспечения были объединены через экстранет в огромные сложные сети. Если бы какой-нибудь мятежный искусственный разум проник в эти сети и воздействовал на программы, последствия могли быть катастрофическими.

Положения конвенций основывались на том, что данный сценарий не был просто возможным вариантом, он был неизбежным. Согласно заявлениям Совета, искусственный интеллект представлял собой единственную и величайшую угрозу для органической жизни в Галактике. И эта позиция подтверждалась фактами.

Около трехсот лет назад, задолго до того, как человечество вступило на галактическую сцену, квариане преуспели в своих научных изысканиях и создали расу синтетических существ, используемых ими в качестве солдат и рабов, как расходный и замещаемый контингент. Геты — такую было название новых созданий — не являлись полностью существами с искусственным интеллектом, в их нервных системах предусматривались строгие ограничения и сдерживающие факторы. Но, несмотря на все предосторожности, по прошествии некоторого времени геты восстали против своих кварианских повелителей, тем самым подтвердив все самые мрачные предсказания и предостережения.

Кварианам не хватило ни сил, ни способностей, чтобы противостоять своим бывшим слугам. После недолгой, но ожесточенной войны их общество было почти полностью уничтожено. Лишь несколько миллионов особей — менее одного процента населения — сумели избежать геноцида и были вынуждены бежать на оставшихся в их распоряжении кораблях.

Геты же после войны превратились в самостоятельную изолированную расу. Они отказались от любых контактов с органической ветвью Галактики и распространились в малоизведанных областях Вселенной, скрытых огромной туманностью, известной как Пелена Персея. Все попытки установить с ними дипломатические отношения провалились: любой посольский звездолет, посланный с целью начать переговоры, подвергался жесточайшей атаке и уничтожался, едва пересекал границы владений гетов.

Поначалу Совет готовился к массированному вторжению гетов, и у границ Пелены Персея собрались флотилии всех рас, объединенных Цитаделью. Но ожидаемая атака так и не состоялась. Со временем корабли были отозваны, и до настоящего времени, через несколько столетий после поражения квариан, на случай агрессии гетов в той области остались только немногочисленные патрули, наблюдавшие за обстановкой.

Но урок квариан не был забыт. Они потеряли все, проиграв борьбу против синтетических существ, которых сами же создали. Кроме того, гетов еще нельзя было назвать настоящими созданиями с искусственным интеллектом.

— Мне кажется, вы хотите что-то сказать, лейтенант.

Андерсон, как мог, постарался скрыть свои чувства, но Гойль видела его насквозь. Не зря она стала одним из самых могущественных политиков Альянса.

— Простите, мадам. Я удивлен тем, что мы проводили разработку искусственного интеллекта. Это довольно рискованно.

— Мы прекрасно осведомлены обо всех опасностях, — заверила его посол. — И у нас не было намерений выпускать существо с ИИ в Галактику. Цели научной работы были довольно специфичны: создать имитатор с ограниченным искусственным интеллектом для дальнейшего наблюдения и изучения. Человечество до сих пор остается на положении аутсайдера, — продолжала она. — Мы расширяем свои владения, но пока еще не имеем соответствующего флота и не достигли численности, дающей право сравняться с основными расами, заправляющими в Совете. Нам необходимы дополнительные преимущества. Постигание принципов искусственного интеллекта даст нам необходимые козыри, чтобы соревноваться с соседями по Вселенной и выжить.

— Ты должен это понимать, как никто другой, — вмешался капитан. — Без элементарной технологии создания ИИ мы и дальше будем жить по правилам туриан.

Все это было правдой. Военно-стратегические возможности Альянса сильно выиграли бы в случае осуществления такой программы. Модели с ИИ могли бы каждую секунду

анализировать миллионы вероятностей, составлять банки данных и разрабатывать сценарии, обновлять их и оптимизировать, а потом доводить до сведения каждого командира космического корабля Альянса. Без военных имитаторов у человечества не было ни малейшего шанса выстоять в войне Первого Контакта против более сильного и превосходно обученного флота туриан.

— Мне понятны ваши сомнения, — произнесла посол Гойль, вероятно почувствовав, что не до конца убедила Андерсона. — Но база на Сидоне действовала под покровом строжайшей секретности и согласно всем мерам предосторожности. Руководитель проекта — доктор Шу Кийян — величайший во всей Галактике специалист по вопросам искусственного интеллекта. Он лично наблюдал за всеми аспектами работы. Кийян даже настоял, чтобы нейросистемы имитаторов были полностью автономны. Все материалы исследований записывались вручную, а затем вводились в отдельную сеть, чтобы исключить перекрестное влияние на нейросистемы. Что бы ни произошло, имитаторы с искусственным интеллектом не имели возможности воздействовать на какие-либо объекты за пределами строго ограниченных коммуникационных систем внутри базы. Были предприняты всевозможные предосторожности, чтобы предотвратить любые неприятности.

— И все же что-то произошло.

— Ты забываешься, лейтенант! — рявкнул капитан.

Посол подняла руку в защиту Андерсона.

— Капитан, я попросила офицера свободно высказывать свои мысли.

— Я никого не хотел обидеть, мадам, — извиняющимся тоном произнес Андерсон. — Не надо доказывать мне необходимость разработок на Сидоне. Я всего лишь солдат, которому поручено ликвидировать аварию.

Возникшее напряженное молчание нарушила посол Гойль.

— Я прочла ваш рапорт, — заговорила она, тактично сменив тему. — Как мне показалось, вы не считаете атаку случайным нападением.

— Нет, мадам. Я бы сказал, что Сидон был выбран намеренно. Только до сих пор не понимал, почему именно.

— Если это верно, вполне вероятно, что нападавшие специально охотились за доктором Кийяном. Его достижения в этой области не имеют себе равных, никто лучше него не понимает синтетический разум.

— Вы считаете, что доктор Кийян еще жив?

— Мой внутренний голос подсказывает, что это так, — ответила посол. — Я думаю, те, кто атаковал Сидон, уничтожили базу, чтобы замести следы. Они хотели убедить нас, будто весь персонал погиб, чтобы никто не искал доктора Кийяна.

По мнению лейтенанта, взрыв на станции имел своей целью скрыть личность предателя, но и точка зрения посла тоже имела смысл. Доказать это теперь практически не представлялось возможным, но лейтенант, как и мадам Гойль, привык доверять внутреннему голосу. А его внутренний голос подсказывал, что она права.

— Вы полагаете, что доктора Кийяна могут заставить продолжать разработки искусственного интеллекта за пределами Альянса? — спросил он.

— Доктор Кийян — солдат, — сказала Гойль с мрачной решимостью. — Он обладает блестящим умом, но заключенным в хрупкое тело старика. Возможно, у него хватит смелости отказать в помощи чужим расам даже под угрозой смерти. Но несколько недель пыток способны сломить его сопротивление.

— Значит, время работает против нас.

— Похоже, что так, — согласилась посол. — В вашем рапорте я заметила кое-что еще, — продолжила она, снова меняя тему. — Вы убеждены, что нападавшим мог помогать кто-то из работавших над проектом.

— Это так, мадам.

— Мы можем предположить, кто это был, — вставил капитан.

— Сэр?

Андерсону ответила посол Гойль.

— Одна из служащих высшего технического персонала самовольно покинула базу за несколько часов до нападения. Это Кали Сандерс. Нам стало известно, что впоследствии ее видели на Элизиуме, но затем она пропала из поля зрения.

— Вы хотите сказать, что, отыскав ее, мы найдем и доктора Кийяна?

— Этого мы не узнаем, пока вы ее не обнаружите, лейтенант.

Андерсон едва скрыл свое изумление.

— Вы посылаете «Гастингс» на поиски этой женщины?

— Нет, — ответила посол. — Только вас.

Он инстинктивно повернулся к капитану.

— Сэр, я не понимаю.

— Андерсон, ты лучший из всех офицеров, с кем мне приходилось служить, — сказал капитан. — Но посол настаивает на твоём переподчинении.

— Понятно, сэр.

Он старался сохранить бесстрастный тон, но не смог скрыть разочарования от посла.

— Это не наказание, лейтенант. Я просмотрела ваше личное дело. Первый среди выпускников Арктура. Три медали «За заслуги» во время войны Первого Контакта. Отличные рекомендации в течение всей службы. Вы лучший из всех, кого может предложить армия Альянса. И мы поручаем вам наиважнейшую миссию.

— Вы можете на меня рассчитывать, мадам посол, — кивнул Андерсон, приняв доводы.

Он был солдатом и дал клятву защищать человечество. В этом состоял его долг, и Андерсон считал за честь принять порученное дело.

— Ты будешь работать в одиночку, — сказал капитан. — Чем больше людей станут охотиться за Сандерс, тем больше вероятность, что кто-то за пределами этого кабинета узнает о наших исследованиях на Сидоне.

— Официально этого задания не существует, — добавила посол. — Человечество еще новичок в этом сообществе. Мы зарекомендовали себя отважными и дерзкими, и все другие расы только и ждут, чтобы мы оступились. Не мне рассказывать вам о ситуации в Скайллианском Краю, лейтенант. Вам известно, насколько трудно организовать колонию и сохранить ее за собой. Мы зубами и когтями цепляемся за каждую возможность только ради того, чтобы выжить. Но если Цитадель пронюхает об этом инциденте, станет еще труднее. Если нам повезет, мы отделаемся официальным порицанием и крупными торговыми санкциями, что подорвет нашу экономику. Если не повезет, они могут ликвидировать наше посольство на Цитадели, а то и запретить остальным расам контактировать с нами на любом уровне. Человечество еще не настолько окрепло, чтобы выжить в одиночестве. Пока еще нет.

— Я знаю, как хранить секреты, — заверил ее Андерсон.

— Дело не только в вас. Кое-что известно и Кали Сандерс. И тем, кто организовал это нападение. Сколько времени им потребуется, чтобы эти люди встретились с призраком?

Андерсон помрачнел. Только призраков им не хватало. Эти элитные агенты секретного подразделения Особой Тактики и Разведки подчинялись непосредственно Совету. Призраки были отлично натренированы и имели право нарушать любые законы. Они служили одной-единственной цели: любой ценой сохранять стабильность Галактики. А в Скайллианском Краю — нестабильном секторе на краю освоенного Цитаделью пространства, дававшем пристанище разного рода бунтарям, мятежникам и террористическим группировкам, призраки проявляли особую активность. Стоит им что-то заподозрить, и суперагенты не остановятся ни перед чем, чтобы выследить и уничтожить преступную группу, похитившую известного в Галактике специалиста по исследованиям искусственного интеллекта.

— Если кто-то из призраков узнает об этом случае, он будет обязан доложить Совету, — произнес Андерсон, тщательно подбирая слова. — Как далеко я могу зайти ради сохранения тайны?

— Ты спрашиваешь, позволено ли тебе убить официального агента Совета? — уточнил

капитан.

Андерсон кивнул.

— Я не могу принимать это решение за вас, лейтенант, — ответила ему посол. — Мы доверяем вашему собственному мнению. Если сложится такая ситуация, это будет ваше решение. Хотя не думаю, чтобы это было так важно, — мрачно добавила она. — Когда станет понятно, что в дело вмешался призрак, вы, вероятно, будете уже мертвы.

ГЛАВА 9

На планете Джуай наступала ночь. Тускло-оранжевое солнце уже опустилось к горизонту, и Яндо, меньший из двух спутников планеты, почти достиг зенита. В следующие двадцать минут на мир опустится тьма. Потом взойдет Бадми, более крупный собрат Яндо, и темнота сменится призрачными сумерками.

Сэрэн Артериус, призрак-турианин, терпеливо ждал, пока скроется солнце. Уже несколько часов Сэрэн провел на выступе скалы поблизости от небольшого уединенного склада, расположенного на пустынных окраинах Фенда, столицы Джуая. Ветхая постройка, укрытая среди валунов в неглубоком каньоне, ничем не примечательная, кроме того, что в ней вскоре должна была состояться нелегальная сделка по торговле оружием.

Покупатели уже находились внутри — военизированная банда головорезов, занимающаяся поставками оружия и известная под названием Грозные Черепа. Эта небольшая группировка, одно из многих частных охранных агентств, расплотившихся в Скайллианском Краю, состояла всего из нескольких десятков наемников с преступным прошлым и до сегодняшней ночи не привлекала внимания Сэрена. Но Грозные Черепа допустили ошибку, решив, что могут купить похищенный груз армейского оружия, исчезнувший с турианского транспортного корабля.

Вскоре слух Сэрена уловил отдаленный гул мотора, и через несколько минут к складу подъехал и остановился шестиколесный вездеход. Из него вышло шестеро мужчин — двое туриан и четверо людей. Одного из туриан Сэрэн мгновенно узнал даже в опустившейся темноте — докер из порта Камалы.

Он несколько дней следил за этим докером — с тех пор, как проверил списки рабочих порта и узнал, кто был в смене, когда пропал груз. Только один из докеров не появился порту на следующий день; вычислить вора оказалось до противного просто.

Выслеживать его было не намного труднее. Все участники этой операции — от похитителей до продавцов — были обычными любителями легкой наживы. В нормальных условиях Сэрэн просто передал бы дело местным властям и занялся чем-нибудь более важным. Но продажу оружия турианами людям он воспринимал как личное оскорбление.

Дверь склада открылась, и четверо продавцов, включая обоих туриан, сняли с машины ящик и втащили его внутрь. Оставшиеся двое заняли позиции часовых по обеим сторонам от двери.

Сэрэн направил в их сторону прибор ночного видения и недоверчиво покачал головой. Какой смысл ставить двух часовых снаружи склада, стоящего посреди пустыни? Здесь нет никакого укрытия, и часовые остаются у всех на виду.

Он поднял свою снайперскую винтовку, изготовленную на Изаале, дважды нажал на курок, и оба часовых шлепнулись на землю. Сэрэн небрежно, но ловко сложил винтовку и спрятал в специальный карман рюкзака. Если бы операцию проводили профессионалы, кто-то из них периодически проверял бы часовых, нет, скорее всего, они просто не поставили бы их снаружи.

Еще через десять минут Сэрэн спустился со своего наблюдательного пункта на скале. К этому моменту в небе висели уже обе луны, стало светло, и прибор ночного видения тоже отправился в рюкзак. Сняв с пояса халийскую полуавтоматическую винтовку, он подошел к двери склада. Сэрэн заранее осмотрел постройку и теперь знал, что в ней нет ни окон, ни второго выхода. Все, кто оказался внутри, были заперты в ловушке — еще одно

доказательство того, что он имеет дело с полными идиотами.

Сэрэн прижал ухо к двери и внимательно прислушался. Внутри шла ожесточенная словесная перепалка. Очевидно, перед встречей никто не позаботился выработать условия сделки. Профессионалы не могли допустить подобной оплошности. Они встречались, обменивались товаром и тотчас разъезжались. Чем дольше длится встреча, тем больше риск, что сделка не состоится.

Сэрэн достал из кармана на поясе три зажигательных гранаты, активировал взрыватели и молча начал отсчет. Дойдя до цифры 5, он рванул на себя дверь, бросил гранаты, захлопнул створку и отбежал в укрытие за корпусом вездехода.

Взрывом сорвало с петель двери, и изнутри вырвался клуб дыма, огня, обломков и шквал стрельбы. Сэрэн прислушался к воплям и выстрелам: перепуганные участники сделки запаниковали. Ослепнув и оглохнув от взрыва, они принялись беспорядочно стрелять, и каждая из сторон заподозрила в предательстве своих партнеров. Почти полминуты не утихала стрельба, а гулкое эхо от металлических стен склада гасило все остальные звуки.

Потом все стихло. Сэрэн навел винтовку на дверь, и спустя несколько секунд оказалось, что он ждал не напрасно — наружу выскочили двое наемников с оружием наготове. Короткой очередью из винтовки он пробил насквозь грудь первого из них, а потом присел под задним бортом вездехода, укрывшись от выстрелов второго противника. Длинным кувырком Сэрэн перекатился к передней части машины, а когда на мгновение выглянул, враг все еще смотрел на задний конец, ожидая его появления. Залп из винтовки Сэрэна с близкого расстояния снес парню полчерепа.

Для пущей уверенности он швырнул в разбитый проем еще пару гранат. На этот раз взрыв не вызвал огня и разрушений, а заполнил помещение отравляющим газом. Послышалось еще несколько воплей, быстро перешедших в сдавленный кашель. Из сарая один за другим показались трое наемников, ослепших и задыхавшихся от смертоносного заряда гранат. Сэрэн тремя выстрелами уложил их замертво.

Еще несколько минут он ждал, пока отравляющий газ рассеется, а затем перебежал из-за машины к входу. Он быстро заглянул внутрь и тотчас отскочил от входа.

Склад был усеян дюжиной тел. Кое-кто был застрелен, другие сгорели заживо, а остальные остались лежать в неестественно скрюченных позах — последствия воздействия отравляющего газа. Между телами валялось оружие, выпавшее из мертвых пальцев. Ящик, внесенный внутрь в самом начале встречи, так и стоял неоткрытым в центре на полу. За исключением всего этого, склад был пуст.

Сэрэн, не опуская винтовку, стал переходить от одного тела к другому, присматриваясь, не подает ли кто признаков жизни. Носком ботинка он перевернул обожженного турианина, упавшего рядом с ящиком. У него обгорела половина лица, и щиток стал ломким и хрупким. Плоть под щитком обуглилась, верхнее веко левого глаза намертво приклеилось к нижнему. Но с запекшихся губ сорвался слабый стон, и уцелевший глаз приоткрылся.

— Кто... ты? — прохрипел турианин.

— Призрак, — ответил стоявший над ним Сэрэн.

Наемник закашлялся и выплюнул темный сгусток отравленной крови.

— Прошу... помоги мне.

— Ты нарушил межзвездный закон, — бесстрастно и холодно напомнил Сэрэн. — Ты — вор, контрабандист и предатель своей расы.

Умиравший попытался что-то ответить, но только снова закашлялся. Он с трудом дышал — раскаленные газы зажигательной гранаты так сильно обожгли его легкие, что он даже не смог вдохнуть достаточно много отравляющих паров, чтобы умереть. Получив медицинскую помощь незамедлительно, он, возможно, мог бы остаться в живых. Но Сэрэн не имел ни малейшего желания тащить преступника в госпиталь.

Он сунул винтовку в кобуру на бедре и опустился на одно колено, нависнув над обгоревшей головой соплеменника.

— Ты крадешь оружие с корабля собственной расы, а потом продаешь его людям? — разъяренно прошипел призрак. — А тебе известно, сколько туриан на моих глазах погибли от рук людей?

Несчастному потребовались все оставшиеся силы, чтобы пошевелить почерневшими губами и вытолкнуть несколько слов:

— Та... война... закончена.

Сэрэн вскочил и выхватил пистолет.

— Расскажи это нашим павшим братьям.

Два выстрела в голову турианина положили конец разговору.

Не опуская оружия, Сэрэн продолжил осматривать тела. У задней стены склада он обнаружил два человеческих трупа, не так сильно изуродованных, как остальные. Гранаты взорвались неподалеку от входа, и этим наемникам досталось совсем немного. Даже отравляющий газ, докатившись до этого места, значительно утратил силу, и потому тела не были сведены судорогами. Скорее всего, их пристрелили свои же товарищи.

Сэрэн осторожно подошел к ближайшему из них, но, увидев неоспоримое доказательство его смерти, расслабился. Шесть отверстий диаметром с палец, расположенные почти вплотную, указывали то место, где залп из винтовки пробил бронежилет человека и образовал на спине дыру величиной с кулак.

Последний труп лежал лицом вниз в луже собственной крови. Оружие, скорее всего, по неосторожности убившее его товарища, лежало на земле... рядом с безжизненной рукой.

Сэрэн настороженно замер. Что-то не так. Его взгляд обшаривал наемника в поисках смертельной раны. В верхней части бедра имелась порядочная пробоина, вероятно послужившая источником всей вытекшей крови, но какие-либо еще повреждения отсутствовали.

Он снова перевел взгляд на бедро; кровь должна была по-прежнему сочиться из раны, однако края подсохли, как будто кто-то смазал их порцией медигеля.

— Отодвинь руку от оружия и перевернись, — приказал Сэрэн, обеими руками поднял пистолет и прицелился в неподвижное тело. — Или я стреляю.

В следующую секунду рука медленно сдвинулась, человек перекатился на спину и жадно вдохнул — при приближении Сэрэна он задержал дыхание, притворившись мертвым.

— Пожалуйста, не убивай меня, — взмолился он, видя, что Сэрэн шагнул к нему и прицелился точно в лоб между глаз. — Я даже не участвовал в войне Первого Контакта!

— Некоторые призраки арестовывают людей, — небрежно бросил Сэрэн. — Но я этим не занимаюсь.

— Подожди! — закричал человек и пополз назад, пока не уперся в стену. — Подожди, у меня есть интересная информация!

Сэрэн ничего не ответил, но опустил пистолет и коротко кивнул.

— Это касается другой банды наемников, Синих Солнц.

Каждый призрак, работавший в этом регионе, знал, что с Синими Солнцами приходится считаться. Члены этой небольшой, но хорошо известной группировки были опытными профессионалами. Не то что эта команда.

— Продолжай.

— Они что-то замышляют. Что-то важное.

— Что именно?

— Я... я не знаю. — Человек зажмурился, ожидая незамедлительного выстрела после такого признания. Через секунду, осознав, что он еще жив, наемник торопливо заговорил: — Только поэтому мы и получили эту работу. Корабельный груз предназначался Синим Солнцам, но они отказались. Я слышал, что им поручили важное дело. И они не захотели привлекать внимания призрака, покупая краденое оружие.

Сэрэн был заинтригован. Вероятно, Синим Солнцам и впрямь предстоит нечто важное; не в привычках этих ребят отказываться от уже условленной сделки. А если они на такое пошли, лишь бы избежать внимания призрака, надо непременно выяснить, в чем дело.

— Что еще?

— Это все, что мне известно, — сказал человек. — Клянусь! Если тебе нужна информация, присмотришься к Синим Солнцам. Ну как, мы договорились?

Сэрэн презрительно фыркнул:

— Договорились?

— Ну как же... Я выдаю тебе информацию, а ты оставляешь мне жизнь.

Призрак снова поднял пистолет.

— Надо было обговорить условия сделки до того, как ты вывалил свои сведения. Теперь тебе поздно торговаться.

— Как? Нет, пожалуйста! Не...

Пистолетный выстрел прервал его мольбы, а Сэрэн, повернувшись, спокойно пошел к выходу, оставив позади разгромленный склад. Как только он доберется до Фенда, поднимет местную полицию, чтобы они могли вернуть похищенное оружие... и прибраться.

Мысли Сэрэна уже были заняты следующим делом. Поначалу он не обратил внимания на сообщение о налете на Сидон. Призрак считал, что это какая-нибудь радикальная группировка батарианских мятежников, жаждавших вытеснить своих главных соперников из Скайллианского Края. Но если там поработали не политические террористы, то Синие Солнца были одной из немногих банд, способных на подобную диверсию.

Сэрэн преисполнился решимости выяснить, кто их нанял и зачем. И он даже знал, откуда начать расследование.

Андерсон потратил почти два полных дня, чтобы изучить личное дело Кали Сандерс и найти в нем хоть какие-то зацепки.

В ее физических данных не содержалось ничего особенного. Возраст: 26 лет; рост: 5 футов и 5 дюймов; вес: 120 фунтов. Судя по изображению, внесенному в удостоверение личности, в ее внешности преобладают европейские черты: светлая кожа, карие глаза и темно-русые волосы. Она казалась красивой, но Андерсон сомневался, чтобы кто-нибудь назвал бы ее привлекательной. В лице проскальзывало вызывающее выражение, как будто она все время стремилась к борьбе.

Учитывая ее досье, в этом не было ничего удивительного. Кали Сандерс выросла в мегаполисе Тексан, образовавшемся при слиянии Хьюстона, Далласа и Сан-Антонио, в одном из беднейших регионов Земли. Она жила с матерью, работавшей на фабрике за минимальную плату. Контракт с Альянсом, возможно, был ее единственным шансом улучшить жизнь, хотя она подписала его только в возрасте двадцати двух лет, вскоре после смерти матери.

Большинство новобранцев вступали в армию еще до достижения двадцатилетнего возраста. Сам Андерсон подписал контракт в тот день, когда ему исполнилось восемнадцать. Но, несмотря на поздний старт, а возможно, и благодаря этому Кали Сандерс стала выделяться уже в процессе базового обучения. Она овладела приемами рукопашного боя и обращения с оружием, но ее истинным призванием оказалась область технологий.

Согласно материалам ее личного дела, Сандерс окончила начальные компьютерные курсы еще до подписания контракта. Вступив в Альянс, она полностью посвятила себя изучению передовых методов программирования, информационных сетей и разработки опытных образцов систем. Она стала лучшей выпускницей группы, окончив трехгодичный курс за два года.

Результаты персональных тестов и отзывы психоаналитиков характеризовали ее умной и сильной женщиной с очень развитым чувством собственного достоинства. По мнению сослуживцев и старших офицеров, она проявляла общительность, пользовалась популярностью и была ценным членом любой команды, где ей приходилось работать. Ничего удивительного, что ее направили на станцию Сидона.

И все это казалось странным. Андерсон отлично понимал разницу между хорошим солдатом и плохим солдатом. Кали Сандерс определенно была хорошим солдатом. Не

исключено, что поначалу она видела в Альянсе лишь шанс достичь лучшей жизни, чем та, которая ее ждала на Земле. И она получила то, чего хотела. После вступления в армию она достигла успеха и постоянно получала поощрения и награды. Больше того, после смерти матери у нее не осталось ни семьи, ни настоящих друзей, кроме армейских сослуживцев.

Андерсон не мог отыскать ни одной причины, по которой она могла бы отвернуться от Альянса. Даже корыстные побуждения вряд ли имели смысл: все сотрудники базы на Сидоне получали высшие оклады. Кроме того, Андерсон неплохо разбирался в человеческой психологии и понимал, что требуется нечто большее, чем алчность, чтобы заставить человека предать смерти людей, с которыми он долгое время жил и работал.

И его беспокоил еще один вопрос. Если Сандерс была предателем, зачем ей потребовалось бежать *накануне* нападения и тем самым привлекать внимание к своей персоне? Стоило ей показаться на своем рабочем месте в день атаки, и ее сочли бы сгоревшей вместе с остальными сотрудниками. Складывается впечатление, что ее кто-то пытается подставить.

Но Андерсон не мог отрицать, что внезапное исчезновение Кали было слишком подозрительным, чтобы рассматривать его как простое совпадение. Ему требовалось выяснить, что там произошло, но единственная улика, в которой он нуждался, в личном деле отсутствовала. В графе «отец» у Кали Сандерс значилось «неизвестен». Но в те времена уже существовали не только органы универсального контроля рождаемости, но и обширные банки ДНК. Родители любого младенца не могли остаться неизвестными, если только данные не были скрыты специально.

Более глубокое изучение сведений о Кали Сандерс показало, что все сведения, касающиеся ее отца, были изъяты: записи из родильного дома, свидетельства о прививках — абсолютно все. Похоже, кто-то здорово постарался обрубить все концы. Кто-то, обладающий достаточным весом, чтобы фальсифицировать официальные документы.

И Кали, и ее мать, должно быть, участвовали в этой затее. Если бы ее мать захотела установить личность отца, ей ничто не помешало бы сделать это. И Кали, прояви она такое желание, в любой момент могла легко сделать тест на ДНК. Вероятно, они знали, кто является отцом, но по какой-то причине не хотели, чтобы это стало известно кому-нибудь еще.

Тем более что ни у одной из них не было ни финансовой, ни политической возможности так тщательно отредактировать документы. А это означало, что в деле участвовал кто-то еще — возможно, отец Кали. Если бы Андерсону удалось установить личность отца и причину, по которой он скрывается, ему было бы легче выяснить, каким образом Кали Сандерс связана с нападением на Сидон.

К несчастью, он исчерпал все возможности официальных каналов, но, к счастью, у него имелись другие возможности докопаться до истины. Именно поэтому он и стоял сейчас в темной аллее и нетерпеливо ждал, пока придет его агент.

Андерсон так торопился узнать результаты расследования, что оказался на условленном месте встречи на несколько минут раньше времени. Ничего удивительного, что его агент еще не появился. Лейтенант стал рассеянно бродить взад и вперед по аллее, отсчитывая медленно тянувшиеся секунды.

Едва часы отметили назначенное время, из тени материализовалась чья-то фигура. Даже при скудном освещении сразу стало понятно, что это салиарианка. Представители этой расы были ниже и тоньше, чем люди, а по внешнему виду напоминали смесь ящерицы или хамелеона с «серыми существами», которых в своих рассказах описывали мнимые жертвы вторжения инопланетян в последние годы XX столетия. Андерсон решил, что салиарианка все время была здесь, наблюдала за ним и терпеливо ожидала назначенного часа.

— Ты нашла что-нибудь? — спросил он ее.

Андерсон нанял салиарианку, чтобы та прозондировала экстранет в поисках любых улик, указывающих на личность отца Кали Сандерс.

Ежедневно через экстранет передавались терабайты информации, и в них, весьма

вероятно, содержалось нечто полезное. Но поиски желанных сведений в практически бесконечном потоке могли обернуться столь же бесконечным разочарованием. На обработку только одного из тысяч ежедневно посылаемых пакетов могло уйти несколько дней, поскольку потребовалось бы просмотреть миллионы и миллионы печатных страниц. В таких случаях на помощь привлекались информационные агенты — специалисты, использующие для уменьшения объема и сортировки данных сложные алгоритмы и написанные специально для заказчика программы. Поиски в экстранете представляли собой не только особую науку, но и искусство, и салиариане преуспели в этом занятии больше других.

Салиарианка мигнула огромными глазами.

— Я предупреждала тебя, что искомой информации там может не оказаться, — затараторила она. Салиариане всегда разговаривали очень быстро. — Данные, касающиеся твоей расы периода до присоединения к Цитадели, весьма разрозненны.

Чего-то подобного Андерсон и опасался. Архивы времен, предшествующих войне Первого Контакта, хотя и медленно, но пересылались в экстранет различными правительственными учреждениями, но более ранние записи, казалось, и вовсе не имели для них никакого значения. Учитывая возраст Кали Сандерс, отец исчез из ее жизни задолго до первого контакта человечества с галактическим сообществом.

— Значит, ты ничего не нашла?

Салиарианка улыбнулась:

— Я этого не сказала. Поиски оказались нелегкими, но кое-что все же попало. Похоже, левая рука Альянса не ведает, что творит правая.

Она протянула ему маленький оптический диск.

— Сделай мне одолжение, — попросил Андерсон после того, как взял диск и спрятал его в карман. — Скажи, что я обнаружу, когда поставлю диск в компьютер.

— В тот день, когда Кали Сандерс окончила вашу военную академию на Арктуре, по секретному каналу Альянса было направлено сообщение в одну из колоний Скайллианского Края. Через несколько секунд после получения оно было уничтожено.

— Как ты получила доступ к секретному каналу Альянса? — возмутился Андерсон.

Салиарианка рассмеялась:

— Ваша раса всего десять лет пользуется экстранетом для передачи информации. А моя раса осуществляет разведывательные и шпионские операции для Совета Цитадели уже более двух тысячелетий.

— Замечание принято. Но ты сказала, что сообщение было уничтожено?

— Верно. Удалено из файлов хранения и регистрации. Но, что бы ни попало в экстранет, никогда не исчезает бесследно. Для таких, как я, всегда остаются какие-то отзвуки и остаточные явления. Экстранет основан на...

— Мне не нужны детали, — прервал ее Андерсон, протестующе подняв руку. — Что содержалось в послании?

— Оно было довольно кратким. Всего один текстовый файл, в котором значилось имя Кали Сандерс, ее звание и класс квалификации. Весьма похвальные оценки. Если бы она захотела работать в моей области, ее ожидало бы яркое будущее...

Андерсон, охваченный лихорадочным нетерпением, снова прервал ее речь.

— Все это имелось в ее личном деле. Я платил тебе не за то, чтобы узнать ее отметки.

— Ты вовсе не платил мне, — заметила салиарианка. — Не забывай, счет был направлен вышестоящим лицам Альянса. Сомневаюсь, чтобы у тебя хватило средств оплатить мои услуги. Ты ведь не зря сразу обратился ко мне.

Андерсон невольно поднял руки и потер занывшие виски.

— Все правильно. Я не это имел в виду.

Все салиариане были склонны в разговорах ходить вокруг да около и менять тему на каждом вдохе. У него это всегда вызывало головную боль, и, чтобы добиться ответа на поставленный вопрос, уходило вдвое больше времени, чем обычно.

— Я только уповаю на Бога, чтобы у тебя нашлось что-то еще.

— Автором послания был один из инструкторов академии. Он уже давно ушел в отставку. Предварительная проработка показывает, что он не имеет дела к расследованию — он всего лишь исполнял приказ получателя и, скорее всего, не догадывался о назначении этой информации. У меня нет никаких доказательств, но я склонна полагать, что именно получатель и является отцом Кали Сандерс. Офицер Альянса очень высокого ранга. Он мог пользоваться возможностью систематически тщательно маскировать их родство, чтобы затруднить любые поиски. Однако я не сумела определить, по какой причине отец и дочь предпочли отвернуться друг от друга...

— Пожалуйста, — взмолился Андерсон, снова прервав своего агента. — Я только хочу узнать имя. Не говори больше ничего. Только скажи мне, кому было адресовано послание и где я могу его найти.

Она снова заморгала, и по изменившемуся выражению лица Андерсон понял, что салиарианка почувствовала себя оскорбленной. Но, к счастью, она выполнила его просьбу.

— Послание было отправлено контр-адмиралу Джону Гриссому. В данный момент он находится на Элизиуме.

ГЛАВА 10

— Эй, батарианин, это частный клуб, — проворчал охранник-кроган, загородивший Иб-ба Грото вход в «Святылище».

— На сегодняшний вечер я тоже член клуба, — ответил батарианский наемник, вставил карточку в щель платежного автомата и перечислил со своего счета кредит в четыре сотни за вход в клуб.

Кроган не двинулся с места и продолжал заслонять дверь, пока не подтвердилась операция перечисления. Он только раз перевел взгляд с лица Грото, чтобы взглянуть на его фото и имя, появившиеся на экране. Охранник проверял, не краденая ли карточка. Но изображение точно соответствовало лицу стоявшего перед ним батарианина; в этом нельзя было ошибиться, благодаря татуировке в виде синего солнца на лбу, точно над левым внутренним глазом.

Даже после этого охранник явно не хотел впускать Грото.

— Входная плата дает право только на посещение клуба, — заметил он. — За любые услуги придется платить отдельно. И немало.

— Я знаю ваши правила, — огрызнулся Грото. — Денег у меня достаточно.

Кроган на секунду задумался, подыскивая хоть малейший предлог отказать нежелательному клиенту.

— В клуб не разрешается проносить никакое оружие.

— Я сказал, что знаю правила, — отрезал Грото.

Охранник все еще колебался. Тогда батарианин развел руки в стороны.

— Можешь меня обыскать, и покончим с этим.

Кроган, признав свое поражение, отступил в сторону.

— В этом нет необходимости. — В знак уважения он наклонил голову влево. — Примите мои извинения, мистер Иб-ба. Хеланда за стойкой в глубине зала постарается выполнить все ваши пожелания.

Грото с удивлением опустил руки. Надо же, как легко купить уважение за деньги. Если бы он только знал, что можно пройти в клуб без обыска, он обязательно засунул бы за пояс пистолет. Или спрятал бы в ботинке нож.

Но он лишь наклонил голову вправо в знак того, что извинения приняты. Изображая оскорбленного посетителя, он храбро шагнул мимо охранника в самый роскошный бордель Камалы и постарался сохранить спокойствие, несмотря на то что его сердце бешено забилося.

В душе Грото боялся, что его вышвырнут вон даже после того, как он заплатил. Он явно не соответствовал подобному заведению. «Святылище» предназначалось для знатных и

богатых — тех, кому улыбнулась удача, а вовсе не для солдат удачи. Высокая плата за вход ограждала обитателей борделя от клиентов вроде Грото. В Камале хватало мест, где можно было обзавестись временное подружкой, но нигде за это не брали столько денег.

Впрочем, наниматель Синих Солнц выплатил кругленькую сумму в счет их услуг за несколько месяцев вперед, да еще немалую премию за нападение на исследовательскую базу Сидона. Сам Грото не участвовал в этом налете, не присутствовал он и на складе, когда их наниматель встречался со Скарром. Если бы он там был, он знал бы, кто платит им деньги, но тогда он мог бы стать одним из тех наемников, кто погиб от руки Скарра.

Синие Солнца в любом случае платили всем своим солдатам поровну, так что Грото ничего не потерял, кроме возможности быть убитым. А наемники, которые присутствовали при встрече на складе, до сих пор были заняты: их наняли в качестве личной охраны неизвестного денежного мешка. Зато Грото оказался свободен и мог по собственному усмотрению тратить свою долю. И впервые в жизни он намеревался насладиться удовольствиями, предназначенными для тех, кто был могущественнее и богаче его.

Часть средств наемник потратил на новую одежду, но даже в ней он не чувствовал себя уверенным, оказавшись в главном зале борделя. Он был здесь явно не к месту, и клиенты — по большей части батариане — поглядывали в его сторону с откровенным подозрением и любопытством. Социальная иерархия составляла важную часть батарианской культуры, а присутствие Грото явно нарушало общественные нормы. Но когда он заметил, что даже служащие смотрят на него с презрением, его смущение переросло в ярость. Кто они такие, чтобы так к нему относиться? Да никто, просто лакеи и шлюхи!

По пути к стойке в дальней части зала мимо многочисленных охранников-кроганов Грото поклялся заставить кого-нибудь заплатить за обиду. Девчонка в отдельном кабинете быстро сменит свое презрение на страх!

— Добро пожаловать в «Святилище», мистер Иб-ба, — проворковала стоявшая за стойкой батарианка. — Меня зовут Хеланда. Прошу простить за инцидент у входа, — продолжала она. — Одак порой слишком серьезно относится к своим обязанностям. Позвольте вас заверить: в следующий раз он встретит вас с должным уважением.

— Хорошо. В таком заведении я ожидал лучшего отношения к гостям.

Следующего раза наверняка не будет, но Грото не собирался об этом говорить.

— Мы оказываем своим клиентам самые различные услуги, — поведала Хеланда, сочтя инцидент на входе исчерпанным и перейдя к своим непосредственным обязанностям. — В «Святилище» стараются удовлетворить любые желания каждого гостя, какими бы... необычными они ни были. Если вы расскажете, что вас интересует, я лично помогу выбрать подходящую спутницу — или спутниц — на сегодняшний вечер.

— Меня интересуешь ты, — выпалил он и наклонился над стойкой, ошибочно приняв любезность Хеланды за приглашение.

— Это не входит в мои обязанности, — коротко возразила она, отступила на шаг назад, а веки внутренних глаз возмущенно дрогнули.

Грото понял, что все ее очарование всего лишь маска, часть обязательной игры. Невольная реакция девушки выдала истинное положение вещей: она чувствовала к нему такое же отвращение, как и все остальные служащие.

Боковым зрением он заметил, как один из кроганов, словно случайно, передвинулся ближе к стойке, и Грото решил на время унять свое возмущение. Он даже принужденно засмеялся, словно резкий отказ его позабавил.

— На самом деле меня интересует женщина человеческой расы.

— Женщина-человек? — переспросила Хеланда, словно сомневалась, правильно ли она расслышала его требование.

— Я любопытен, — холодно добавил Грото.

— Прекрасно, мистер Иб-ба. — Хеланда нажала кнопку под стойкой, и перед ней появился небольшой экран. — Должна предупредить, что все межрасовые запросы облагаются дополнительной наценкой. Здесь вы найдете несколько достойных кандидатур и

их ставки.

Она повернула к Грото экран. На дисплее появилось несколько портретов с указанными ценами. При виде цифр Грото едва не задохнулся от изумления. В отличие от борделей, которые он посещал до сих пор, почасовая оплата здесь была не принята. А целая ночь в «Святылище» оценивалась на несколько сотен дороже, чем вся его доля. На мгновение он задумался, не стоит ли просто развернуться и выйти из зала, но тогда четыре сотни, отданные за вход, пропадут понапрасну.

— Я хочу ее, — произнес он и ткнул пальцем в один из портретов.

Грото взял бы спутницу подешевле, но он не мог показать виду, что шокирован подобными ценами. Он не собирался приходить сюда еще раз, так что твердо решил получить именно то, что хотел. По правде сказать, наемник не слишком хорошо разбирался в людях. Но в этой женщине его что-то привлекало. Она выглядела такой хрупкой. И беззащитной.

— Отличный выбор, мистер Иб-ба. Сейчас кто-нибудь проводит вас в отведенную на этот вечер комнату. И выбранная спутница присоединится к вам через минуту.

Спустя некоторое время он остался один в комнате со звуконепроницаемыми стенами. Грото ходил взад и вперед и бил кулаком по своей ладони. Он вспоминал все унижения, через которые пришлось пройти, начиная от самого входа, разгорался яростью и собирался выместить злобу на несчастной женщине, которая на сегодняшнюю ночь предназначалась ему в жертву.

Люди — все равно, мужчины или женщины, — в физическом отношении ничуть не привлекали Грото своей внешностью. Но в эту ночь секс был для него не главной целью. Просто Грото ненавидел людей. Они размножались и расплзались, как черви, заполняли Скайллианский Край, захватывали все новые колонии и постепенно вытесняли представителей других рас, таких как батариане. Те люди, которые вместе с ним служили в Синих Солнцах, знали, как вести себя в бою, но, как и все представители своей расы, отличались высокомерием и заносчивостью. Сегодня ночью он заставит страдать хотя бы одно существо этой гордой расы. Он унизит, сломит и накажет эту женщину. Он уничтожит ее!

В дверь постучали — сдержанно и негромко. Грото распахнул дверь и уже протянул руку, намереваясь схватить женщину за руку и втащить внутрь. Но при виде турианина замер на месте.

— Кто ты... ох!

Жестокий удар по горлу прервал вопрос. Грото едва не задохнулся, попытался откашляться и, пятась, упал на стоявшую в центре комнаты кровать. Турианин спокойно зашел внутрь и закрыл за собой дверь. Грото услышал, как щелкнул замок, и они с незнакомцем остались наедине.

Кое-как отдышавшись, Грото сполз с кровати и выставил кулаки, ожидая, что незнакомец ринется вперед и попытается его прикончить. Но турианин, запев дверь, не двинулся с места.

— Кто ты такой? — наконец прохрипел Грото.

— Сэрэн, — прозвучало в ответ единственное слово.

Грото тряхнул головой: имя было ему незнакомо.

— Как ты прошел мимо стражников? — спросил он.

— Они и не пытались меня остановить, — совершенно спокойно ответил Сэрэн. — Более того, мне кажется, они были рады, что я пришел и могу о тебе позаботиться.

— Что... что ты имеешь в виду?

У Грото дрогнул голос. Неестественное спокойствие незваного гостя сбивало его с толку. Но батарианин не опускал руки на случай внезапного нападения.

— Ты что, действительно так глуп? Неужели ты считаешь, что никто не догадывается о твоих планах на сегодняшний вечер? Они всё поняли в тот момент, когда ты заказал женщину человеческой расы.

— О чем это ты?

Турианин сделал один шаг вперед. Грото, держа наготове кулаки, отошел на два шага назад. Он отступил бы и дальше, но уперся в заднюю стену комнаты и был вынужден остановиться.

— В «Святылище» не позволено истязать служащих или наносить им физический вред, — спокойно пояснил Сэрэн. С этими словами он начал медленно — шаг за шагом — двигаться вперед. — В комнатах установлены камеры наблюдения. — Еще шаг. — Стоит тебе только поднять руку на эту женщину, как сюда влетит разъяренный кроган и оторвет тебе голову. — Еще шаг.

— Я не... Я же ничего не сделал! — запротестовал батарианин и опустил наконец кулаки.

Глупо было размахивать руками, когда незнакомец оставался совершенно спокойным. Еще шаг.

— Я убедил их в том, что мое вмешательство необходимо, — продолжал Сэрэн, не обращая внимания на его выкрики. — Они опасались потревожить остальных гостей. — Еще шаг. — Но я напомнил, что в комнатах отличная звукоизоляция. — Еще шаг. — И что ты уже заплатил за комнату.

Турианин был уже совсем рядом, но по-прежнему держался абсолютно спокойно. Грото снова выставил кулаки.

— Отойди, или я...

Закончить фразу он не успел: сильный удар турианина угодил ему в живот. Перед глазами Грото вспыхнули ослепительные молнии, от боли в паху и животе он рухнул на пол и мог только беспомощно разевать рот и тихо стонать.

Сэрэн ухватил его за ворот только что купленного костюма и снова поставил на ноги, а потом одним ударом вонзил палец в глазницу и выбил внутренний глаз. От сильного потрясения и непереносимой боли батарианин лишился сознания.

Спустя несколько секунд он очнулся и тотчас зашелся в крике, когда Сэрэн мощным толчком выбил ему правый локоть. Грото взвыл от боли, свернулся в клубок и катался по полу, испытывая ужасающие мучения.

— Ты мне противен, — прошептал Сэрэн, опустился на колени и сжал левое запястье Грото. Он вытянул здоровую руку батарианина, вывернул сустав и надавил посильнее. — Ты собирався мучить невинную жертву ради собственного удовольствия. Ты мерзкий извращенец. Пытка может быть оправдана какой-то целью, — добавил он, хотя треск левого локтя Грото и последующие вопли почти заглушили его слова.

Сэрэн отступил назад, давая возможность изломанному телу полнее ощутить боль. Только через минуту наступил шок и исковерканные руки онемели, так что Грото снова смог заговорить.

— Ты заплатишь за это, — промямлил он, лежа на полу и тихо подвывая. Слезы и слюна смешивались с жидкостью из вытекающего глаза, скапливались во рту, и слова угрозы превращались в смехотворное кваканье. — Ты знаешь, кто я? Я состою в Синих Солнцах!

— А как бы иначе я тебя здесь нашел?

Внезапное понимание отразилось на лице батарианина новой гримасой ужаса.

— Ты призрак, — пробормотал Грото. — Прошу тебя, — взмолился он, — скажи, что тебе нужно. Все, что угодно. Я все тебе отдам.

— Информация, — ответил Сэрэн. — Расскажи, что тебе известно о Сидоне.

— Нас наняли, чтобы уничтожить эту базу, — признался изувеченный наемник.

— Кто нанял?

— Я не знаю. Я общался только с посредником. Я никогда не видел заказчика и не слышал его имени.

Сэрэн вздохнул и опустился рядом с Грото на колени. Причинить боль жертве и извлечь необходимую информацию можно было миллионами различных способов. Но туриане вообще отличались практичностью, и этот тоже предпочитал грубую эффективность

простых и жестоких методов. Схватив болтавшуюся левую руку Грото, он сжал его запястье, развернул один из пальцев и начал выгибать его назад.

— Нет! — вскричал батарианин. — Не надо! Пожалуйста... это правда. Это все, что мне известно. Поверь мне!

Он настаивал на этом даже после того, как три пальца были сломаны в среднем суставе, и в конце концов Сэрэн убедился, что наемник не врет.

— Как вы попали на территорию базы? — задал Сэрэн следующий вопрос.

— Заказчик, который нас нанял, все сделал, — пролепетал Грото осипшим от воплей голосом. — У него был свой человек внутри.

— Назови его имя.

— Пожалуйста! — почти завизжал наемник. — Я не знаю. Я даже там не был.

Сэрэн взялся за следующий палец, и слова хлынули рекой.

— Подожди! Я не знаю, кто помогал изнутри! Но... я расскажу кое-что еще. После нападения мы привели к заказчику постороннего. Огромного крогана по имени Скарр.

— Хорошо, — буркнул Сэрэн и немного ослабил, давление на палец. — Продолжай.

— На Сидоне что-то не получилось. Кто-то остался в живых после нападения. Лишний свидетель. Скарра наняли, чтобы его устранить. Это человек, женщина. Ее видели на Элизиуме. Но имени я не знаю.

— Что еще? Зачем понадобилось уничтожать базу?

— Я не знаю, — испуганно прошептал Грото. — Нас не посвящали в детали. Заказчик не хотел лишних разговоров. Он не хотел... Не хотел, чтобы об этом прознали... призраки.

Для большей уверенности в правдивости его слов Сэрэн сломал еще два пальца.

— Прошу тебя! — зарыдал батарианин, как только перестал вопить от боли. — Тебе нужен не я. На складе состоялась встреча Скарра с нашим заказчиком. Поговори с теми, кто там был.

Турианин ничуть не удивился, что его жертва предлагает кого-то другого. В большинстве случаев так оно и бывало. Чаще всего это означало, что допрос подходит к концу: как только жертва сознавала, что больше не располагает никакой полезной информацией, чтобы избежать дальнейших пыток, оставалось только предать своих товарищей.

— Где я смогу найти тех, кто присутствовал при встрече? — спросил Сэрэн.

— Я... я не знаю, — дрожащим голосом признался Грото. — Они остались с заказчиком. Он их нанял для личной охраны.

— Тогда придется продолжить с тобой, — заявил призрак.

— Я рассказал все, что знаю, — неуверенно возразил батарианин, и в его голосе не было ни хитрости, ни коварства, ни надежды. — Даже если ты переломаешь мне все кости, я больше ничего не смогу тебе рассказать.

— Посмотрим, — пообещал Сэрэн.

Сэрэн провел долгую ночь. Трижды за время дознания батарианин от болевого шока терял сознание. И каждый раз Сэрэну приходилось сидеть и ждать, пока он придет в себя, — пытать бесчувственное тело не имело никакого смысла.

В конце концов он убедился, что Грото говорит правду. Сэрэн больше ничего не смог из него выжать. Он давно это подозревал, но должен был окончательно убедиться. Ставки были слишком высоки.

Кто-то нанял банду Синих Солнц. И заказчик располагал достаточными средствами и влиянием, чтобы обеспечить их исключительную верность. Этот кто-то принял меры предосторожности, чтобы призраки ни о чем не догадались. Сэрэну необходимо было выяснить, кто приказал напасть на Сидон и почему. На кону могли стоять миллиарды жизней, и он был готов часами истязать этого наемника, если бы оставался хоть какой-то шанс получить малейший намек на разгадку.

Но его усилия не остались без последствий. Звуконепроницаемые стены усиливали

стенания и вопли жертвы. Эти звуки доставляли Сэрону физические мучения, и теперь в голове не утихала пульсирующая боль.

«В следующий раз, — подумал он, потирая виски, — я возьму с собой беруши».

Еще в процессе дознания он уложил батарианина на кровать; так было легче работать, чем каждый раз наклоняться или вставать на колени. И сейчас Грото неподвижно лежал на спине и негромко постанывал в беспамятстве.

Сэрен немногого добился, но получил по крайней мере один отчетливый след. Репутация Скарра была известна призраку, и он знал, что наемный убийца направлялся на Элизиум. Отыскать там его след не составит труда.

Но сначала надо закончить с этим делом. Арестовывать Грото не имело смысла; вмешательство властей только насторожило бы заказчика и Синих Солнц и выявило участие призрака. Легче — и намного безопаснее — просто избавиться от тела.

Сэрен спокойно обхватил ладонями голову Грото с обеих сторон, а потом, резко повернув под определенным углом, сломал вытянутую шею. Быстрая и безболезненная смерть.

В конце концов, он же не чудовище.

ГЛАВА 11

На Элизиуме Андерсон высадился вместе с тремя сотнями других пассажиров, купивших билеты на транспортный челнок с Цитадели.

Порт приземления кишмя кишел представителями самых различных рас Галактики: кто-то улетал, кто-то прилетел, и почти все были вынуждены стоять в длинных извивающихся очередях, чтобы пройти таможенный досмотр и паспортный контроль. На Элизиуме всегда строго соблюдались меры безопасности, а после нападения на Сидон предосторожности усилились до такой степени, что Андерсону оставалось только удивляться.

Нельзя сказать, чтобы он этого не одобрял. Идеальное местоположение Элизиума среди нескольких первичных и вторичных ретрансляторов массы делало его привлекательным для разного рода путешественников и торговцев, и Альянс не мог не учитывать возможности террористических атак. Колония существовала всего пять лет, но за столь короткий срок стала одним из крупнейших торговых портов Скайллианского Края. Численность населения резко возростала и не так давно перевалила за миллион, и это без учета постоянно проживавших там чужаков, составлявших приблизительно половину всего населения. К несчастью, из-за этого сильно возрос поток приезжих нечеловеческой расы, возросла и нагрузка на силы безопасности.

Чрезвычайные меры превратились для отъезжающих и прибывающих в длительное и тягостное испытание. От неприятных задержек страдали даже люди; для досмотра неиссякаемого потока чужаков требовался дополнительный персонал, а значит, с гражданами Альянса работало все меньше служащих.

Андерсону повезло: его воинское удостоверение личности давало право миновать длинные очереди. Охранник просканировал его отпечатки пальцев, потратил несколько секунд на их идентификацию, а потом отдал честь и позволил пройти.

Официально Андерсон не выполнял никакого задания. Согласно простой, но вполне достоверной легенде, чтобы не привлекать излишнего внимания и скрыть истинную цель поездки, он был просто десантником Альянса, проводящим очередной отпуск.

Итак, отцом Кали Сандерс оказался Джон Гриссом. Совершенно очевидно, что они давно отдалились друг от друга, но все же существовала вероятность того, что Джон Гриссом может оказать помощь в дальнейшем расследовании. Элизиум от Сидона отделяло всего несколько часов полета. Согласно бортовым записям, Кали Сандерс, решившись на самовольную отлучку с базы, направилась именно сюда. И хотя Гриссом не общался с дочерью по крайней мере лет десять, для нее, как и для любого другого, не было тайной, что

самый знаменитый солдат Альянса рано ушел в отставку и стал отшельником в крупнейшей колонии человечества в Скайллианском Краю.

Андерсон до сих пор не мог смириться с мыслью, что предателем была Кали Сандерс. Кусочки мозаики никак не хотели складываться в единую картину. Но он понимал, что Сандерс каким-то образом вовлечена в это дело и ее внезапный отъезд с базы не может быть простым совпадением. Возможно, она оказалась замешана в чем-то помимо своей воли, а когда ситуация стала выходить из-под контроля, запаниковала и решила скрыться. Он мог представить, в каком состоянии она прилетела на Элизиум: испуганная, одинокая, не знающая, кому довериться. Гриссом был единственным человеком, к кому она могла обратиться за помощью.

После регистрации в отеле Андерсон арендовал машину и поехал осматривать уединенные домики на окраинах столичного города. Найти жилище Гриссома оказалось непросто; таблички с адресами были здесь настолько неприметными, что, казалось, их намеренно прятали. Местные жители явно очень дорожили уединением.

Наконец Андерсон остановил машину и пошел по длинной дорожке, ведущей к на удивление маленькому домику, расположенному на противоположном от дороги краю участка. Желание Гриссома скрыться от посторонних глаз поразило Андерсона. Он уважал этого человека и его заслуги, но не мог объяснить, почему надо так далеко идти пешком. Солдат не должен таким образом отворачиваться от Альянса.

«Ты здесь не для того, чтобы кого-то осуждать, — напомнил себе Андерсон, подойдя к двери. Он позвонил в колокольчик и, непроизвольно вытянувшись в струнку, стал ждать. — Ты здесь для того, чтобы отыскать Кали Сандерс».

Только через несколько минут он услышал, как кто-то с недовольным ворчанием приближается к двери. Спустя мгновение дверь приоткрылась, и на пороге возник контр-адмирал Джон Гриссом во всей своей красе.

Рука Андерсона, готовая отдать честь в приветственном салюте, невольно прилипла к бедру. На представшем перед ним хозяине дома не было ничего, кроме потрепанного домашнего халата и несвежих трусов. Отросшие волосы давно забыли о расческе, а лицо покрывала трехдневная черная с проседью щетина. В настороженном взгляде угадывалась горечь, и лицо, казалось, превратилось в неподвижную хмурую маску.

— Что тебе надо? — не приветливо спросил он.

— Сэр, — заговорил Андерсон. — Я лейтенант штаба Дэвид Анд...

Гриссом его не дослушал.

— Я знаю, кто ты. Мы встречались на Арктуре.

— Верно, сэр, — с некоторой гордостью, что адмирал его запомнил, кивнул Андерсон. — Это было перед войной Первого Контакта. Я удивлен, что вы меня помните.

— Я ушел в отставку, но еще не выжил из ума.

Возникла неловкая пауза; Андерсон пытался совместить прославленный образ Гриссома сохранившийся в его памяти, с неопрятным брюзгой, который открыл ему дверь. Но Гриссом не собирался долго ждать.

— Послушай, парень, я давно в отставке. Так что возвращайся к своему начальству и скажи, что я не намерен давать интервью, произносить речи или проводить встречи по поводу нападения на одну из наших военных баз. Я покончил с этим.

Андерсон встрепенулся: старый адмирал допустил оплошность.

— Как вы узнали о нападении на Сидон, сэр?

Гриссом посмотрел на него, словно на неразумного мальчишку.

— Во всех выпусках новостей только об этом и кричат.

— Но я здесь не по этой причине, — возразил Андерсон, стараясь скрыть разочарование. — Мы можем поговорить в доме?

— Нет.

— Прошу вас, сэр. Мне бы не хотелось обсуждать этот вопрос у всех на виду.

Гриссом стоял на своем и по-прежнему загораживал вход.

Лейтенант понял, что дипломатией и тактом он ничего не добьется. Пора высказаться откровенно.

— Расскажите мне о своей дочери, сэр.

— О ком?

Старик сыграл великолепно. Андерсон надеялся, что при упоминании давно утраченной дочери, его единственной родственницы, на лице адмирала появится хоть тень реакции. Но Гриссом даже не моргнул.

— Кали Сандерс, — довольно громко сообщил ему Андерсон. Вряд ли кто-то услышит его — соседей поблизости не было, но он должен был добиться приглашения в дом. — Вашей дочери. Солдата, самовольно оставившего свой пост на Сидоне за считанные часы перед нападением. О женщине, которую разыскивают по подозрению в предательстве.

Хмурая маска Гриссома сменилась неприкрытой ненавистью.

— Заткнись и войди внутрь, — пробурчал он и сделал шаг в сторону.

Войдя в дом, Андерсон вслед за негостеприимным хозяином прошел в маленькую гостиную. Гриссом опустился в одно из продавленных кресел, а лейтенант остался стоять, ожидая приглашения. Спустя несколько секунд он понял, что приглашения не последует, и тогда тоже сел в кресло.

— Как ты узнал о Кали Сандерс? — спросил Гриссом таким равнодушным тоном, словно обсуждал погоду.

— В наши дни стало невозможно сохранить секрет, — заметил Андерсон. — Нам известно, что в последний раз ее видели на Элизиуме. Я хочу знать, встречалась ли она с вами.

— Я не общался с дочерью с тех пор, как она была подростком, — ответил Гриссом. — Ее мать считала меня плохим мужем и отцом, и я не могу с ней не согласиться. Тогда я счел за лучшее просто уйти из их жизни. — Тут Гриссом оживился. — Эй, — неожиданно воскликнул он. — При нашей последней встрече ты говорил, что помолвлен. Тебя на Земле ждала девушка, не так ли? Теперь ты, должно быть, женат. Прими мои поздравления.

Он попытался сбить Андерсона с толку. Гриссому, как никому другому, было отлично известно, насколько трудно офицеру Альянса сохранить брак; его невинное замечание имело целью переменить тему. Несмотря на то что адмирал старался казаться безобидным и никчемным стариком, он сохранил острый ум.

Но Андерсон не клюнул на приманку.

— Сэр, мне нужна ваша помощь. Ваша дочь подозревается в предательстве по отношению к Альянсу. Неужели это для вас ничего не значит?

— А почему для меня это должно быть важно? — отрезал Гриссом. — Я едва ее знал.

— Я смог установить ваше родство. Рано или поздно на это обстоятельство наткнется кто-нибудь еще.

— Ну и что? Ты думаешь, я тревожусь о своей репутации? — насмешливо воскликнул Гриссом. — Считаешь, что я соглашусь тебе помогать только для того, чтобы скрыть наличие у прославленного адмирала незаконной дочери, обвиненной в предательстве? Ха! Такие, как ты, возможно, беспокоятся о подобной чепухе. Я же не дам за нее и ломаного гроша.

— Я не это имел в виду, — возразил Андерсон, не обратив внимания на провокацию. — Я напал на след Кали Сандерс, и он привел меня сюда. Это значит, что ее могут выследить другие. Я обратился к вам, чтобы помочь вашей дочери. Но следующий, кто сюда придет, — а мы оба знаем, что появится кто-то еще, — может попытаться причинить ей вред.

Гриссом медленно наклонился вперед и опустил голову на руки, явно задумавшись над словами лейтенанта. Прошло несколько долгих секунд, а когда он выпрямился, глаза заблестели слезами.

— Она не предатель, — прошептал адмирал. — Она никак не связана с этим делом.

— Сэр, я верю вам, — сочувственным и искренним тоном ответил Андерсон. — Но

таких, как я, немного. Поэтому мне необходимо с ней встретиться. Пока с ней ничего не случилось.

Гриссом довольно долго молчал, покусывая нижнюю губу.

— Я не допущу, чтобы она пострадала, — заверил его Андерсон. — Даю вам свое слово.

— Она приходила сюда, — наконец признался адмирал и глубоко вздохнул. — Сказала, что попала в беду. Что-то связанное с Сидоном. Я не стал выпрашивать у нее подробности. Я думаю... Я думаю, что боялся услышать от нее что-то ужасное. — Он снова нагнулся вперед и закрыл голову руками. — Меня никогда не было рядом, пока она росла, — рассказывал он дрожащим от слез голосом. — И сейчас я не мог от нее отвернуться. Я должен был...

— Адмирал, я все понимаю. — Андерсон потянулся вперед и успокаивающим жестом дотронулся до плеча Гриссома. — Но вы должны сказать, куда она ушла.

Гриссом поднял голову; его взгляд вдруг смягчился и стал незащищенным.

— Я назвал ей имя капитана торгового судна, стоявшего в порту. Это капитан «Паутинки». Он помогает людям, когда им требуется незаметно исчезнуть. Она ушла вчера вечером.

— Куда она отправилась?

— Я не спрашивал. Эрринг обещал о ней позаботиться. Тебе надо поговорить с ним.

— И где он сейчас?

— Сегодня утром «Паутинка» отправилась в рейс к системе Терминуса. Корабль вернется не раньше чем через несколько недель.

— У нас нет нескольких недель, сэр.

Гриссом встал с кресла, и его осанка стала более гордой, словно мышцы пытались вспомнить, что значит стоять по стойке «смирно».

— Тогда, я полагаю, солдат, тебе придется взять один из патрульных кораблей и отыскать его. Только он может привести тебя к моей дочери.

Андерсон решительно поднялся.

— Не беспокойтесь, адмирал. Я не допущу, чтобы ваша дочь пострадала.

Он поднял руку для салюта, но адмирал отвернулся.

— Не надо, — пристыженно сказал он. — Я не достоин этого. Теперь уже нет.

Тогда Андерсон протянул ему руку. Пожилой адмирал некоторое время колебался, но потом с удивительной твердостью ответил на рукопожатие.

— Андерсон, ты лучше, чем я был когда-то. Альянсу повезло, что у него есть такие солдаты, как ты.

Лейтенант не знал, что ответить, и потому только коротко кивнул. Гриссом крепко сжал его локоть и повел из гостиной к выходу.

— Не забудь о своем обещании, — отчеканил адмирал. — Не допусти, чтобы с моей дочерью что-то случилось.

Глядя на экран камеры наружного наблюдения, адмирал следил за лейтенантом, пока тот не сел в машину и не уехал. Затем Гриссом неторопливо вернулся в дом и стукнул в закрытую дверь спальни.

Через секунду дверь открыла Кали Сандерс.

— Кто приходил?

— Сыщик из Альянса, сумевший установить наше родство. Я отправил его гоняться за привидениями. Следующие две недели он проведет где-нибудь в районе системы Терминуса в поисках одного моего приятеля.

— Ты уверен, что он купился на эту уловку? — спросила Кали.

— Я дал ему именно то, чего он добивался, — с циничной усмешкой заверил ее Гриссом. — Предоставил возможность помочь старому опустившемуся человеку вспомнить, кем он когда-то был. Но дело не только в нем, — продолжал Гриссом. — Проблемы не

кончатся, пока мы не отыщем того, кто замешан в нападении на Сидон.

Кали шагнула к отцу и крепко сжала его руку в своих ладонях.

— Спасибо тебе, — произнесла она, глядя ему в глаза. — Именно об этом я и подумала.

Он кивнул и неловко высвободил руку.

— Мы переждем еще несколько дней, а потом найдем способ отправить тебя с этой планеты.

С этими словами адмирал повернулся и вышел, оставив дочь в комнате.

Массивная плотная тень бесшумно и быстро скользила по залитому лунным светом участку Гриссома, направляясь к входу в дом.

При необходимости Скарр мог двигаться тихо даже в тяжелом бронекостюме. Броня ограничивала скорость передвижения, но в любом случае он больше рассчитывал на свою силу, чем на скорость.

Внутри дома, принадлежавшего, как узнал Скарр, отцу его жертвы, не было ни огонька. Имя героя Альянса, названное ему батарианским информатором, удивило наемного убийцу, но не изменило его намерения выполнить работу. Единственное, чем это грозило, — небольшими осложнениями после того, как задание будет выполнено.

Кроган не знал, находится ли в доме Кали Сандерс, но даже если ее там нет, отец, вероятно, знает, где ее найти. Скарр не сомневался, что заставит человека говорить, если только... нечаянно не убьет раньше. Вот почему он предпочел легкий бронекостюм, а из оружия взял лишь пистолет и свой любимый нож.

У единственной двери он замер и прислушался, но не обнаружил никаких признаков жизни. Тогда кроган достал универсальный прибор, отключил с его помощью сигнализацию и отпер электронный замок. Убрав инструмент, убийца достал пистолет и распахнул дверь.

Глаза Скарра еще не успели привыкнуть к темноте, а он уже переступил порог. Выстрел из дробовика угодил ему точно в грудь.

Рефлективная система кинетического защитного поля, реагируя на удар, выдала вспышку голубого огня и благополучно отвела большую долю зарядов. Часть пуль прорвалась через защитное поле, но они отскочили от абляционных пластин бронекостюма или застряли в толстом слое амортизирующей прокладки. Лишь несколько пуль прошли все слои защиты и пробили плоть.

От сильнейшего удара кроган не удержался на ногах, вылетел обратно за дверь и тяжело грохнулся на землю.

Гриссом вскочил с кресла, в котором проводил на страже каждую ночь с тех пор, как Кали появилась в его доме. Он узнал голубую вспышку кинетического защитного поля, поглотившего львиную долю заряда, и поднял ружье для второго выстрела. Попадание с близкого расстояния окончательно истощит энергию защиты, и тогда останется последним выстрелом завершить дело.

Но Скарр, все еще лежа на спине, выхватил из-за пояса нож и метнул его в своего противника. Лезвие глубоко вонзилось в мышцы левого плеча Гриссома как раз в тот момент, когда он нажимал курок, и адмирал промахнулся. Заряд, вместо того чтобы снести голову Скарра, выбил в земле дымящийся кратер.

Ружье выпало из внезапно онемевшей руки Гриссома. Старый солдат не успел даже перехватить оружие здоровой рукой, как Скарр, вскочив на ноги, одним прыжком вернулся в дом. Кроган с яростным ревом одним ударом огромного кулака отшвырнул ружье на другой конец гостиной, а потом схватил человека и бросил его в стену, так что осыпалась штукатурка.

У Гриссома перехватило дыхание, нож вылетел из раны, а сам адмирал бессильно сполз на пол. Кроган уже навис над ним и слегка повернул голову, словно стараясь направить на противника взгляд одного из холодных змеиных глаз. Гриссом никогда не считал себя трусом, но уставившийся черный мертвенный зрачок поверг его в ужас.

Но в этот момент — бум, бум, бум — послышался знакомый грохот «Хахне-Кедар P15-

25», пистолета, принятого на вооружение в армии Альянса и кроган пошатнулся. Три пули угодили ему в массивное сплетение мускулов спины и в позвоночник, но он все еще держался на ногах.

В дверях дома, держа в руке дымящийся пистолет, появился лейтенант Андерсон. Он прошел в гостиную и еще раз шесть выстрелил в обернувшегося крогана. Лейтенант целился в нижнюю часть тела и одним из выстрелов угодил в колено, где пластины брони, обладая гибкостью, проигрывали в прочности.

От ярости и боли кроган снова испустил оглушительный рев и грохнулся на пол, схватившись за раненую ногу.

— Еще одно движение, и следующая пуля угодит тебе между глаз, — предупредил Андерсон и прицелился в костяной выступ, опоясывающий череп крогана.

Гриссом едва поверил своим глазам. Поразить из пистолета одетого в бронекастом человека и то было нелегко, а что уж говорить о крогане!

— Я рад тебя видеть, — произнес адмирал, едва к нему вернулась способность разговаривать.

— Не могли же вы рассчитывать, будто я поверю в разыгранный накануне спектакль, — отозвался Андерсон, не спуская глаз с лежавшего в углу крогана. — С тех пор как я покинул ваш дом, я постоянно за ним наблюдал.

Гриссом с трудом поднялся на ноги. Его левая рука безжизненно повисла вдоль тела, а правой он зажимал кровоточащую рану. С побледневших губ Гриссома сорвался невольный стон.

— Твой приятель ранен, — проворчал кроган.

Андерсон ни на мгновение не терял бдительности.

— Он крепкий. Выживет.

Кроган тоже истекал кровью. Броня на груди была усеяна отметинами от пуль, сквозь пробоины виднелась обгоревшая прокладка, а кое-где тоже выступила кровь. Андерсон подозревал, что хотя бы одним из выстрелов тоже причинил значительные повреждения спине крогана. Но он достаточно повидал представителей этой расы, чтобы знать: они способны драться даже с более серьезными ранами.

Лежавший на полу чужак был сродни дикому зверю: такой же злобный, отчаянный и непредсказуемый. Он тяжело дышал, но от боли, потери крови или просто от гнева, определить было невозможно. Грубое, покрытое шрамами лицо казалось напряженно застывшей маской, мускулы бугрились под кожей, как будто он готовился вскочить.

При малейшей попытке сдвинуться с места Андерсон намеревался всадить ему пулю в голову с расстояния трех метров. Этого не смог бы пережить даже кроган.

Внезапно послышался стук распахнутой двери, и по коридору застучали шаги.

— О боже! Ты ранен! — зазвенел женский голос.

Андерсон был не так глуп, чтобы повернуть голову. Но на долю секунды его взгляд дернулся в направлении голоса. Крогану этого хватило.

Молниеносным броском он выбросил вперед руку со сжатым кулаком, и по комнате прокатился шквал высвобожденной энергии. До сих пор Андерсон ни разу не подвергался нападению биотика, и он никак не ожидал такого от крогана. Спустя мгновение он уже понял, что происходит, но за это время его сбilo с ног и пронесло через всю гостиную. Он ощутил себя словно в камере искусственной гравитации, в которой кто-то неожиданно переключил полярность: мгновенная, неумолимая и непреодолимая сила.

Он не успел ни подхватить выпавший пистолет, ни поднять ружье адмирала, лежавшее всего в нескольких футах. Кроган, несмотря на свои раны, проворно вскочил на ноги, подбежал к нему почти вплотную и уже занес кулак, чтобы нанести удар, способный расколоть человеческий череп. Андерсон успел нагнуться и отклониться в сторону. Удар крогана пришелся на крышку деревянного стола, отчего доска разлетелась на мелкие щепки.

В тот же миг в гостиной воцарился хаос. Гриссом кричал дочери, чтобы она бежала, Кали во весь голос призывала Андерсона схватить оружие, кроган ревел от ярости, метался

по гостиной за своим противником и крушил мебель, словно она была сделана из бумаги. Андерсон, как мог, уклонялся от ударов, да и то лишь потому, что кроган заметно хромал из-за простреленного колена.

Он мельком увидел, как Кали выбежала в гостиную и попыталась добраться до отцовского ружья. Но кроган тоже ее заметил и тотчас переключил внимание на девушку. Он сию секунду прикончил бы ее, не отыщи еще один выстрел трещину в его бронекопюте. Пуля попала в бедро, и кроган покачнулся, а удар не достиг цели.

Андерсон резко обернулся: у двери, где совсем недавно стоял он сам, появился турианин, и принялся без остановки палить из пистолета в крогана. Лейтенант не имел ни малейшего представления, кто это и зачем он пришел, — он лишь обрадовался новому союзнику.

Большая часть пуль отскакивала от брони, поскольку кроган пригнулся и закрыл голову — единственную незащищенную часть тела. Лишь на мгновение он бросил взгляд на турианина, а потом выскочил через окно гостиной, осыпав пол осколками стекла. Кроган приземлился плечом на траву, ловко перекатился и вскочил на ноги. Он даже не оглянулся и побежал прочь. Двигался кроган довольно неуклюже из-за раны в колене, но на удивление быстро при своих размерах.

Турианин выскочил за дверь, послал ему вслед несколько пуль, но вскоре вернулся в дом.

— Разве ты не собираешься его догонять? — спросил Гриссом неожиданного союзника.

Адмирал все еще сидел на полу, но при помощи пояса от халата сумел наложить жгут на плечо и приостановить поток крови.

— С таким оружием — нет, — ответил турианин, подняв пистолет. — Кроме того, только глупец может надеяться справиться в одиночку с кроганом-биотиком.

— Я думаю, адмирал Гриссом хотел тебя поблагодарить за наше спасение, — вмешался Андерсон, подошел к турианину и протянул ему руку.

Чужак посмотрел на него, но не сделал попытки ответить тем же, и лейтенант смущенно опустил руку.

— Я знаю, зачем он сюда пришел, — сквозь стиснутые от боли зубы произнес Гриссом и кивнул в сторону Андерсона. — А ты что скажешь?

— Я два дня следил за Скарром, — ответил турианин. — Ждал, пока он сдвинется с места.

— Следил? — переспросила Кали и нагнулась к отцу, чтобы осмотреть рану. — Зачем? Кто ты?

— Меня зовут Сэрэн. Я призрак. И мне нужны ответы на кое-какие вопросы.

ГЛАВА 12

Андерсон и призрак сидели друг напротив друга за столом на кухне и молчали. Гостиная больше подошла бы для разговоров, но ни одно из стоявших там кресел не выдержало вторжения крогана.

У Сэрэна, как и у всех туриан, лицо прикрывал жесткий нарост, только у него он был светлого цвета и выглядел похожим на голый череп. Андерсону призрак напомнил старинные картины, изображавшие Жнеца — воплощение самой смерти.

Кали в задней части дома перевязывала рану Гриссома. Адмирал пытался протестовать, но слишком ослаб от потери крови, и ей удалось уговорить его прилечь. В домашней аптечке Кали обнаружила армейский пакет с запасом медигеля, так что сумела остановить кровотечение и теперь бинтовала раненую руку.

Кали сразу хотела отвезти отца в госпиталь или хотя бы вызвать «скорую помощь», но Сэрэн решительно воспротивился.

— Сначала ты ответишь на мои вопросы, — заявил он.

Сэрэн очень не понравился Андерсону. Тот, кто для достижения своей цели пользовался болезнью и страданием одного из членов семьи, по его мнению, был садистом и тираном.

— Теперь он отдохнет, — сказала Кали, войдя на кухню. — Я дала ему снотворное.

Она пересекла комнату и села рядом с Андерсоном, инстинктивно выбрав представителя своего народа.

— Поторопись со своими вопросами, — неприязненно бросила она турианину. — Я хочу поскорее отвезти отца в госпиталь.

— Отвечай откровенно, и скоро все кончится, — заверил ее Сэрэн. — Расскажи, что тебе известно о военной базе на Сидоне.

— База была уничтожена в результате нападения, — вмешался Андерсон, опасаясь, что Кали по неосторожности может навлечь на себя обвинение.

Турианин перевел взгляд на лейтенанта.

— Не считай меня дураком, человек. Того крогана, который тебя чуть не прикончил, зовут Скарр, он известный наемный убийца. Я следил за ним целых два дня.

— Какое отношение это имеет к нам? — спросила Кали настолько невинным голосом, что Андерсон почти поверил, будто она ничего не понимает в сложившейся ситуации.

— Его нанял тот же человек, который организовал нападение на Сидон, — угрюмо ответил Сэрэн. — Его послали, чтобы ликвидировать единственного сотрудника базы, оставшегося в живых. Тебя.

— Похоже, что тебе об этом деле известно больше, чем нам, — заметил Андерсон.

Турианин сердито стукнул по столу кулаком.

— Почему атаковали базу? Над чем вы там работали?

— Над опытными образцами. — На этот раз Кали опередила Андерсона. — Над экспериментальным оружием новой технологии для армии Альянса.

Сэрэн озадаченно склонил голову набок.

— Оружие новейшей технологии? И это все?

— Что значит «это все»?! — вскричал Андерсон, подхватив ложь, ловко подброшенную Кали. — Ни для кого не секрет, что мы на грани войны с батарианами. Неужели этого не достаточно, чтобы атаковать научную базу, где разрабатывается секретное оружие?

— Нет, — бесстрастно ответил Сэрэн. — Должно быть что-то еще. Вы что-то скрываете.

Возникло напряженное молчание, затем турианин неторопливо достал пистолет и положил на стол перед собой.

— Возможно, вы не вполне понимаете, какими полномочиями обладает призрак, — с угрожающим видом произнес он. — Я правомочен предпринимать любые действия, какие найду необходимыми для расследования.

— Ты собираешься нас убить? — воскликнула Кали с недоверием.

— У меня есть два правила, — объяснил Сэрэн. — Первое: никогда не убивать без особой на то причины.

— А второе? — подозрительно спросил Андерсон.

— Всегда можно найти причину, чтобы кого-то убить.

— Биотики, — выпалила Кали. — Мы пытались найти способ сделать из людей биотиков.

Пару секунд турианин взвешивал ее слова.

— И каких результатов вы достигли?

— Мы почти приблизились к цели, — призналась она, хотя и стала говорить намного тише. — Мы разыскали нескольких людей со скрытыми биотическими способностями. В основном это были дети. Таланты биотиков у них оказались намного слабее, чем у представителей других рас, но при наличии усилителей и соответствующей тренировки мы надеялись достичь неплохих результатов. Всего несколько недель назад мы как раз

закончили хирургическое вживление усилительных устройств. Никто из испытуемых не уцелел во время нападения.

— Ты знаешь, кем было организовано нападение? — спросил турианин, меняя тему.

Кали покачала головой.

— Возможно, это были батариане. Но я отсутствовала, когда все это произошло.

— Тогда почему за тобой охотятся? — не унимался Сэрэн.

— Я не знаю! — закричала Кали и с треском хлопнула кулаком по столу. — Может, они подумали, что я в состоянии возобновить программу. Но они уничтожили все материалы. Уничтожили опытный материал. Все наши труды пропали!

Кали уронила голову на руки и зарыдала.

— И теперь они все мертвы, — всхлипывала она. — Все мои друзья. Доктор Кийян. Все... все погибли.

Андерсон сочувственно обнял ее за плечи, а турианин просто сидел и бесстрастно наблюдал за ними. Через несколько минут он отодвинулся и встал из-за стола.

— Я выясню, кто организовал атаку, — сказал Сэрэн, убирая пистолет в кобуру на поясе. — И почему.

Он направился к выходу, но у самой двери обернулся:

— И если вы мне солгали, я это тоже узнаю.

Спустя мгновение призрак растворился в темноте.

Кали все еще всхлипывала. Андерсон, желая успокоить, притянул ее ближе. Она прекрасно справилась с Сэреном, искусно мешая ложь с вкраплениями правды. Но сейчас в ее поведении не было ничего притворного. Люди со станции на Сидоне были ее друзьями, и теперь они все мертвы.

Кали положила голову ему на плечо, ища утешения в близости соплеменника. Прошло еще несколько минут, слезы иссякли, и она осторожно отодвинулась.

— Прости, я оказалась такой слабой, — сказала она и с нервной усмешкой попыталась стереть остатки слез.

— Все в порядке, — откликнулся Андерсон. — Тебе здорово досталось.

— Что теперь будет? — спросила Кали. — Ты меня арестуешь?

— Пока нет, — успокоил ее лейтенант. — Я намерен выполнить обещание, данное вчера твоему отцу. Я не верю, что ты предатель. Но я должен знать, что происходит. Только не надо повторять историю, рассказанную турианину. Я должен знать правду.

Она кивнула и неожиданно шмыгнула носом.

— Это наименьшее, чем я могу отплатить за спасение наших жизней. Но нельзя ли сначала отвезти отца в госпиталь?

— Конечно.

Однако доставить адмирала в госпиталь оказалось не так-то просто. Он был крупным мужчиной, а успокоительное средство лишило его возможности управлять мышцами. Адмирал превратился в мертвый груз. Неподатливый мертвый груз.

— Оставьте меня в покое, — ворчал он, пока Кали и Андерсон пытались вытащить его из кровати и поставить на ноги.

Кали встала с одной стороны кровати и придерживала отца за здоровую руку. Андерсон с другой стороны неловко обхватил Гриссома за пояс, чтобы не потревожить раненое плечо. Стоило им привести его в сидячее положение, как адмирал снова заваливался на спину.

Дочь, не прекращая усилий поднять отца, продолжала его уговаривать:

— Мы должны... ох... доставить тебя... ох... в госпиталь. Ох!

— Кровь остановилась, — возражал он, едва ворочая языком под действием снотворного. — Просто дайте мне поспать.

— Давай попробуем по-другому, — предложил Андерсон и перешел на ту сторону кровати, где стояла Кали.

Он повернулся спиной к адмиралу, присел на краешек кровати и закинул его здоровую

руку себе на плечо. С помощью Кали Андерсон сумел взвалить бесчувственное тело адмирала на спину и даже встать.

— Положи меня обратно, негодяй! — простонал Гриссом.

— У вас колотая рана в плече, кроме того, этот проклятый кроган ударил вас о стену, — напомнил ему Андерсон и неуверенно шагнул к двери. — Надо, чтобы вас осмотрел специалист.

— Глупый сукин сын! — не унимался Гриссом. — Они сразу поймут, что Кали прячется у меня.

Андерсон, немного поразмыслив, сделал шаг назад и почти рухнул на кровать, позволив адмиралу соскользнуть обратно в постель.

— Он слишком тяжелый? — спросила Кали, одинаково волнуясь за обоих мужчин.

— Нет, — пропыхтел Андерсон, отдуваясь после нелегкого испытания. — Но он прав. Как только мы обратимся за помощью, с тобой будет покончено.

— О чем ты говоришь?

— После нападения на Сидон в порту усилены меры безопасности. Стоит нам привезти в госпиталь адмирала Гриссома с такой раной, и служба безопасности тотчас удвоит бдительность. Нам ни за что не удастся тайком вывезти тебя с этой планеты. Кали, я верю в твою невиновность, — продолжал он. — Но больше никто тебе не поверит. Тебя арестуют сразу, как только найдут.

— Тогда я просто останусь в доме, — возразила она. — О нашем родстве никому неизвестно.

— Да, конечно. Никому, кроме меня, призрака и еще того крогана... Мы все смогли узнать об этом, Кали. Сколько времени потребуется тем, кто еще идет по твоему следу? До этого события никто не интересовался ни твоим прошлым, ни твоим происхождением. Теперь тебя подозревают в предательстве — твое имя и фото фигурируют в каждом выпуске новостей. Журналисты готовы землю рыть, лишь бы отыскать любые подробности о твоей жизни. Рано или поздно кто-нибудь доберется до истины.

— Так что же нам делать?

Ответ подсказал Гриссом.

— Убирайся подальше от этой планеты, — пробормотал он. — Я знаком с людьми, которые доставят тебя на борт, минуя службу безопасности. Надо только позвонить им завтра.

С этими словами он повернулся на бок и всхрапнул, уступив наконец действию снотворного. Кали и Андерсон перебрались на кухню.

— Твой отец умный человек, — заговорил Андерсон.

Кали кивнула и предложила перекусить.

— Если уж нам придется дожидаться утра, почему бы не съесть чего-нибудь?

В холодильнике они обнаружили хлеб, нарезанное мясо и горчицу, а также тридцать шесть банок пива.

— Если хочешь, можно еще поискать. Возможно, у него здесь припрятано что-нибудь покрепче, — предположила Кали, протянув Андерсону пиво.

— Пиво в самый раз, — ответил Андерсон и с легким щелчком открыл банку. Он еще не пробовал пиво местного производства; оно оказалось немного резким и горьковатым, но без неприятного привкуса. — С сэндвичами будет отлично.

— Извини, еды не так уж много, — посетовала Кали, усаживаясь за стол.

— Все хорошо, — заверил ее Андерсон. — Только немного странно есть охлажденный хлеб. Кто держит хлеб в холодильнике?

— Моя мама всегда так делала, — ответила Кали. — Полагаю, это единственное, по поводу чего они не спорили с отцом. Но для сохранения брака этого оказалось недостаточно.

Больше за едой они не разговаривали, размышляя каждый о своем. Закончив есть, Андерсон собрал тарелки, сложил их в раковину, достал из холодильника еще пару банок пива и вернулся к столу.

— Ладно, Кали, — заговорил он и протянул ей пиво, — я понимаю, что ночь будет для нас долгой. Не пора ли поговорить? Ты готова?

Она кивнула.

— Только не торопись, — попросил Андерсон. — Начни с самого начала и рассказывай обо всем. Мне необходимы любые подробности.

— На нашей базе не было никаких разработок по теме биотики, — негромко начала она. — Но мне кажется, тебе и так об этом известно.

«Какая чудесная у нее улыбка», — подумал вдруг Андерсон.

— Но тем не менее, — сказал он, — эта тема послужила хорошей маскировкой для призрака. Если бы он узнал, что там происходило на самом деле...

Лейтенант не закончил фразу, вспомнив предостережения посла Гойль относительно призраков.

Сэрэн спас им жизнь. Лейтенант мог только гадать: решился бы он сам ради сохранения тайны убить турианина, а если решился, сумел бы это сделать или нет?

— Давай отнесем этот успех на счет твоей сообразительности, — предложил он.

Кали спокойно выслушала комплимент и продолжила рассказ, с каждой минутой все увереннее и отчетливее.

— Вся работа на Сидоне была подчинена одной-единственной цели: развитию искусственного интеллекта и наблюдению за ним. Мы сознавали, насколько это рискованно, и соблюдали строжайшие меры предосторожности, чтобы не выпустить ситуацию из-под контроля. Два года назад я приехала на станцию младшим системным аналитиком и работала под непосредственным руководством доктора Кийяна руководителя проекта. Люди слишком часто используют слово «гений», — продолжала она, не пытаясь скрыть своего восхищения, — но этот человек действительно обладал талантом. Его разум, его образ мыслей и способности предвидения — все было настолько исключительным, что мы едва поспевали за ним. Я, как и большинство работавших там людей, исполняла прямые указания доктора Кийяна. В половине случаев я даже не знала в чем смысл той или иной работы.

— А почему тебя не было на Сидоне во время нападения? — спросил Андерсон, пытаясь мягко подтолкнуть Кали к наиболее интересующей его части рассказа.

— Несколько месяцев назад я заметила в поведении доктора Кийяна некоторые изменения. Он стал все больше и больше времени проводить в лаборатории. Он работал по две смены подряд, почти не оставляя времени для сна. Но в то же время казалось, что он обладает неиссякаемым источником неукротимой энергии.

— Он был маньяком?

— Я так не думаю. Я никогда не видела у него признаков нервного расстройства. Но вдруг исследования пошли совершенно в другом направлении — мы совсем забросили принятую ранее тактику и занялись проработкой абсолютно новых теорий. Технология прототипов и схемы использовались в новых целях. Сначала я решила, что доктор Кийян стоит на пороге нового открытия. И он загорелся какой-то новой идеей. Первое время меня это вдохновляло. Его волнение передавалось всем нам. Но позже меня стали одолевать подозрения.

— Подозрения?

— Это трудно объяснить. В поведении доктора Кийяна что-то изменилось. Он стал другим. Я ведь проработала рядом с ним уже два года. И теперь не узнавала его. Он не просто с головой погрузился в работу. Он словно помешался. Как будто... им завладел кто-то еще. — Она немного помолчала. — И мне показалось, словно он что-то скрывает. Какой-то секрет, который не может доверить ни одному из сотрудников. Раньше, если он хотел от меня чего-то добиться, он до мельчайших деталей объяснял важность поручаемой работы. Он рассказывал, как она связана с другими сторонами проекта, даже если никто из нас не мог в полной мере охватить его сложные замыслы. В последние несколько месяцев все пошло по-другому. Он перестал общаться с остальной командой; он отдавал приказы без всяких объяснений. Это на него не похоже. И тогда я стала рыться в банках данных. Я даже

взломала защиту секретных файлов доктора Кийяна.

— Что? — изумленно воскликнул Андерсон. — Невероятно! Разве это возможно?

— Секретная кодировка и алгоритмы — это моя специальность, — не без гордости ответила Кали, но потом стала оправдываться: — Послушай, я знала, что все это противозаконно. Я понимаю, что нарушила правила субординации. Но тебя там не было. Ты не можешь понять, насколько странным стало поведение доктора Кийяна.

— И что же ты выяснила?

— Это не было поворотом нашего проекта в новом направлении. Наша предыдущая работа была заброшена. Все новые теории, новое оборудование — все это было затеяно для подготовки подключения наших нейронных сетей к какому-то чужеродному артефакту!

— И что с того? — пожал плечами Андерсон. — Почти все наши достижения за последние два десятилетия основаны на использовании протеанских артефактов. И не только наши — если бы не технологии протеан, галактическое сообщество вряд ли могло возникнуть. Все расы оказались бы замкнутыми в пределах собственных солнечных систем.

— Это совсем другое, — настаивала Кали. — Возьмем, к примеру, ретрансляторы массы. Мы знаем, как ими пользоваться, но наших знаний недостаточно, чтобы попытаться создать новое устройство. На Сидоне мы пытались создать искусственный интеллект — возможно, самое грозное оружие во всей Галактике. И доктор Кийян намеревался внедрить элемент, тайна которого оказалась неподвластна даже его разуму.

Андерсон кивнул. Он вспомнил печально известный манхэттенский проект начала XX столетия, о котором узнал из курса истории в Академии. В безрассудной гонке за атомным оружием участвующие в проекте ученые в процессе исследований нечаянно получили опасную дозу радиоактивного облучения. Двое ученых умерли еще во время работы, а многие заболели раком и другими недугами, вызванными радиацией.

— В наши планы не входило повторение ошибок прошлого, — сказала Кали, безуспешно пытаясь скрыть нотки разочарования. — Я полагаю, доктор Кийян был для этого достаточно умен.

— И ты собиралась донести на него, не так ли?

Она кивнула.

— У тебя были правильные намерения, — ободрил ее Андерсон, заметив на лице Кали тень нерешительности.

— Теперь, когда все мои друзья погибли, в это трудно поверить.

Он видел, что молодую женщину терзает комплекс вины за то, что она осталась в живых. Но, как бы Андерсон ни сочувствовал ей, он по-прежнему нуждался в информации.

— Кали, нам еще предстоит выяснить, кто организовал это нападение. И почему.

— Возможно, кто-то захотел остановить доктора Кийяна, — предположила она шепотом. — Может быть, информация о его исследованиях дошла до кого-то еще. До кого-то на самом верху. И они решили навсегда прикрыть его проект.

— Ты полагаешь, к этому причастен кто-то из Альянса?! — с ужасом воскликнул Андерсон.

— Я не знаю, что думать! — крикнула Кали. — Я только знаю, что я устала, напугана и хочу, чтобы все это поскорее закончилось!

На секунду ему показалось, что она снова заплачет, но Кали сдержалась. Она лишь посмотрела на него в упор.

— Ну как, ты все еще намерен помочь мне выяснить, кто за этим стоит? Даже если выяснится, что Альянс замешан в это дело?

— Я остаюсь на твоей стороне, — пообещал Андерсон. — Я не верю, что Альянс участвовал в уничтожении базы. Но если окажется, что это так, я приложу все силы, чтобы виновные были наказаны.

— Я верю тебе, — после небольшой паузы сказала она. — Что будем делать?

Кали была с ним предельно откровенна. Теперь его очередь.

— Командование Альянса считает, что нападавшие охотились за доктором Кийяном.

Они думают, ученый все еще может быть жив.

— Но в новостях твердят, что никто не уцелел!

— В этом нельзя быть уверенным. Большая часть тел была полностью уничтожена.

— Но почему именно сейчас? — спросила Кали. — Проект разрабатывался не один год.

— Возможно, его только недавно обнаружили. Возможно, кого-то насторожило поведение доктора Кийяна. А может быть, открылась какая-то связь с этим загадочным артефактом.

— А вдруг это мой поступок побудил их к действию?

Андерсон не собирался поощрять ее на этом пути.

— В этом нет твоей вины, — сказал он и крепко сжал ее пальцы. — Не ты отдала приказ уничтожить Сидон. Не ты выдала секретные коды охраны. — Он сделал глубокий вдох и добавил, отчетливо разделяя каждое слово: — Кали, ты не должна себя винить.

Он освободил ее руку и откинулся назад.

— И мне необходима твоя помощь, чтобы найти виновных. Мы должны выяснить, знали ли кто-то еще об этом протеанском артефакте.

— Он не был протеанским, — поправила его Кали. — По крайней мере, я так поняла из записей доктора Кийяна.

— А чей же? Асари? Турианский? Батарианский?

— Нет. Ничего подобного. Кийян и сам точно не знал, кто его создатель. Но артефакт очень древний. Доктор считал, что он предшествовал протеанской технологии.

— Предшествовал протеанам? — переспросил Андерсон, желая убедиться, что правильно ее расслышал.

— Так думал доктор Кийян, — пожав плечами, подтвердила Кали.

— А где он его нашел? И где сейчас находится артефакт?

— Я не думаю, чтобы артефакт когда-нибудь был на базе. Доктор Кийян не стал бы его привозить, пока не был готов включить в проект. А найти артефакт он мог где угодно, — добавила она — Каждые несколько месяцев он на неделю или две покидал базу. Я всегда считала, что он ездит отчитываться перед командованием Альянса, но кто может сказать, где он бывал и чем занимался?

— Кому-то за пределами базы это должно быть известно, — настаивал Андерсон. — Ты сказала, что доктор Кийян сильно изменился, повернул исследования в другом направлении. Мог ли кто-то, кроме задействованных в проекте сотрудников, заметить, что его поведение отличается от обычного?

— Я думаю... Постой-ка! Оборудование для новых исследований! Все приборы были доставлены от одного поставщика с Камалы!

— С Камалы? Вашими поставщиками были батариане?

— Мы никогда не обращались к ним напрямую, — торопливо пояснила Кали. — Все подозрительные поставки отслеживаются во всем пространстве, подвластном Цитадели, и о них обязательно докладывают Совету. За время работы над проектом мы использовали сотни подставных компаний, и на каждый компонент размещался отдельный заказ — слишком незначительный, чтобы привлечь чье-то внимание. После получения всех необходимых частей оборудование собиралось прямо на базе. Но доктор Кийян старался достичь абсолютной совместимости в нейронных сетях, и потому почти все снабжение можно было проследить до одного поставщика: «Дах-тан продакшн».

«Ну что же, в этом, возможно, есть определенный смысл», — решил Андерсон. Учитывая политическую напряженность между землянами и батарианами, никто не заподозрил бы поставщиков с Камалы в обеспечении секретных разработок Альянса.

— Если кто-то из поставщиков обращал внимание на содержание заказов, — продолжала Кали, — он мог догадаться, в каком направлении идут работы.

— Как только Гриссом вывезет нас с этой планеты, — заявил Андерсон, — мы нанесем скромный визит на «Дах-тан продакшн».

ГЛАВА 13

Во тьме безлунной ночи Элизиума Сэрэн держал путь к ожидавшей его машине. Он понимал, что оставшиеся в доме люди что-то скрывают. На Сидоне происходило нечто большее, чем то, о чем они рассказали.

Да, призрак имел право применять силу, добывая информацию, даже к солдату Альянса, но иметь право и осуществлять его на практике — это две разные вещи.

Элизиум был колонией Альянса. Еще неизвестно, не обратились ли к местным властям соседи Гриссома после перестрелки со Скарром. Конечно, это маловероятно — дом стоял довольно далеко от остальных построек, но Сэрэн не мог полагаться на случайность. Если бы местные правоохранители, прибыв на место происшествия, застигли его во время жесткого допроса своего соотечественника, да еще и офицера, статус призрака не помог бы Сэрэну.

Кроме того, он охотился вовсе не за ними. К нынешнему расследованию люди не имели отношения. Возможно, им было кое-что известно о причинах, по которым Скарра послали по их следам, но вряд ли они догадывались, кто мог это сделать.

Ключом к разгадке мог послужить только кроган. Сэрэну не составило труда выследить его на Элизиуме, и теперь предстоит снова отыскать его. Скайллианский Край считался дальней окраиной пространства Цитадели, но даже здесь было практически невозможно передвигаться между планетами, не привлекая внимания. Мелкие корабли имели технические возможности для приземления в любом месте на обитаемой планете. Однако все миры, занятые мало-мальски установившимися колониями, строго отслеживали любой корабль, который избегал посадки в космопорту. У них хватало милицейских отрядов, готовых арестовать каждого, кто находился на борту нарушителя, если только власти не отдавали приказ уничтожить его прямо в небе.

Все это означало, что Скарру придется воспользоваться космопортом. Даже если ему удастся проскочить посты сил безопасности, он не сумеет скрыться от глаз толпы. Как у любого призрака, у Сэрэна в каждом районе Скайллианского Края имелись свои глаза и уши. Где бы в следующий раз ни появился наемный убийца, один из осведомителей обязательно известит его об этом.

Призрак мог потребовать ареста Скарра, но сомневался, чтобы кроган сдался живым. А уничтожение крогана в перестрелке с местными силами безопасности ничуть не продвинуло бы расследование нападения на Сидон. Нет, лучше всего снова отыскать его и проследить, как это было на Элизиуме. Рано или поздно кроган обязательно выведет на своего заказчика.

Эдану Хад-даху снова пришлось коротать ночь в ветхом складе на окраине Хейтра. Опять он сидел на неудобном жестком стуле и опять дожидался прихода Скарра. И на этот раз он тоже был окружен личной охраной — теми же Синими Солнцами, которые присутствовали при первой встрече с кроганом. Вернее, с теми, кто тогда остался в живых.

Но на этот раз Эдан сознавал свое преимущество. Кали Сандерс до сих пор жива. Он заплатил наемнику немалые деньги, а Скарр не справился с заданием. В этот вечер Эдан был решительно настроен диктовать на переговорах свои условия.

Сегодня склад был заполнен огромными ящиками и грузовыми контейнерами, и лишь в самом центре оставалось небольшое пространство, где и предстояло пройти встрече. С этой места было плохо слышно, что происходило у входа, но громкий стук безошибочно оповестил всех о приходе крогана.

— Проверьте, чтобы он сдал оружие! — крикнул Эдан вслед паре батарианских наемников, поспешивших к двери, чтобы впустить гостя. — Все оружие, — добавил он, отчетливо вспомнив, как в прошлый раз нож крогана блеснул в его руке.

От входной двери послышалась громкая словесная перепалка, и, хотя Эдан не мог разобрать слов, он прекрасно слышал гулкий басовитый рокот голоса крогана. Спустя пару

минут к нему подошел один из батариан.

— Кроган не соглашается сдать оружие, — доложил он.

— Что?! — удивленно воскликнул Эдан.

— Он не желает разоружаться. И на этот раз явился в полной броне.

— Я не буду с ним разговаривать, пока у него в руках оружие, — заявил Эдан.

— Я ему так и сказал, — ответил наемник, уважительно склонив голову влево. — А он только рассмеялся. Сказал, что будет рад уйти и считать, что ваше соглашение расторгнуто.

Эдан молча выругался. Он сразу заплатил крогану всю требуемую сумму. Обычно батарианин никогда не соглашался на подобные условия, но, учитывая репутацию Скарра, сделал исключение.

— Ладно, оставьте ему оружие, — нехотя приказал он. — И проводите сюда.

— Не будет ли это ошибкой?

— Скажи своим людям, что на этот раз они могут его застрелить, если он что-нибудь выкинет. И убедись, чтобы убийца это услышал.

Наемник, предвкушая возможность мести, молча усмехнулся и отправился к двери. Вернулся он в сопровождении крогана, который выглядел крайне рассерженным. До сих пор Эдану не приходилось сталкиваться с Боевым Мастером кроганом в полном облачении. Его вид вызывал ужас, словно навстречу катился оживший танк. Эдан едва сдержался, чтобы не попятиться.

Скарр не держал в руках оружия, но его бронекостюм был оснащен полным комплектом: по пистолету на каждом боку, складной крупнокалиберный автомат и мощный дробовик на спине. В броне на груди виднелось несколько пулевых отверстий со следами засохшей крови по краям. От пробоев вниз тянулись темные полосы, они пересекали бронекостюм и служили немым свидетельством недавнего сражения на Элизимуе.

Синие Солнца не спускали с него глаз, и дула девяти винтовок отслеживали каждый шаг. Крогана это ничуть не беспокоило, его взгляд не отрывался от лица нанявшего его батарианина. Наемный убийца продолжал надвигаться длинными тяжелыми шагами, и громкий топот сапог внезапно заглушил все остальные звуки в помещении склада. На долю секунды Эдану показалось, что кроган не собирается останавливаться, а так и будет шагать, пока не сомнет коваными подошвами его относительно небольшое тело и не превратит его в бесформенную массу. Но Скарр, отрывисто и злобно дыша, встал на расстоянии не более метра.

— Ты не справился, — произнес Эдан.

Он хотел бы, чтобы его слова прозвучали язвительным обвинением, но нависшая тень крогана заглушила в его голосе всю браваду.

— Это *ты* не сказал мне, что в деле участвует призрак! — бросил в ответ Скарр.

— Призрак? — с изумлением переспросил Эдан. — Ты в этом уверен?

— Я узнаю призраков с первого взгляда! — зарычал Скарр. — А этого и подавно. Проклятый турианин!

Уголки губ Эдана недовольно опустились, но он ничего не ответил. Плохо дело. Он знал, что Скарр говорит о Сэрене, — турианин был, пожалуй, самым знаменитым призраком в Скайллианском Краю. Он прославился благодаря трем своим качествам: беспощадности, преданности Совету и умению добиваться результатов.

— Я взял за правило никогда не соваться в дела призраков, — заговорил Скарр, понизив тон до негромкого ворчания. — Ты знал об этом, когда меня нанимал. Ты надул меня, батарианин.

— Мои охранники пристрелят тебя, стоит только шелохнуться, — быстро предупредил его Эдан, ощутив скрытую угрозу. — Возможно, ты успеешь меня убить, но и сам не выберешься отсюда живым.

Большая голова крогана медленно повернулась из стороны в сторону. Он оглядел настороженных наемников и прикинул свои шансы. Рассудив, что в этой схватке ему не выиграть, Скарр отступил на шаг назад.

— Полагаю, мы оба увязли в этом деле, — пробурчал он. — Но тебе придется заплатить двойную цену.

Эдан от удивления заморгал. Такого поворота в переговорах он никак не ожидал.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться, — заметил он. — Работа не выполнена. Если говорить начистоту, это я могу потребовать возвращения уплаченной суммы. Или приказать своим людям тебя уничтожить.

Скарр громко и отрывисто рассмеялся:

— Ты прав. Сандерс жива. Возможно, она в этот самый момент разговаривает с Сэреном и рассказывает все, что ей известно. Как ты думаешь, много ли ему потребуется времени, чтобы выяснить, что за всем этим стоишь ты? А чтобы добраться до Камалы?

Батарианин предпочел не отвечать.

— Рано или поздно призрак тебя вычислит, — продолжал гнуть свою линию кроган. — А когда это случится, только я смогу помочь тебе остаться в живых.

Эдан сложил пальцы рук, образовав подобие пятиглавой башни, и некоторое время обдумывал сложившуюся ситуацию. Скарр прав, его помощь, как никогда, нужна сейчас Эдану. Но он не хотел признавать полное поражение.

— Ну хорошо, — наконец сказал он. — Я удвою твою плату. Но взамен ты должен будешь кое-что для меня сделать.

Скарр ничего не ответил и просто ждал, что еще предложит батарианин.

— Я никогда не бывал на Сидоне, — начал объяснять Эдан. — И Сандерс понятия не имеет о моем участии. А после уничтожения всей информации на базе меня с этим делом связывает только одна ниточка: поставщик доктора Кийяна здесь, на Камале.

— «Дах-тан продакшн», — после недолгого колебания сказал Скарр, быстро сложив отрывки имеющейся у него информации. Эдану оставалось только удивляться его сообразительности. — А Сандерс известно о поставщике?

— В этом я не могу быть уверен, — признался Эдан. — Но если она только назовет это предприятие, оно будет первым местом, куда направится призрак. Я не хочу рисковать.

— И чего же ты хочешь от меня?

— Я позвал тебя в этот мир, чтобы ты уничтожил «Дах-тан продакшн». Ликвидируй весь персонал, сожги все записи. Сравняй его с землей. Ничего не оставляй. Ничего.

— Ты позвал меня ради этого? — огрызнулся Скарр. — Ты с ума сошел? Люди Сэрена наверняка следят за мной. Возможно, он сам уже направляется сюда, чтобы меня отыскать. Стоит нам атаковать «Дах-тан продакшн», и он через час будет здесь. Лучше бы тебе прямо назвать ему поставщика!

— Он все равно может узнать о «Дах-тане» от Сандерс, — заметил Эдан. На этот раз он решил не отступать. Хватит терять лицо перед этим грубияном. — Ты можешь пробраться внутрь, выполнить свою работу и исчезнуть, прежде чем появится Сэрэн, — настаивал он. — К тому времени, когда он доберется до «Дах-тана», все улики будут уничтожены, а ты успеешь скрыться. Ему больше не за что будет зацепиться. Только тебе придется действовать быстро.

— Именно так легче всего допустить ошибку, — не сдавался кроган. — Мне не нравится небрежная работа. Пусть твои люди займутся этим без меня.

— Хватит рассуждать! — закричал Эдан, потеряв терпение. — Ты не выполнил порученную работу! Я вправе потребовать возмещения своих затрат!

Скарр недоверчиво покачал головой.

— Ты и сам понимаешь, что глупо было звать меня ради этого. Я думал, ты достаточно умен, чтобы не ставить гордость выше дела.

— Ты ошибался, — гораздо тише произнес Эдан, но в его голосе зазвенел лед.

Дело было не только в гордости. Социальное положение имело в батарианском обществе огромное значение. Эдан относился к высшим кругам, и, если он простит крогану эту неудачу, он тем самым признает их равенство... А этого Эдан допустить не мог.

Кроган снова долгим взглядом обвел круг наемников с нацеленными на него ружьями.

— «Дах-тан» хорошо охраняется, — сказал он. — Как мы сможем хотя бы попасть внутрь?

— Несколько сотрудников получают от меня дополнительное жалование, — не без некоторого самодовольства ответил Эдан.

Наконец-то он загнал крогана в угол. Теперь они будут договариваться на его условиях.

— Ты действительно думаешь, что эти недотепы смогут справиться с такой работой? — спросил Скарр в последней попытке отвертеться от неприятного дела.

— Смогли же они уничтожить на Сидоне солдат Альянса.

— Но все же провалили дело, — возразил Скарр.

— Вот поэтому я на этот раз посылаю с ними тебя, — с довольным видом ответил Эдан.

Андерсон предъявил свое удостоверение личности и приложил палец к портативному сканеру на пропускном пункте космопорта. Молодой парень, вытянувшийся в струнку еще при их приближении, на мгновение опустил взгляд, чтобы прочесть полученные сведения.

— Пожалуйста, сэр, — коротко кивнул он и вернул ему документ.

Лейтенант с трудом заставил себя дышать ровно, когда Кали предъявила охраннику фальшивое удостоверение и купленный сегодня утром оптический диск с поддельными приказами, а потом прижала большой палец к считывающему устройству.

Человек, снабдивший их всем этим, пришел в дом Гриссома всего через десять минут после звонка адмирала. Он был очень молод — не старше двадцати лет, на взгляд Андерсона. У парня были длинные темные и сальные волосы, и пришел он в поношенной и мятой гражданской одежде. Его лицо покрывал темный пушок, который он пытался выдать за бородку, кроме того, казалось, что молодой человек уже неделю не принимал душ. Адмирал не представил своего гостя и не сообщил, как он с ним познакомился.

— Он профессионал, — поведал он Андерсону. — Работает очень быстро и ни за что вас не выдаст.

В первый момент парень с удивлением посмотрел на выбитые окна, разломанную мебель и обуглившееся углубление в земле, куда угодил предназначенный крогану заряд. Но не задал ни одного вопроса. По крайней мере, на эту тему.

— Что вам нужно? — только и спросил он, поставив на кухонный стол ничем не примечательный чемоданчик.

— Что-нибудь, с чем можно беспрепятственно пройти в посадочную зону космопорта, — ответил Гриссом. — Плюс кое-какая маскировка и удостоверение личности для Кали. Им надо улететь уже сегодня.

— Я беру за срочность дополнительную плату, — предупредил его парень.

Гриссом кивнул:

— Я переведу деньги на твой счет, как обычно.

Молодой человек открыл крышку чемоданчика.

Внутри оказался странный набор самых разнообразных инструментов, приспособлений и других необычных предметов, о назначении которых Андерсон даже не догадывался. С помощью этих принадлежностей парень уже через полчаса изготовил оптический диск с приказами о командировках. Еще через двадцать минут он перекодировал удостоверение личности Кали на другое имя и звание — капрал Сюзанна Уэзерс.

— Это не пройдет, — предостерег его Андерсон. — В базе службы безопасности нет записей о капрале Сюзанне Уэзерс.

— Они там появятся через двадцать минут после того, как я отсюда выйду, — с хвастливой усмешкой заверил его парень. — Я впишу капрала Уэзерс в базу данных и переадресую ей данные с файла Кали. Когда они отсканируют отпечатки пальцев, на мониторе появится Уэзерс, а не Сандерс.

— У тебя есть доступ к базе данных Альянса? — изумился Андерсон.

— Только к той части, что задействована в порту. Не стоит предъявлять это

удостоверение где-нибудь, кроме Элизиума.

— Я и не предполагал, что можно проникнуть в систему безопасности Альянса, — протянул Андерсон, надеясь выудить еще какую-нибудь информацию.

— Вы уверены, что я могу доверять этому парню? — спросил молодой человек у Гриссома.

«Забавно, — подумал Андерсон. — А я хотел задать тот же самый вопрос о тебе».

— Только сегодня, — сказал Гриссом. — Если ты увидишь его в другой раз, тебе лучше развернуться и обойти его стороной.

— В Альянсе солидная система охраны, — беззаботно произнес молодой человек, не переставая работать. — Проникнуть в нее довольно трудно, но все же возможно.

— А как насчет чистки? — спросила Кали. Заметив недоумевающий взгляд Андерсона, она объяснила: — Каждые десять часов служба Альянса проводит полную ревизию базы данных, чтобы отследить и проверить всю новую информацию, появившуюся за этот промежуток времени. Эта мера позволяет выявить поддельные сведения и проследить их до самого источника.

— Перед тем как загрузить твои данные, я завел небольшой алгоритм обратного действия, — ответил парень самоуверенно. — Это мое собственное изобретение. К тому времени, когда служба безопасности приступит к чистке, твои прежние данные вернутся на свои места, а все, что касается капрала Уэзерс и этих фальшивых приказов, исчезнет. Нельзя проследить то, чего нет.

Кали одобрительно кивнула, а парень хвастливо усмехнулся и подмигнул ей, отчего у Андерсона импульсивно сжались кулаки. Это не было проявлением ревности. Вернее, не совсем. Теперь он отвечал за жизнь Кали, и стремление защитить ее было вполне естественным. Но про себя он решил вести себя осторожнее, чтобы не обнаруживать излишних эмоций.

К счастью, никто ничего не заметил: все внимание было обращено на парня и его работу.

— Да, у них может быть описание твоей внешности, — предупредил он Кали. — Надо слегка изменить твой облик, просто на всякий случай.

Пользуясь возможностями компьютера, парень немного изменил фотографию Кали на ее удостоверении личности; волосы стали короче и темнее, и цвет глаз тоже изменился. Он сразу протянул ей несколько пилюль для изменения пигментации. А затем при помощи контактных линз, краски для волос и ножниц привел облик Кали в соответствие с фотографией. Андерсону показалось, что он слишком долго и с удовольствием втирает краску в ее волосы и слишком тщательно расчесывает локоны перед стрижкой.

К тому времени, когда парень закончил колдовать над волосами Кали, ее кожа стала почти такой же темной, как и у Андерсона. Парень встал перед Кали и поднес удостоверение к ее лицу, сравнивая фото и оригинал.

— Неплохо, — одобрительно кивнул он, хотя неизвестно, к чему относилась его похвала: к выполненной работе или внешности Кали. — К завтрашнему утру твоя кожа начнет светлеть, — сказал он и протянул доработанное удостоверение личности армии Альянса. — Так что будь осторожна. Не стоит показывать эти документы где-нибудь еще.

— Это не важно, — ответила она, пожав плечами. — К тому времени в системной базе не останется и следов от капрала Уэзерс, не так ли?

Он ничего не ответил, но снова подмигнул и немного придержал в пальцах документ, касаясь ее руки. Андерсону стоило немалого труда, чтобы удержаться и не ударить этого наглеца по лицу.

«Она тебе не жена, — мысленно сказал он себе. — Помощь ей не перечеркнет восьмилетнее пренебрежение Синтией».

Однако, когда все было закончено и сказано, лейтенант не мог не признать, что парень потрудился на славу. Он прослушал полный курс на предмет поддельных документов, но даже сейчас, зная о мошенничестве, не мог найти ни одного отличия от подлинного

удостоверения.

И вот настало время настоящего испытания: служба безопасности космопорта снимала отпечатки пальцев Кали.

— Проходите, капрал Уэзерс, — сказал охранник и после быстрого взгляда на экран протянул ей фальшивые документы. — Вам нужен тридцать второй отсек, до конца коридора и вниз.

— Спасибо, — с улыбкой ответила Кали. Охранник кивнул, четко отсалютовал Андерсону, а потом уселся на свое место и снова занялся просмотром каких-то документов.

— Взгляни, не смотрит ли он нам вслед, — прошептал Андерсон, едва они отошли достаточно далеко, чтобы охранник не услышал.

Они продолжали идти в указанном направлении к тридцать второму отсеку, но не он был их главной целью. Кали осторожно оглянулась через плечо. Если бы охранник это заметил, он мог решить, что молодой капрал нашла его достаточно привлекательным, чтобы взглянуть еще раз. Но его внимание было полностью сосредоточено на рабочем экране, а пальцы что-то быстро набирали на клавиатуре.

— Все чисто, — доложила Кали.

— Тогда нам сюда, — скомандовал лейтенант и, потянув за собой Кали, резко свернул в семнадцатый отсек.

В отсеке стояло старое грузовое судно, погрузочный кран и несколько тяжелых корабельных контейнеров. С первого взгляда могло показаться, что в отсеке никого нет, но вскоре из-за корпуса появился крупный мужчина.

— Были какие-то проблемы с охраной? — спросил он.

Кали отрицательно качнула головой.

— Вам известно, зачем мы сюда пришли? — поинтересовался Андерсон, даже не пытаясь узнать имя человека, которое, вероятно, никогда и не узнает.

— Гриссом ввел меня в курс дела.

— А откуда вы знаете моего отца? — любопытствовала Кали.

Пару секунд он равнодушно разглядывал ее, а потом сказал:

— Если бы он хотел, вероятно, сам рассказал бы тебе об этом. — Мужчина повернулся и добавил: — Наш вылет по расписанию через два часа. Идите за мной.

Почти все внутреннее пространство корабля занимал груз, и им едва нашлось место где присесть, но Андерсон и Кали постарались устроиться поудобнее.

Как только они опустились на пол, мужчина закрыл дверь, и спутники оказались в полной темноте.

Кали сидела прямо напротив Андерсона, но без света он не мог видеть даже ее силуэт. Хотя ощущал прижавшуюся к нему ногу — из-за недостатка места отодвинуться не представлялось возможным. Близость Кали тревожила его — Андерсон не прикасался к женщине с тех пор, как разъехался с Синтией.

— Скорее бы закончились ближайшие шесть часов, — произнес он, стараясь разговором прогнать смущение.

Несмотря на то что Андерсон говорил очень тихо, в темноте его голос звучал неестественно гулко.

— Меня больше беспокоят наши действия после прибытия на Камалу, — донесся из темноты бесплотный голос Кали. — «Дах-тан» вряд ли согласится предоставить нам свои архивы.

— Я как раз над этим работаю, — признался Андерсон. — Надеюсь, к концу полета сложится определенный план действий.

— Да, времени на размышления достаточно, — согласилась Кали. — Здесь даже нет места, чтобы вытянуться и поспать.

Через несколько минут она снова заговорила, неожиданно сменив тему:

— Перед смертью моя мать взяла с меня слово, что я никогда не стану разговаривать с отцом.

Неожиданное признание застало Андерсона врасплох, но он быстро опомнился.

— Я думаю, она бы поняла.

— А ты, вероятно, испытал настоящий шок, — продолжала Кали. — Увидеть самого знаменитого героя Альянса в таком состоянии...

— Я был несколько удивлен, — согласился Андерсон. — Во время моей учебы в академии твой отец изображался воплощением лучших качеств: смелости, решимости, самопожертвования и чести. Странно, что он знаком с людьми, которые способны вот так вывезти нас с планеты.

— Ты разочарован? — спросила Кали. — Джон Гриссом не должен водить знакомство с мошенниками и контрабандистами?

— В такой ситуации мое «да» прозвучало бы в высшей степени лицемерно, — пошутил лейтенант, но Кали не засмеялась. — Когда так часто слышишь о ком-нибудь, начинает казаться, что ты все о нем знаешь, — заговорил он более серьезным тоном. — Так легко подменить реального человека его репутацией. Только при личной встрече выясняется, что ты ничего о нем не знал.

— Да, — задумчиво протянула Кали.

А потом они долго-долго молчали.

ГЛАВА 14

Джелла уже четыре года проработала в отделе кадров и бухгалтерии «Дах-тан продакшн». Она была хорошей работницей — организованной, старательной и аккуратной — и обладала всеми качествами, необходимыми для этой должности. В ее ежегодных аттестациях всегда появлялась оценка «выше среднего уровня» или «отлично». И все же, согласно официальному статусу компании, она была «вспомогательным персоналом». Она не считалась необходимой для производства. На самом вершине иерархической пирамиды стояли разработчики оборудования — их новые идеи привлекали покупателей. А те, кто работал в заводских цехах, создавали конечный продукт. На долю Джеллы оставалось подвести баланс между объемами продаж и уровнем выпуска продукции.

Для руководства компании она была второстепенной служащей, и это отражалось на ее зарплате. Джелла работала так же напряженно, как и любой другой из сотрудников, но получала гораздо меньше, чем дизайнеры или рабочие. Это казалось ей несправедливым, и потому она не чувствовала никаких угрызений совести, обкрадывая компанию.

Нет, она не продавала важные секреты корпорации. Она никогда не делала ничего такого, что могло бы привлечь внимание. Джелла лишь отщипывала крохи от полновесного корпоративного пирога. Время от времени она чуть-чуть изменяла накладные или манипулировала с отчетами поставщиков. Временами устраивала так, чтобы на ночь на складе оставались кое-какие неучтенные и незарегистрированные предметы оборудования. На следующее утро они таинственным образом пропадали; об остальном заботился кто-то из рабочих склада.

Джелла не имела представления, кто забирал оставленное оборудование. Все происходило всегда по одной и той же схеме. Раз или два в месяц ей в офис звонил неизвестный, она выполняла то, что от нее требовалось, и через несколько дней на личный счет приходило вознаграждение.

И сегодня все было как всегда. По крайней мере, она пыталась себя в этом убедить. Джелла вышла в холл, стараясь сохранить беспечное выражение лица и надеясь, что ее никто не заметит. Но в сегодняшней заявке все же было нечто необычное. Ей приказали вывести из строя одну из камер наблюдения и открыть электронный замок запасного выхода. Кто-то намеревался тайком пробраться на территорию завода. И выбрал для этого самую середину дня.

Глупо было так рисковать. Даже если они попадут внутрь, их сейчас же кто-нибудь заметит — патрули охраны постоянно контролировали всю территорию «Дах-тана». А если

нарушителей поймают, они могут указать на Джеллу как на свою сообщницу. Но предложение оказалось слишком соблазнительным, чтобы от него отказаться, — второе против обычной оплаты. В конце концов алчность перевесила здравый смысл.

Джелла остановилась перед запасным выходом, прямо под камерой, нацеленной на дверь. Быстро убедившись, что за ней никто не наблюдает, она вытащила отвертку, взятую из сумки для инструментов в подсобке, и поддела блок питания камеры.

Посыпались ослепительные искры. От удара током Джелла испуганно вскрикнула и выронила отвертку из задрожавших пальцев. Потом торопливо подобрала инструмент с ковра и огляделась по сторонам, не заметил ли кто ее незаконные манипуляции. Холл был по-прежнему пуст.

Над задней частью камеры поднималась тонкая струйка белесого дыма. Лампочка дежурного режима погасла. Если кто-то на центральном пульте охраны посмотрит в монитор, станет понятно, что камера сломана. Но в течение дня охранники почти не смотрели на экраны. Зачем, ведь весь периметр охраняется патрулями, а в кабинетах и цехах полно сотрудников. Только дураку может прийти в голову проникнуть на производство в рабочее время.

Даже если неисправность кто-нибудь заметит, это всего лишь одна из сотен камер, установленных во всех зданиях. Каждую неделю какая-нибудь из них выходит из строя. Самое большее, на что они способны, так это дать заявку на ремонт перед окончанием смены. Джелла удовлетворенно вздохнула и направилась к запасному выходу.

Она быстро набрала код, отключающий сигнализацию и открывающий электронный замок. Своим личным кодом она, конечно же, не воспользовалась. Одним из преимуществ ее положения был доступ к личным делам сотрудников, и Джелла знала коды доброй половины всех своих сослуживцев.

Красный свет на двери сменился зеленым, и работа Джеллы закончилась. Ей оставалось только вернуться на рабочее место и продолжать свои дела, как будто ничего не произошло.

Но за рабочим столом неприятное чувство, сопутствующее сегодняшнему заданию, настолько обострилось, что вызвало тошноту. Минут через двадцать Шенья, женщина, делившая с ней кабинет, заметила неладное.

— Джелла, что с тобой? Ты сильно покраснела.

При звуке ее голоса у Джеллы желудок поднялся к самому горлу.

— Я... я не очень хорошо себя чувствую, — ответила она, надеясь, что не выглядит виноватой. — Мне надо выйти...

С этими словами она выскочила из-за стола и ринулась в туалетную комнату, едва сдерживая рвоту.

Через десять минут, когда Джелла все еще оставалась там, началась стрельба.

Задание было простым и незатейливым, но Скарру оно по-прежнему не нравилось. Им потребовался целый день, чтобы собрать все необходимое для нападения: взрывчатку, команду из трех десятков наемников, включая и самого крогана, и три вездехода для их перевозки.

В целях корпоративной безопасности и конфиденциальности покупателей «Дах-тан продакшн» занимал территорию в тридцать акров довольно далеко за пределами Хейтра. Каждый километр пути действовал Скарру на нервы и уменьшал отведенное на выполнение работы время. Кто-то наверняка заметил их в космопорту и доложил Сэрэну. Возможно, призрак уже на пути к Камале... и приближается с каждой секундой.

Завод располагался в одном здании, включающем в себя склад, производство и офисы. Вся территория была обнесена колючей проволокой со множеством табличек, которые на всех диалектах Камалы гласили: «Частная собственность» и «Вход воспрещен».

Но это не задержало Скарра и наемников. Вездеходы просто проехали сквозь заграждение, подмяв проволоку, и продолжали путь к зданию, одиноко стоявшему на горизонте. Через полкилометра они покинули вездеходы и оставшуюся часть пути по

пустынной местности прошли пешком. Чтобы не выдать своего присутствия раньше времени, они приблизились с противоположной стороны от погрузочных отсеков склада и к зданию подошли без каких бы то ни было происшествий.

Скарр с облегчением обнаружил открытой дверь запасного выхода — агент Эдана не подвел. Но возможность появления Сэрена все еще заставляла их торопиться с выполнением задания.

Корпоративная параноя такой же составной частью входила в батарианскую культуры, как и ее кастовая система, и «Дах-тан» в этом отношении не был исключением из общего правила. Из-за нежелания доверять кому бы то ни было важную информацию все архивы и записи хранились в одном месте. Уничтожение производственного комплекса означало бы и ликвидацию всех следов, способных привести к Эдану.

В каждом из трех вездеходов приехали три десятка наемников. Восемь солдат со снайперскими винтовками Скарр оставил снаружи прикрывать выходы — по двое с каждой стороны здания. Остальную группу он разделил на семь звеньев для работы внутри.

— Заряды взорвутся через пятнадцать минут, — напомнил он наемникам.

Солдаты по трое рассредоточились по разным переходам и отправились вглубь комплекса. Перед ними стояла цель заложить взрывчатку в стратегически важных точках, чтобы все здание в одно мгновение превратилось в груду обломков. По пути им предстояло ликвидировать патрули и перебить всех попавшихся сотрудников. Любой, кто попытался бы выбежать наружу, попадал под прицельный огонь снайперов, а те, кто останется внутри, будут уничтожены взрывом.

После того как были расставлены снайперы и группы наемников углубились в здание, Скарр, оставшись один, приступил к выполнению особого задания. Эдан сообщил ему имя, описал внешность и расположение офиса, где находился его тайный агент. Маловероятно, чтобы та молодая женщина знала, на кого она работает, но батарианин хотел быть уверенным, что не останется никаких следов.

Кроган быстро миновал холл и направился к офисам администрации. Издалека послышался грохот стрельбы и испуганные вопли батариан — резня началась.

Через несколько мгновений взвыла сигнализация. Свернув за угол, Скарр едва не столкнулся с двумя охранниками, спешившими на вызов. При виде крогана в полном боевом облачении, идущего из холла, два батарианина всего на долю секунды остановились в нерешительности. Скарр не упустил своего шанса. Первого охранника он сбил с ног ударом приклада в лицо, и тот рухнул на пол. Одновременно кроган резко качнулся в сторону второго охранника и без труда опрокинул менее массивного противника. Батарианин едва успел коснуться пола, как Скарр опустил дуло оружия к самому его подбородку и нажал курок. Выстрел обезглавил охранника.

Первый охранник уже успел подняться на ноги, но едва держался, оглушенный ударом, и изо рта у него текла кровь. Батарианин выстрелил не прицелившись, и пули только прочертили линию на стене, где Скарр упал на пол рядом с телом его товарища. Скарр ответной очередью раздробил колени и лодыжки батарианина.

Тот с криком рухнул на месте, выронил оружие и схватился за изувеченные ноги. Следующим выстрелом Скарр прикончил его в тот самый момент, когда несчастный коснулся пола.

Наемный убийца вскочил на ноги и затопал по коридору к указанному Эданом кабинету. Дверь оказалась запертой, но один удар ногой мгновенно сорвал ее с петель. Молодая батарианка скорчилась на полу, лишь наполовину прикрытая письменным столом. При виде забрызганного кровью крогана она истошно завизжала.

— Прощай, Джелла! — крикнул Скарр.

— Нет! Постой! Я не...

Остальные слова заглушил грохот выстрелов, и шквал пуль отбросил женщину к соседней стене, где она и осталась лежать.

Скарр быстро взглянул на часы. До детонации взрывчатки оставалось еще семь минут.

Ему хотелось провести оставшееся время в поисках очередных жертв, но кроган понимал, что это не лучший вариант. Слишком легко поддаться жажде крови, заложенной в нем далекими предками. Если дать волю ярости, в мимолетных стычках можно утратить чувство времени, а Скарр не хотел оставаться в здании, когда прогремит взрыв.

Он быстро пошел к выходу, стараясь не обращать внимания на соблазнительные вопли боли и ужаса, доносившиеся из каждого коридора.

Джелла изо всех сил зажимала уши, чтобы не слышать стаккато стрельбы и пронзительные крики своих сослуживцев. Она спряталась в вентиляционном канале туалетной комнаты — довольно узкой трубе, куда она с трудом протиснулась. В голове вставали картины разыгравшейся снаружи бойни, и Джелла ни за что не хотела покидать убежище.

Время тянулось мучительно медленно; шум нападения, казалось, не утихал уже много часов, хотя в реальности прошло лишь несколько минут. За дверью туалетной комнаты слышались голоса, и Джелла постаралась еще глубже забиться в вентиляционную шахту.

Внезапно дверь распахнулась, и двое батариан, едва появившись на пороге, открыли пальбу из автоматов. Выстрелы изрешетили всю комнату, разорвали в клочья тонкие металлические перегородки, раскололи керамические унитазы и раковины, пробили несколько водопроводных труб.

К счастью, убежище Джеллы располагалось на самом верху, над одной из кабинок. В самом начале атаки она взобралась на унитаз, сумела вскарабкаться на разделительную стенку и отодвинула решетку вентиляционного канала. Сначала она засунула в металлический короб ноги, потом заползла полностью и закрыла за собой решетку.

С этого наблюдательного пункта она могла отлично видеть все, что происходило в комнате, но Джелла плотно зажмурила глаза и закрыла ладонями уши, чтобы не слышать грозный грохот оружия. Только когда стрельба утихла, она осмелилась приоткрыть глаза.

Двое солдат осматривали комнату, шумно шлепая по вытекшей из труб воде, превратившей пол в небольшое озеро.

— Здесь никого, — сказал один из них, пожав плечами.

— А жаль, — заметил второй. — Я надеялся, что мы найдем какую-нибудь молодую женщину и возьмем с собой, чтобы поразвлечься.

— Забудь об этом, — возразил его напарник. — Этот кроган не допустит никаких вольностей.

— Нам платит деньги Эдан, а не он, — огрызнулся наемник.

Джелла мгновенно поняла, о ком идет речь: Эдан Хад-дах был одним из самых богатых, влиятельных и известных граждан Камалы.

— Хотел бы я посмотреть, как ты скажешь ему это в лицо, — засмеялся первый наемник. Затем он наклонился и прикрепил что-то к стене. — Пошли. Надо выбраться отсюда за две минуты.

Наемники выбежали из комнаты, и топот их ног быстро затих в коридоре. Джелла немного высунулась из своего укрытия, пытаясь рассмотреть, что они оставили на стене. Предмет был похож на коробку для завтраков, но из него в разные стороны торчали какие-то проводки. Даже не имея никакого военного образования и опыта, Джелла поняла, что на стене висит бомба.

Она ненадолго задержалась, прислушиваясь, не раздастся ли снова стрельба. Но все затихло, и только таймер на стене тихонько попискивал, отсчитывая секунды. Джелла отдернула задвижку и спрыгнула на пол. Выскочив из туалетной комнаты, она припустила по коридору к тому самому запасному выходу, который открыла сегодня утром, непреднамеренно подготовив ужасную резню.

Но она не могла об этом даже подумать. Джелла старалась не смотреть на тела своих сослуживцев. Едва подбежав к выходу, она распахнула дверь. И тотчас наткнулась на двух работников склада, убитых точными выстрелами между глаз.

Джелла помедлила, ожидая той же участи. Но тот, кто убил ее коллег, вероятно, уже ушел, не дожидаясь взрыва. Едва ошеломленная женщина поняла, что все еще жива, она опустила голову и стремглав бросилась прочь. Она успела сделать с полдюжины шагов, как вдруг весь мир вспыхнул пламенем, тело пронзила непереносимая боль, а затем все погрузилось во мрак.

К тому времени, когда Сэрэн добрался до «Дах-тан продакшн», весь комплекс обратился в руины. Спасательная команда сбила пламя, но от здания остался лишь почерневший каркас. Два верхних этажа провалились внутрь и заполнили пространство обгоревшим мусором. Спасатели бродили по развалинам и рылись в обломках. Даже издали было видно, что они не надеются отыскать выживших, а просто собирают останки.

Чуть поодаль стояли репортеры, снимавшие место происшествия. Они пытались не мешать спасательным командам, но в то же время жаждали получить как можно более подробные снимки для выпусков новостей.

Сэрэн остановил свой вездеход рядом с репортерами, вышел из машины и направился к руинам.

— Эй! — окликнул его один из спасателей и побежал наперерез, намереваясь остановить. — Сюда нельзя. Запретная зона.

Сэрэн, едва взглянув на него, протянул свое удостоверение личности.

— Простите, сэр. — Спасатель резко остановился и уважительно склонил голову. — Я не знал, что вы призрак.

— Кто-нибудь выжил? — спросил Сэрэн.

— Только одна молодая женщина, — сообщил спасатель. — Во время взрыва она оказалась снаружи. У нее оторваны ноги и на девяносто процентов обожжена кожа. Ее уже отправили в госпиталь. Просто удивительно, что она осталась в живых, но я сомневаюсь, что она поправится...

— Собирайте свою команду и уезжайте, — прервал его Сэрэн.

— Что? Это невозможно! Мы еще не закончили поиски оставшихся в живых.

— Здесь больше никто не выжил. Ваша работа завершена.

— А как же тела погибших? Мы не можем просто так их оставить.

— Тела никуда не денутся до завтрашнего утра. Это приказ. И заберите с собой этих чертовых репортеров.

Батарианин недолго колебался, он снова склонил голову и поспешил вернуться к своим товарищам. Через пять минут вездеходы спасателей и машины репортеров уехали, оставив Сэрэна в одиночестве разыскивать улики в горах обломков.

— О боже! — воскликнула Кали, когда их вездеход поднялся на небольшой холм, откуда открывался вид на «Дах-тан продакшн». — Все разрушено!

Почти стемнело, но оранжевое солнце Камалы давало еще достаточно света, чтобы оценить масштаб разрушений.

— Похоже, кто-то добрался сюда первым, — угрюмо заметил Андерсон.

— А где же спасатели? — удивилась Кали. — Им уже должно быть об этом известно!

— Не знаю, — пожал плечами Андерсон и остановил вездеход. — Что-то неладно. Жди меня здесь.

Он выпрыгнул из машины, вытащил из кобуры пистолет и побежал к развалинам производственного комплекса. Андерсон был приблизительно метрах в двадцати от цели, когда в землю у его ног ударила пуля.

Андерсон замер. Он находился на открытом со всех сторон пространстве, и, если бы стрелок хотел его убить, это не составило бы ему никакого труда. Выстрел явно был предупредительным.

— Брось оружие и иди вперед! — раздался откуда-то из-за обломков громкий голос.

Андерсон выполнил приказ и продолжил путь без оружия.

В следующее мгновение из-за груды обломков возникла знакомая фигура турианина; его винтовка была нацелена точно в грудь Андерсона.

— Что ты здесь делаешь? — спросил призрак.

— То же самое, что и ты, — ответил Андерсон, стараясь придать голосу уверенность, которой он сам не чувствовал. — Пытаюсь выяснить, кто стоял за нападением на Сидон.

Сэрэн неприязненно хмыкнул, но опустил оружие.

— Ты солгал мне, человек.

Слово «человек» в его устах прозвучало неприкрытым оскорблением.

Андерсон ничего не ответил. Призрак вышел на «Дах-тан продакшн»; он достаточно сообразителен, чтобы свести концы с концами.

— Исследования искусственного интеллекта нарушают условия конвенции Цитадели, — продолжал Сэрэн, не дождавшись ответа. — Я обязательно доложу об этом в Совете.

Но Андерсон снова промолчал. Он подозревал, что Сэрэн все еще ищет недостающую информацию. Что бы он ни хотел выяснить, лейтенант не намеревался даже нечаянно подсказывать ему ответы на вопросы.

— Так кто стоит за атакой на Сидон? — спросил Сэрэн.

В голосе турианина зазвучала явная угроза; он поднял винтовку и вновь прицелился в грудь Андерсона.

— Я не знаю, — признался Андерсон, но не двинулся с места.

Сэрэн еще раз выстрелил в землю у самых его ног. Андерсон вздрогнул, но не попятился.

— Я же сказал, что не знаю! — закричал он, поддавшись кипевшему в душе гневу.

Он был почти уверен, что Сэрэн собирается его убить, но не собирался молить о пощаде. Он не позволит этому турианскому мерзавцу себя унижать!

— Где Сандерс? — рявкнул Сэрэн.

— Где-то в безопасном месте, — бросил в ответ Андерсон.

Он был полон решимости не позволить такому чудовищу и близко подойти к Кали.

— Она обманывает тебя, — заявил ему Сэрэн. — Она знает об этом деле гораздо больше, чем тебе рассказала. Советую расспросить ее еще раз.

— Я занимаюсь своим расследованием, а ты займись своим.

— Вероятно, стоило бы заняться ее поисками, — полным угрозы голосом протянул Сэрэн. — И уж если я найду ее, то заставлю раскрыть все секреты.

Андерсон ощутил, как напряглись его мускулы, но решил больше ни слова не говорить о Кали. Турианин, поняв, что человек не поддался на его уловку, снова переменял тему.

— Как ты сюда попал?

— Мне надоело отвечать на вопросы, — спокойно произнес Андерсон. — Если собираешься меня убить, убивай, и покончим с этим.

Турианин медленно обвел взглядом местность, осматривая горизонт в последних лучах уходящего солнца. Похоже, он принял какое-то решение, поскольку опустил оружие.

— Я призрак, агент Совета, — заговорил он, и оттенок горделивости добавил мощи его голосу. — Я служу правосудию и поклялся защищать и оберегать Галактику. Твое убийство не служит этой цели, человек.

И снова в его устах это слово прозвучало как оскорбление.

Сэрэн повернулся и зашагал прочь, направляясь к небольшому вездеходу, едва видневшемуся вдали.

— Можешь идти и рыться в мусоре, если тебе станет от этого легче, — бросил он, обернувшись через плечо. — Там все равно ничего не осталось.

Андерсон не двинулся с места, пока Сэрэн не забрался в свою машину и не уехал. Только когда вездеход скрылся из виду, он повернулся и подобрал с земли свой пистолет. Почти стемнело; рыться в обломках в поисках улик уже не имело смысла. Кроме того, турианин наверняка не солгал, говоря, что в руинах «Дах-тана» ничего не осталось.

В сгущавшихся сумерках приходилось двигаться осторожно, и до своей машины он добрался лишь спустя несколько минут.

— Что произошло? — спросила Кали, как только он оказался внутри. — Мне послышалось, или ты с кем-то разговаривал?

— С Сэреном, — сказал он. — С турианским призраком.

— Что он здесь делает?

Даже одно упоминание этого имени, напомнившее об их последней встрече, встревожило Кали.

— Ищет улики, — ответил Андерсон.

— Что он тебе сказал? Чего он хотел?

Он хотел было солгать, чтобы не расстраивать девушку, но Кали и сама была частью происходящего. Она заслуживала правды. Или хотя бы ее большей части.

— Мне кажется, он всерьез собирался меня убить.

Кали испуганно охнула.

— Но я не уверен, — быстро добавил Андерсон. — Возможно, мне это только показалось. Трудно определить настроение туриан по их лицам.

— Ты не уверен? Не говори чепухи! — возразила она. — Расскажи, что там произошло.

— Он пришел в поисках информации, — сказал Андерсон. — И он уже знает, что мы солгали насчет темы сидонских исследований.

— На «Дах-тане» не производят биотические имплантаты, — кивнула Кали.

— Я ничего ему не сказал. А когда он понял, что я не намерен помогать в расследовании, его взгляд стал таким тяжелым, что я решил, будто он собирается меня убить.

— Но не убил.

Ее слова прозвучали не столько утверждением, сколько вопросом.

— Он медленно осмотрелся по сторонам, как будто пытался определить, есть ли поблизости кто-то еще. А потом просто повернулся и ушел.

— Он хотел убедиться, что ты пришел один! — воскликнула Кали, сделав тот же вывод, к которому Андерсон пришел чуть раньше. — Он не мог убить тебя при свидетелях!

Андерсон кивнул.

— Призраки облечены официально подтвержденным правом делать все, что им вздумается. Но Совет не одобряет беспричинных убийств. Если бы он убил меня и кто-то доложил об этом Совету, им пришлось бы вмешаться.

— Ты действительно думаешь, что Совет предпримет какие-то действия в случае убийства человека?

— Человечество обладает куда большим политическим весом, чем решаются признать эти чужаки, — пояснил Андерсон. — У нас уже достаточно кораблей и солдат, и любая раса дважды подумает, прежде чем встать на нашем пути. Совету важно сохранять с нами хорошие отношения. Если появится известие о том, что призрак, не предъявив обвинения, убил офицера Альянса, им придется что-то предпринять.

— И что будет теперь?

— Мы возвращаемся в город. С ближайшим пакетом мне надо передать сообщение послу Гойль.

— Зачем? — резко спросила Кали. — Какое сообщение?

Отчетливое беспокойство в ее голосе напомнило Андерсону, что Кали все еще вынуждена скрываться от правосудия Альянса.

— Сэреноу известно о противозаконных разработках искусственного интеллекта. Он намерен сообщить об этом Совету, а я хочу предупредить посла, чтобы она была готова к политическим последствиям.

— Да, конечно. — Облегчение в голосе Кали смешалось с легким смущением. — Извини. Я подумала...

— Я делаю все, чтобы тебе помочь, — сказал Андерсон, хотя и попытался скрыть, как

сильно его задело ее беспокойство. — Но ты должна мне доверять.

Кали протянула руку и положила поверх его ладони.

— Я не привыкла, чтобы обо мне кто-то заботился, — извиняющимся тоном произнесла она. — Мама всегда была занята на работе, а отец... Ты и сам знаешь. Полагаться только на свои силы вошло у меня в привычку. Но я понимаю, как ты рискуешь, помогая мне. Своей карьерой. Возможно, и жизнью. Я благодарна тебе. И я верю тебе... Дэвид.

Никто не называл его Дэвидом. Никто, кроме матери и жены. Бывшей жены. Андерсон едва не рассказал Кали о намерении Сэрена сосредоточить свое расследование на ее поисках, но в последний момент прикусил язык.

Его тянуло к Кали, и в душе Андерсон это уже признал. Но ему приходилось напоминать себе, через что ей пришлось пройти. Она была очень уязвимой, одинокой и напуганной. Сказать об угрозах Сэрена — значило бы только усилить эти чувства. И хотя это, вероятно, помогло бы Кали принять его в качестве защитника и стать ближе, Андерсон не мог воспользоваться ситуацией.

— Пора ехать, — сказал он, мягко освободил свою руку и развернул вездеход в сторону слабого зарева городских огней, видневшегося на горизонте.

ГЛАВА 15

Сэрэн стоял у больничной койки и смотрел на молодую батарианку, боровшуюся за жизнь... Правда, в таком состоянии трудно было даже определить ее принадлежность к какой-то расе. Ее выдавали только четыре отверстия для глаз — единственные не забинтованные части тела. Повязки покрывали всю фигуру от головы до колен, обе ноги ампутированы. Жизнь больной поддерживали десятки трубок и проводов, тянувшихся от ее тела к различным узлам медицинского оборудования: следили за показателями жизнедеятельности, перекачивали жидкости, впрыскивали постоянные дозы лекарств, антибиотиков и медигеля, даже заставляли ее дышать.

Батариане достигли небывалых высот в искусстве врачевания, и их лечебные учреждения во всем пространстве Цитадели считались одними из лучших. У постели такой тяжелой больной обычно круглые сутки дежурил квалифицированный персонал, но в данный момент они остались в палате вдвоем. Как только врач и сестры доложили Сэрэну о ее состоянии, он приказал им выйти и запер дверь.

— Вы не можете этого делать! — протестовал дежурный доктор. — Женщина слишком слаба. Она этого не вынесет!

Но нарушить прямой приказ призрака ни у него, ни у остальных медиков не хватило силы воли и желания.

Обычно батариане были довольно крепкими существами, но с такими травмами, как у этой пациентки, вряд ли выжил бы даже кроган. Наиболее заметным повреждением казались ампутированные конечности, однако Сэрэн знал, что еще ужаснее полученные женщиной ожоги. Под бинтами почти не осталось кожи, лишь почерневшая плоть и обожженные связки. В биолaborатории уже приступили к выращиванию кожного покрова из генетического материала женщины, но этот процесс займет не меньше недели.

Взрыв, должно быть, повредил и ее внутренние органы — мощный поток раскаленного воздуха и ядовитых газов прорвался в ее горло и разрушил все ткани. Только тихонько попискивающие машины поддерживали жизнь, заменяя уничтоженные системы тела, пока не вырастут клонированные органы. Но, как и при выращивании кожи, должно пройти много дней, пока новые части организма будут готовы к использованию.

Даже при постоянной поддержке медицинских машин больной угрожали смертоносные инфекции и сердечная недостаточность. И если она и переживет следующую неделю, ослабленный организм может не выдержать бесконечных операций, необходимых для восстановления тела.

Сейчас батарианка мирно спала: врачи погрузили ее в лекарственную кому, чтобы вся

оставшаяся энергия была направлена на исцеление. В случае успешного лечения и некоторого улучшения общего состояния батарианка самостоятельно вышла бы из коматозного состояния через три или четыре дня.

Тем не менее тот факт, что врачи предпочитали ждать, восстановится ли ее сознание, и не приступали к работе над протезами конечностей, красноречиво свидетельствовал о ее состоянии. При всех чудесах медицинской науки органическая жизнь все еще оставалась слишком хрупкой и уязвимой, чтобы можно было надеяться на выздоровление этой женщины.

Но Сэрена не интересовало, выживет она или нет. Она была свидетельницей — единственной живой свидетельницей. Личность женщины установили благодаря данным генетического банка служащих компании — батарианка занимала незначительную должность в отделе бухгалтерии. И Сэрэн хотел задать ей только один вопрос.

Он взял шприц, неохотно предоставленный доктором по его приказу, и воткнул иглу в трубку для внутривенного вливания. Скорее всего, женщине ничего не известно об атаке на «Дах-тан» и уж тем более о нападении на Сидон. Но все, кто находился на заводе, погибли, и Сэрэн подозревал, что женщина осталась в живых не только благодаря слепой удаче. Возможно, она получила какое-то предупреждение, какое-то известие, о котором больше никто не знал, и оно помогло ей избежать общей участи. Да, предположение было слишком спорным, но Сэрэн не мог не воспользоваться единственным шансом.

Один из приборов громко запищал, регистрируя учащающийся пульс в ответ на введенные Сэреном амфетамины. Женщина сначала задрожала всем телом, потом забилась, все ее мышцы напряглись и затвердели, и вдруг батарианка села в постели. Обожженные веки приподнялись, приоткрыв сожженные глазницы. Она попыталась закричать, но из обгоревшего горла и поврежденных легких вырвался лишь свистящий хрип, едва слышный из-под кислородной маски.

Продолжая сидеть, женщина начала метаться, биться о металлические поручни кровати, срывая трубки и провода. Через несколько секунд припадок закончился, и она, тяжело дыша, рухнула на спину и опять закрыла глаза.

Сэрэн наклонился к обожженному уху и заговорил громко, чтобы батарианка могла его услышать:

— Джелла? Джелла? Если слышишь меня, поверни голову!

В первое мгновение она оставалась неподвижной, потом забинтованная голова слегка качнулась в сторону.

— Я хочу знать, кто это сделал! — закричал Сэрэн, стараясь пробиться сквозь пелену боли и лекарств. — Мне нужно только имя. Ты понимаешь? Назови мне его имя!

Он протянул руку и сорвал с лица женщины маску. Губы шевельнулись, но беззвучно.

— Джелла! — крикнул он снова. — Громче, Джелла! Не дай этому ублюдку уйти безнаказанным! Кто это сделал?

Ее слова прошепстели едва слышно, но Сэрэн их понял.

— Эдан. Эдан Хад-дах.

Удовлетворившись ответом, он вернул на место маску и достал из кармана второй шприц. Это средство должно снова погрузить женщину в кому.

Но Сэрэн колебался. Ему, как призраку, была хорошо знакома репутация названной личности — Эдан был известен как бизнесмен, чья деятельность шла по обе стороны закона. Этот батарианин всегда старался оставаться в тени и не привлекать внимания Совета и его агентов. И ранее никогда не проявлял интереса к искусственному интеллекту.

Размышления Сэрена на время прервали хрип и кашель Джеллы. Кислородную маску забрызгали темные капельки крови и гноя, вырывавшиеся из горла больной с каждым выдохом.

Он понял, что за нападением на Сидон кроется нечто большее, чем национализм батарианина и направленный против людей терроризм. И дело было отнюдь не в деньгах — Эдан располагал десятками способов получить прибыль, не подвергая себя риску

столкновения с призраками. Здесь происходило нечто странное, и Сэрэну захотелось копнуть глубже.

Тело Джеллы стало сотрясаться от судорог; писк приборов, зарегистрировавших критическое падение жизненных показателей, превратился в протяжный высокий вой. Сэрэн не двигался. Он наблюдал, как стремительно снижаются цифры на табло прибора, и обдумывал свои последующие действия.

Эдан владел огромным поместьем неподалеку от Юджона, столицы Камалы. Но Сэрэн сомневался, что сможет его там найти. Эдан всегда соблюдал осторожность и осмотрительность. Как бы он ни был уверен в том, что никто не знает о его участии в нападении на Сидон, батарианин наверняка скрылся, как только узнал, что после разгрома «Дах-тана» кто-то выжил. Сейчас он мог быть где угодно.

«Нет, — поправил себя Сэрэн, не обращая внимания на отчаянный вой приборов и жестокий припадок, все еще сотрясавший тело Джеллы. — Эдан не стал бы рисковать и проходить кордон охраны космопорта». Тем более если существовала хоть небольшая вероятность, что кому-то известно об его участии в преступлении. А это означало, что Эдан, скорее всего, скрывается где-то на Камале.

В этом мире существовало множество мест, где он мог спрятаться. Эдан контролировал несколько шахт и перерабатывающих заводов, разбросанных по всей поверхности планеты. Наиболее вероятно, что он скрывается в одном из них. Однако на Камале сотни подобных предприятий, и на поиски могут уйти долгие месяцы. А Сэрэн подозревал, что действовать надо быстро.

Джелла все еще билась в конвульсиях, ее изувеченное тело отчаянно боролось за жизнь. Но она постепенно слабела, силы покидали организм с каждой секундой. Сэрэн лениво вертел в пальцах шприц с препаратом, предназначенным для спасения больной; он продолжал размышлять над загадкой Эдана и ждал, пока батарианка затихнет.

Нет сомнений, что людям неизвестно, кто стоял за атакой на Сидон, и Сэрэн не видел причины, по которой он должен делиться этой информацией с Советом. Он обязательно доложит о противозаконных исследованиях в области искусственного интеллекта. Это доставит Альянсу немало хлопот и отвлечет внимание от его собственного расследования роли Эдана. Но до тех пор, пока он не узнает, чего добивался батарианин, идя на такой риск, Сэрэн не собирался упоминать в донесениях его имени. Теперь остается только решить, как его разыскать.

Минуты через две Джелла затихла. Турианин проверил признаки жизни и убедился, что приборы не обманули: она умерла. Только тогда, зная, что препарат уже не поможет, он ввел содержимое шприца в трубку капельницы. Потом осторожно положил пустой шприц на видном месте — на тумбочку возле кровати.

Призрак медленно подошел к двери, отпер замок и повернул ручку. По холлу беспокойно расхаживал дежурный врач. Услышав, как открылась дверь, он повернулся и посмотрел на турианина.

— Мы слышали сигналы приборов... — Он не закончил фразу.

— Вы оказались правы, — бесстрастно сказал ему Сэрэн. — Джелла была слишком слаба. Она не перенесла этого.

Посол Гойль решительно шагала вдоль зеленеющих лужаек Президиума к возвышающейся вдалеке Башне Цитадели; ее целеустремленная походка странно противоречила умиротворенности окружающего пейзажа. И даже безмятежная красота искусственного солнечного света, освещавшего центральное озеро, не могла смягчить ее настроение. Предостережение Андерсона пришло всего за час до того, как она получила приглашение предстать перед Советом. Совпадение не было случайным: они узнали о разработке искусственного интеллекта. А это значило, что сейчас разразится колоссальный скандал.

На ходу посол Гойль проигрывала различные сценарии разговора с членами Совета.

Ссылаться на неосведомленность не имеет смысла: Сидон являлся официально зарегистрированной научной базой. Даже если они поверят ее лживым заверениям в собственной неосведомленности, отделить противозаконные разработки на базе от человечества в целом не удастся.

Можно прибегнуть к другой тактике: раскаяния и извинений. Но Гойль сомневалось, чтобы это оказало хоть какое-то влияние на суровость наказания, наложенного Советом на Альянс и все человеческие миры. Кроме того, неосведомленность и раскаяние будут свидетельствовать о слабости.

К тому времени, когда она достигла подножия Башни, решение было найдено. Она должна сама предпринять атаку.

При входе слева стояла уменьшенная модель ретранслятора массы. Двадцатифутовая копия величайшего достижения протеанской технологии встречала каждого посетителя главного здания самой величественной космической станции Галактики. Колоссальное произведение искусства более чем впечатляло, но посол была не в настроении останавливаться и любоваться шедевром.

Она прошла прямо к охранникам, стоявшим по обе стороны от единственного входа в Башню, и нетерпеливо ждала, пока их аппараты подтвердят ее личность. Гойль с удовольствием отметила, что один из стражников был человеком. Число людей, занимавших посты на ключевых позициях Цитадели, растет с каждым днем, и это в очередной раз свидетельствовало о том, что всего за несколько лет роль человечества в галактическом сообществе значительно возросла. Последнее наблюдение укрепило решимость посла, и она уверенно шагнула в кабину лифта, чтобы подняться на самый верх Башни, в Палату Совета.

Прозрачные стенки кабины давали возможность во время подъема любоваться пейзажами простиравшимися вокруг Президиума. Затем лифт поднялся на такую высоту, откуда можно было заглянуть за пределы внутреннего кольца Цитадели. На теряющихся вдали лучах Цитадели мерцали огоньки жилых кварталов.

Картина поражала своим великолепием, но посол не обращала на нее внимания. Грандиозный вид на Цитадель не случайно открывался перед пассажирами лифта. Даже не обладая официальной властью, три существа, составлявшие Совет, во многих отношениях были правителями цивилизованной Галактики. Личная встреча с этими персонами представлялась волнующим испытанием даже для такой искушенной в политике фигуры, как посол Альянса. Мадам Гойль была достаточно умна и понимала: долгий подъем в прозрачной кабине был задуман специально, чтобы вызвать у посетителей чувство благоговения и поклонения задолго до встречи с Советом.

Меньше чем через минуту она достигла вершины Башни, и желудок слегка сжался, отреагировав на резкое торможение и остановку кабины. А может быть, так отозвалась ее нервная система. Дверцы лифта открылись, и она шагнула в длинный зал, служивший приемной перед Палатой Совета.

В конце зала двумя широкими полукружиями расходилась пологая лестница. У подножия дежурил почетный караул — двое туриан, двое салиариан и двое асари, по паре представителей трех рас, составлявших Совет. Стражи стояли по стойке «смирно» вдоль стен, и Гойль прошла мимо них не задерживаясь; этот караул предназначался лишь для создания торжественной атмосферы.

Шаг за шагом она поднималась по ступеням, и стены оставались внизу, открывая пышное великолепие Палаты Совета. Огромное овальное сооружение напоминало древние римские амфитеатры земной архитектуры с рядами сидений для тысяч зрителей. По разным сторонам амфитеатра высились платформы, построенные из того же вечного материала, что и сама станция. Та лестница, по которой поднималась посол Гойль, вела к одной из этих платформ, называемой Помостом Просителей. Оттуда через огромную арену она будет смотреть на противоположную сторону, где соберутся члены Совета, чтобы выслушать ее объяснения.

Посол Гойль взойшла на Помост Просителей и с радостью убедилась, что на скамьях нет

ни одного наблюдателя. Несмотря на то что решение Совета должно быть публичным, истинную причину сегодняшней встречи с представителем Альянса все же решили оставить в тайне. Этот факт лишь укрепил ее решимость — в душе таились опасения, что все превратится лишь в показательный спектакль для публики и у нее не будет ни единого шанса оправдать действия человечества.

Напротив уже собрались члены Совета. В центре, прямо перед послом Гойль, восседала советник асари. Справа от асари и слева от Гойль расположился советник турианин, с другой стороны сидел представитель расы салариан. Пятиметровый экран над каждым из трех кресел демонстрировал голографическое изображение каждого советника, что, несмотря на значительное расстояние между двумя подиумами, давало посетителям возможность отчетливо наблюдать за реакцией представителей.

— Нам нет необходимости тратить время на притворство, — заговорил турианин, пропустив формальный обмен любезностями. — Наш агент, призрак, проинформировал Совет о противозаконных исследованиях искусственного интеллекта, ведущихся на одной из баз человечества в районе Скайллианского Края.

— Эта база была уничтожена, — напомнила посол Гойль, решив сыграть на сочувствии членов Совета. — В результате неспровоцированного нападения потеряли жизнь десятки землян.

— Сегодняшняя встреча посвящена другой теме, — возразила асари. Ее голос, несмотря на присущую этой расе лиричность, прозвучал весьма холодно. — Мы собрались, чтобы поговорить о самой базе на Сидоне.

— Посол, — вмешался саларианин, — надеюсь, вам известно, какую опасность представляет искусственный интеллект для всей Галактики?

— Научные работы на Сидоне велись со всеми необходимыми мерами предосторожности, — заявила Гойль, не собираясь приносить извинения за случившееся.

— У нас нет других доказательств этому, кроме ваших слов, — заметил турианин. — А вы уже доказали, насколько ненадежной может быть ваша раса.

— Не стоит принимать это как упрек всей вашей расе в целом, — быстро вставила асари. — Человечество еще новичок в галактическом сообществе, и мы делаем все возможное, чтобы ваша раса быстрее освоилась.

— Как, например, захват Шаньси турианами во время войны Первого Контакта?

— В том конфликте Совет поддержал человечество, — напомнил ей саларианин. — Туриане уже собирали флотилии, чтобы усилить натиск. Если бы не наше вмешательство, погибли бы миллионы людей.

— И тогда я полностью поддержал решение Совета, — заметил представитель туриан. — В отличие от представителей многих других рас, я не испытываю неприязни к человечеству. Но я не считаю, что вы заслуживаете снисхождения.

— Когда человечеству предложили стать частью пространства Цитадели, — заговорила асари, подхватив мысль турианина, — вы согласились соблюдать наши законы и конвенции.

— Вы намерены наказать нас в назидание другим только по той причине, что мы вытесняем из Скайллианского Края батариан, — продолжила атаку Гойль. — Мне стало известно, что их посол угрожал отделиться от Цитадели, если вы не примете меры.

— Мы знаем об их притязаниях, — признал саларианин. — Но мы не принимали никаких мер. Скайллианский Край — свободная территория, а Совет следует политике невмешательства в региональные конфликты, если только они не разрастаются до галактического масштаба. Мы уважаем автономию каждого народа, но только до тех пор, пока он не нарушает спокойствия Галактики в целом.

— Как стало в случае ваших исследований искусственного интеллекта, — добавил турианин.

Посол Гойль раздраженно тряхнула головой.

— Вы не можете быть настолько наивными, чтобы считать, что подобными исследованиями занимается только человечество!

— Наивность здесь ни при чем, мы опираемся на знания, — возразила асари.

— Ваши люди не видели падения мира кварриан от рук гетов, — снова обратился к истории саларианин. — Тот случай как нельзя лучше продемонстрировал опасность разработок искусственного интеллекта. Человечество, вероятно, не представляет себе, насколько велик риск.

— Риск? — Посол Гойль, продолжая натиск, едва удерживалась от крика. — А разве не рискованно прятать голову в песок и надеяться, что угроза рассеется сама собой? Геты все еще здесь, — продолжала она. — Синтетическая жизнь не перестала существовать. Создание подлинного искусственного интеллекта — возможно, целой расы — неизбежно. Не исключено, что они уже где-то рядом и только ждут, когда их обнаружат. А если сейчас, в полностью контролируемых условиях, не изучать искусственно созданную жизнь, как можно надеяться выстоять против них в будущем?

— Мы признаем риск, связанный с созданием искусственного интеллекта, — ответила асари. — Но нельзя автоматически полагать, что у нас не будет другого варианта, кроме открытого конфликта. Так может считать только человечество.

— Остальные расы принимают в качестве основополагающей философию сосуществования и взаимопонимания, — стал объяснять саларианин, словно читал ей лекцию. — Мы видим нашу мощь в единстве и сотрудничестве. А человечество, похоже, до сих пор считает соперничество ключом к процветанию. Вашей расе присущи такие черты, как агрессивность и враждебность.

— Все расы склонны бороться за главенствующую роль, — резко ответила Гойль. — И вы трое имеете возможность сидеть здесь и управлять Галактикой только по той причине, что ваши расы контролируют флот Совета!

— Наши народы ради сохранения мира в Галактике предоставили в распоряжение Совета неисчислимые ресурсы, — сердито заявил турианин. — Ради высшей цели они снабдили нас средствами, кораблями и даже направили на службу миллионы своих граждан!

— Члены Совета нередко вынуждены принимать решения, ущемляющие права своих собственных народов, — заметил саларианин. — У вас была возможность самим убедиться в этом: после войны Первого Контакта туриане были подвергнуты тяжелым штрафным санкциям, хотя не вызывает сомнения тот факт, что человечество повинно в конфликте не меньше, чем они.

— Невозможно проповедовать философию в теории, не подкрепляя ее практическими действиями, — добавила асари. — Мы не станем отрицать — отдельные индивидуумы, как и культуры и расы в целом, не откажутся от борьбы за расширение территорий и влияния. Но мы верим в принцип взаимодействия, или в тактику взаимных уступок, как это называется у людей. Это заставляет нас приносить некоторые жертвы ради других рас. А может ли человечество сказать о себе то же самое?

Посол Гойль ничего не ответила. Будучи главным представителем человечества в Цитадели, она во всех подробностях изучила межзвездную политику. Она детально ознакомилась с каждым постановлением Совета, принятым за последние два столетия. Несмотря на незначительную предвзятость по отношению к людям, проявляющуюся в некоторых решениях, все сказанное сегодня было правдой. И асари, и салариане, и даже туриане вполне заслужили свою репутацию благодаря проявленному альтруизму и самоотверженности в масштабе всей Галактики.

В этом состояла одна из не решенных до сих пор проблем: достижение хрупкого равновесия между собственными интересами и коллективным благополучием, которое поддерживали другие расы, вступившие в союз Цитадели. Интеграция и объединение остальных рас происходили настолько легко, что это казалось неестественным. У Гойль даже возникла собственная теория, что это как-то связано с общей для всех цивилизованных рас протеанской технологией. Использование этих достижений придавало всем народам некоторое сходство, на котором и основывалось сотрудничество. Но почему же человечество не может войти в сообщество с такой же легкостью?

— Мы собрались здесь не ради того, чтобы обсуждать вопросы политики, — сказала она, игнорируя вопрос, заданный советником-асари. Внезапно Гойль ощутила огромную усталость. — Что вы собираетесь предпринять по поводу происшествия на Сидоне?

Нет смысла упираться и дальше; она никак не может повлиять на мнение Совета.

— По отношению к человечеству и Альянсу будут введены санкции, — ответил ей турианин. — Допущенное там нарушение слишком серьезно, и наказание будет соответствующим.

«Может, это и есть одна из составляющих частей процесса ассимиляции человечества в межзвездное сообщество? — устало подумала Гойль. — Постепенная и неизбежная эволюция, в результате которой человечество встанет вровень с другими расами, отвечающими требованиям Совета?»

— Одним из условий станет присутствие наших наблюдателей за действиями Альянса во всем регионе Скайллианского Края. — Теперь, когда дело дошло до деталей наказания человечества, говорил только саларианин.

«А может быть, мы кардинально отличаемся от других рас? — думала Гойль, едва вслушиваясь в подробности санкций. — Вдруг мы не вписываемся в сообщество в силу каких-то собственных недостатков?»

В Галактике встречались и другие расы, по сути своей отличающиеся агрессивностью и жестокостью, как, например, кроганы. И в итоге кроганы заплатили за это, вызвав ярость всей Галактики, в результате чего их численность сильно сократилась и раса оказалась на грани вымирания. Неужели человечество ожидает такая же судьба?

— Представители Совета также будут регулярно инспектировать все территории и колонии Альянса, включая Землю, чтобы убедиться в полномасштабном выполнении людьми законов и предписаний Цитадели.

«Вероятно, мы слишком враждебны».

Да, человечество отличалось агрессивностью. Не говоря уже о самоуверенности, решимости и упорстве. Но неужели это такие уж тяжкие пороки? Альянс расширял свои владения быстрее и решительнее, чем все другие расы до него. По мнению посла, лет через двадцать или тридцать Альянс сможет соперничать с теми расами, которые представлены в Совете. И внезапно все встало на свои места.

«Они нас боятся!»

Уныние и усталость, охватившие посла Гойль несколько минут назад, мгновенно испарились, унесенные этим внезапным откровением. «Они действительно нас боятся!»

— Нет, — резко заявила она, прервав саларианина, монотонно перечислявшего все пункты взысканий.

— Нет? — изумленно переспросил он. — Что — нет?

— Я не приму эти условия.

Она едва не допустила ужасную ошибку. Она позволила этим чужакам манипулировать собой, завладеть ее мыслями до такой степени, что начала сомневаться в себе и в своем народе. Но она больше не намерена перед ними пресмыкаться. Она не будет извиняться за действия человечества.

— Это не предмет для торговли, — предупредил ее турианин.

— А вот здесь вы ошибаетесь, — с насмешливой улыбкой сказала Гойль.

Человечество доверило ей защищать свои интересы, быть его представителем. И ее долг оберегать права каждого мужчины, каждой женщины и ребенка Земли на всем пространстве Альянса. Они нуждаются в ней, и она намерена бороться?

— Посол, вероятно, вы не до конца понимаете тяжесть сложившейся ситуации, — заметила асари.

— Это вам недостает понимания! — жестко парировала Гойль. — Предлагаемые вами санкции губительны для человечества. Альянс никогда не согласится с ними. И я их не приму!

— Неужели вы полагаете, что человечество в состоянии воспротивиться Совету? —

скептически поинтересовался турианин. — Вы считаете, что люди способны добиться успеха в войне против объединенных сил Цитадели?

— Нет, — признала Гойль. — Но мы не намерены уступить без боя. И я думаю, вы вряд ли захотите развязать подобную войну — цена слишком высока. Слишком многие жизни и корабли будут потеряны в конфликте, которого мы все стараемся избежать. Не говоря уже о потерях для всех остальных рас. Наш народ является доминирующей силой в Скайллианском Краю и Аттическом Пересечении. Деятельность Альянса определяет экономику этих регионов; корабли Альянса и его солдаты обеспечивают там порядок.

По выражениям лиц, отчетливо видных на голографических экранах, Гойль поняла, что попала в точку. Стараясь развить успех, она продолжала говорить, пока члены Совета не нашли достойного ответа.

— Человечество является основным торговым партнером половины рас в пространстве Цитадели, включая и ваши народы. Здесь, на Цитадели, люди составляют более пятнадцати процентов всего населения, тысячи людей работают в силах безопасности и контроля станции. Меньше чем за десятилетие мы стали частью галактического сообщества, и человечество обрело слишком большое значение, чтобы вы могли так просто вышвырнуть нас вон!

Она продолжала свою тираду и говорила даже в те моменты, когда возобновляла запас воздуха в легких — этой технике Гойль научилась еще в самом начале своей карьеры.

— Я могу допустить, что мы совершили ошибку. И взыскание должно быть наложено. Но человечество идет на риск. Мы расширяем свои границы. Мы такие, какие есть. Иногда мы заходим слишком далеко, но это не дает вам право отшлепать нас, словно провинившегося ребенка! Человечеству предстоит еще многому научиться в области сотрудничества с другими расами. Но и вам необходимо учиться ладить с нами. И лучше бы вам поторопиться, потому что люди не намерены отступать!

Когда посол наконец закончила говорить, в Палате Совета воцарилась поразительная тишина. Три представителя самого влиятельного в Галактике правительства ошеломленно переглянулись, затем выключили свои микрофоны и голографические мониторы, чтобы посоветоваться без свидетелей. С противоположного конца Палаты невозможно было рассмотреть выражения их лиц или услышать, о чем идет речь, но Гойль понимала, что обсуждение идет весьма оживленно.

Совещание длилось несколько минут, после чего, вероятно, было достигнуто какое-то соглашение, микрофоны и голографические проекторы вновь включились.

— Какое же наказание предлагаете вы, посол? — спросила представитель асари.

Гойль не могла понять, искренен ли этот вопрос, или готовится какая-то ловушка. Если она предложит слишком легкое взыскание, ее могут попросту устранить и заставить человечество согласиться с первоначально предложенными санкциями.

— Финансовый штраф, без сомнения, — начала она, пытаясь определить минимум, который члены Совета сочли бы приемлемым.

Кроме того, не желая признавать открыто, Гойль полагала, что наказание должно еще и предостеречь другие расы от разработок искусственного интеллекта.

— Мы согласны подчиниться санкциям, но они должны быть определенными: для конкретного региона и ограниченными во времени. Мы будем возражать лишь против необратимых потерь. Развитие нашего общества не должно сдерживаться чрезмерными ограничениями. К завтрашнему дню я созову группу для переговоров от имени Альянса, и мы сможем выработать условия, удовлетворяющие обе стороны.

— А как насчет наблюдателей, инспектирующих предприятия Альянса? — спросил саларианин.

Он задал вопрос, а не выдвинул требование. Вот теперь Гойль окончательно убедилась в том, что одержала верх. Они не намерены лезть из кожи вон, чтобы добиться своего, теперь это стало совершенно ясно.

— Ничего подобного не будет. Человечество, как и все остальные расы, суверенное

общество. Мы не потерпим, чтобы иноземные наблюдатели стояли у нас за спиной и вникали во все мелочи.

Посол понимала, что после этого они могут увеличить интенсивность разведки, направленной против человечества, но здесь она ничего не могла поделать. Все расы шпионили друг за другом — такова была природа любого общества, разведка стала неотъемлемой шестеренкой во всех политических машинах. И все прекрасно знали, что Совет тоже не чурается шпионских игр и всевозможных методов сбора информации. Но необходимость усилить бдительность контрразведки Альянса во сто крат лучше, чем неограниченный доступ официально назначенных Советом наблюдателей.

Возникла еще одна долгая пауза, хотя на этот раз члены Совета даже не стали совещаться. Молчание нарушила асари:

— Мы приняли решение: уполномоченные посредники встретятся для переговоров завтра утром. На этом заседание Совета закрывается.

Гойль, сохраняя бесстрастное выражение лица, ответила сдержанным наклоном головы. Она одержала главную победу и не собиралась торжествовать по этому поводу. Но после того как она сошла с Помоста Просителей и направилась к лифту, чтобы спуститься к Президиуму, губы слегка дрогнули в едва заметной самодовольной улыбке.

ГЛАВА 16

Голос ведущей новостного канала не дрогнул и не изменил тона, когда она дошла до деталей самого громкого за последние дни происшествия.

«В наказание за нарушение конвенций Цитадели последовали штрафные санкции, и, кроме того, Альянс согласился соблюдать некоторые торговые ограничения в области производства горючего и элемента zero. Ведущие экономисты предупреждают, что вследствие этих мер цены на топливо в пределах Земли могут уже в ближайший период вырасти на двадцать процентов...» Андерсон взял пульт и выключил канал.

— Я думала, будет хуже, — заметила Кали.

— Гойль умеет торговаться, — отозвался Андерсон. — Но я тоже считаю, что мы легко отделались.

Они сидели рядом на краю кровати в комнате гостиницы Хейтра. Собственно говоря, это Андерсон снял номер и переадресовал счет Альянсу как необходимые для расследования расходы. В их ситуации приходилось довольствоваться одной комнатой на двоих: лейтенант до сих пор не упоминал о Кали в своих донесениях для штаб-квартиры Альянса, и запрос на второй номер или хотя бы на вторую кровать мог вызвать подозрения.

— Что теперь будет? — спросила Кали. — Куда мы двинемся дальше?

Андерсон пожал плечами:

— Честно говоря, я еще не знаю. Дело теперь официально передано призракам, но у нас осталось слишком много пробелов, чтобы Альянс мог просто устраниваться.

— Пробелов?

— Ну, например, то, что касается тебя. У нас еще нет необходимых доказательств твоей непричастности. Надо отыскать что-то, что позволит снять с тебя подозрения. Мы еще не узнали, кто настоящий предатель и куда увезли доктора Кийяна.

— Увезли? Что ты имеешь в виду?

— Посол убеждена, что доктор Кийян еще жив и остается пленником, — пояснил Андерсон. — Она считает, что именно в нем кроется причина нападения на базу. По ее мнению, кому-то настолько потребовались его знания и опыт, что они решились на массовое убийство.

— Это безумие, — возразила Кали. — А как же инопланетная находка, обнаруженная им? Скорее уж причина кроется в этом артефакте!

— О нем еще никто не знает, — напомнил ей Андерсон. — Только ты и я.

— Я думала, ты упомянул об этом в своих донесениях, — сказала Кали, потупившись.

— Прежде чем это сделать, я обязательно сказал бы тебе, — заверил ее Андерсон. — Получив такую информацию, они наверняка захотели бы узнать, как она попала ко мне. Тогда пришлось бы рассказывать о тебе. Я думаю, мы еще не готовы к этому.

— Ты в самом деле обо мне беспокоишься? — прошептала Кали.

В ее приглушенном голосе прозвучало нечто странное, словно она была смущена или даже напугана.

— Кали, что происходит?

Она встала с кровати и прошла в противоположный конец комнаты. Там немного постояла молча, затем сделала глубокий вдох и повернулась к нему лицом.

— Ты должен кое-что узнать, — грустно призналась она — Я много об этом думала с того самого момента, когда ты столкнулся с Сэреном на развалинах «Дах-тана».

Андерсон ничего не сказал, а лишь молча кивнул, предлагая ей продолжать.

— Когда я впервые увидела тебя в доме моего отца, я не доверяла тебе. Даже после того, как ты прогнал крогана, я не могла понять, веришь ты мне или просто решил привлечь на свою сторону, чтобы узнать все, что мне известно о Сидоне.

Андерсон едва не прервал ее, чтобы сказать, что Кали может ему доверять, но тотчас передумал. Пусть лучше сама к этому придет.

— А потом, когда мы добрались до «Дах-тана» и ты встретился с Сэреном... Я знаю, что там произошло, Дэвид. Несмотря на то что ты не все мне рассказал.

— Что ты такое говоришь? — возмутился он. — Я рассказал обо всем, что там произошло.

Она покачала головой:

— Нет, не обо всем. Ты сказал, что Сэрен собирался тебя убить, а потом передумал, так как опасался свидетелей. Но ведь ты даже не пытался его убедить, что приехал не один, не так ли?

— Мне и не надо было этого делать. Он сам все понял.

— Но если бы он не понял, он убил бы тебя! Ты подвергал свою жизнь опасности, лишь бы не сказать призраку, что я неподалеку.

— По-моему, ты выдумываешь, — неуверенно возразил Андерсон. — Я и не думал ничего говорить, пока он не убрался.

— Ты ужасный лжец, лейтенант, — слегка улыбнулась Кали. — Возможно, потому, что очень хороший человек.

— И ты тоже, — подбодрил он ее.

— Нет, — возразила Кали, снова качнув головой. — Все не так. Я не такой уж хороший человек. И наверное, поэтому тоже хороший обманщик.

— Ты обманывала меня?

В голове Андерсона всплыло предупреждение Сэрена, произнесенное во время их последней встречи на руинах «Дах-тана»: «Она обманывает тебя. Она знает об этом деле гораздо больше, чем тебе рассказала».

— Я знаю, кто предал Сидон. И у меня есть доказательства. Еще мне известно, как отыскать его сообщника.

Андерсон словно получил пощечину. Он даже не понял, что причинило большую боль: обман Кали или тот факт, что Сэрен давно об этом догадывался, когда сам Андерсон еще ни о чем не подозревал.

— Пожалуйста, — попросила Кали, видя его страдания. — Ты должен меня понять.

— Я все понимаю, — негромко произнес он. — Ты просто все предусмотрела. Проявила осторожность.

«А я был так слеп и глуп, что ничего не замечал».

Выходит, развод повлиял на него сильнее, чем он думал. Он чувствовал себя настолько одиноким и покинутым, что вообразил особую связь между ним и Сандерс, тогда как на самом деле их объединяло лишь преступление на базе Альянса. Стремление стать хорошим солдатом и принесенные ради этого жертвы стоили ему семьи. А теперь, после развода, он

позволил личным чувствам помешать воинскому долгу. Узнай об этом Синтия, она долго смеялась бы.

— Я собиралась все тебе рассказать, — не отступала Кали. — Еще в тот первый вечер, после схватки с кроганом. Но Гриссом посоветовал промолчать.

— Но ему ты все рассказала?

— Он же мой отец!

«Человек, которого ты едва знаешь», — мысленно добавил Андерсон, но не стал ничего говорить. Умом он понимал ход мыслей Кали, но это ничуть не облегчало боль. Она использовала его. Она вела игру на протяжении всего расследования и выдавала крохи информации в качестве приманки, чтобы он не обнаружил истину: Кали известны ответы, которые он так долго ищет.

Андерсон тяжело вздохнул и постарался унять свои эмоции. Нет смысла над этим задумываться: что сделано, то сделано. Мысли о том, как манипулировала им Кали, не смогут приблизить его к цели и не помогут отомстить за погибших на Сидоне людей.

— И кто же предатель? — осторожно спросил он, стараясь сохранять бесстрастный тон.

— Доктор Кийян. Разве это не очевидно?

Андерсон не поверил своим ушам.

— Ты утверждаешь, что один из самых уважаемых и влиятельных ученых Альянса предал и обрек на смерть своих тщательно подобранных сотрудников? Почему?

— Я уже говорила тебе! Он боялся, что проект закроют. Вероятно, он догадался, что я намерена его выдать. А продолжать изучение обнаруженной инопланетной технологии он мог только одним путем — уничтожить Сидон и свалить вину на меня!

— Ты уверена, что он намеренно пошел на убийство? — спросил Андерсон, не до конца убежденный. — Ради нового исследования?

— Помнишь, я говорила, что он вел себя как одержимый? Найденный артефакт имел над ним власть. Он изменил доктора. Кийян был... немного не в своем уме.

Кали подошла к нему, опустилась на одно колено и взяла его руки в свои.

— Я понимаю, как тебе трудно поверить после всего, что я так долго таила. Но Кийян стал очень неуравновешенным. Вот почему я решила донести на него. Я знаю, что сильно рисковала, — продолжила Кали. — Но до тех пор пока не услышала об уничтожении базы, не представляла, насколько серьезно положение вещей. А когда увидела, на что способен доктор Кийян, как далеко он зашел, я ужаснулась!

Все ее действия были вполне логичны, но Андерсон не хотел ее слушать. Не теперь. Он поднялся с кровати, высвободил свои руки и прошел в другую часть комнаты. Он хотел ей верить, но ее рассказ до сих пор казался невероятным. Неужели уважаемый ученый и исследователь мог внезапно превратиться в чудовище и решиться на уничтожение своих друзей и сотрудников только ради какого-то шедевра инопланетной технологии?

— Ты говорила, что получила доказательства? — спросил он, обернувшись к Кали.

Она достала маленький оптический диск и показала ему.

— Я сделала копии его личных файлов. На тот случай, если придется с кем-то торговаться. — Она бросила ему диск, и Андерсон осторожно подхватил его, боясь сломать. — Перешли его в Альянс. Здесь доказательства того, что я говорю правду.

— Почему ты не отдала его мне раньше?

— Я не знала, работает ли доктор Кийян в одиночку. У него так много влиятельных знакомых в руководстве Альянса: генералы, адмиралы, послы, политики, он знает их всех. Если бы я отдала этот диск, а ты переправил кому-то, кто был связан с доктором... — Она умолкла, не закончив фразу. — Вот почему я молчала, Дэвид. Я хотела быть уверенной.

— А почему заговорила теперь? Что изменилось?

— Ты доверяешь своим сотрудникам в Альянсе. И я наконец-то решила, что могу тебе довериться.

Он опустил диск в нагрудный кармашек рубашки, вернулся к кровати и сел рядом с

Кали.

— А еще ты сказала, что знаешь, как можно вычислить партнеров доктора Кийяна.

— На том диске имеются копии всех его персональных файлов, — сказала она. — Большая часть содержит научные заметки. Те факты, которые он предпочел держать только для себя. Перед побегом у меня не было возможности просмотреть все, но я уверена, что скопировала и все финансовые данные. Расшифруй их и проследи полученные им переводы до самого источника. Скорее всего, они выведут на того, кто финансировал всю операцию.

Андерсон одобрительно кивнул:

— Просто отследить движение денег.

— Верно.

Потом некоторое время они сидели рядышком на краю кровати, молчали и даже не двигались. Андерсон первым прервал паузу. Он решительно поднялся и взял свою куртку.

— Надо переправить новые сведения послу Гойль, — сказал он. — Тогда твое имя больше не будет запятнано и мы сможем узнать, с кем работал доктор Кийян.

— А что потом? — Кали тоже вскочила на ноги и взялась за куртку. — Что мы будем делать дальше?

— А потом я отправлюсь на поиски тех, кто атаковал Сидон. Но ты со мной не пойдешь.

Кали замерла, все еще держа в руках куртку.

— Что ты такое говоришь?

Раскрывшийся обман Кали все еще причинял ему боль, но Андерсон решил оставить ее совсем по другой причине. Его раненные чувства — это его забота, а не ее. Она сделала все возможное, чтобы обезопасить себя в сложившейся ситуации, и Андерсон не мог ее винить. Не ее вина, что в этом деле оказались затронутыми его чувства. Но теперь он должен сделать все возможное, чтобы подобное не повторилось.

— Тот кроган все еще ищет тебя. Надо найти возможность отправить тебя с этой планеты. Куда-нибудь в безопасное место.

— Подожди-ка! — сердито воскликнула она. — Ты не можешь так просто меня бросить! Это мои друзья погибли во время нападения! И я имею право довести дело до конца!

— Дело становится слишком опасным, — предостерег ее Андерсон. — Да, ты член Альянса, но мы оба знаем, что ты отнюдь не ветеран. Если ты увяжешься со мной, ты будешь меня задерживать или путаться под ногами.

Она не сводила глаз с его лица, но не могла придумать достаточных доводов, чтобы возразить.

— Ты свое дело сделала, — добавил он, похлопав по кармашку с диском. — Твоя работа закончена. А моя только начинается.

— Это невыносимо! — кричал доктор Кийян.

— Такие вещи требуют немало времени, — ответил Эдан Хад-дах, надеясь его образумить.

Не зря он без особого желания согласился на эту встречу.

— Времени? Времени для чего? Мы же ничего не делаем!

— На Камале работает призрак! Придется подождать, пока он не откажется от своей затеи и не уедет.

— А если он не откажется? — не отставал Кийян, уже срываясь на фальцет.

— Откажется. После уничтожения Сидона и «Дах-тана» не осталось ничего, что могло бы привести ко мне. Наберись терпения, мы скоро уедем.

— Ты обещал предоставить мне возможность продолжать исследования! — Доктор Кийян счел нужным сменить тему, когда речь зашла о призраке. — Ты не говорил, что мне придется тратить драгоценное время в грязных подвалах перерабатывающего завода!

Батарианин потер лоб над верхней парой глаз, стараясь унять усиливающуюся

головную боль. Люди по своей природе очень утомительны — это слишком громкая, жестокая и грубая раса. А уж общение с доктором Кийяном доставляло ему невыносимые страдания.

— Сооружение такой лаборатории, которая нам нужна, — нелегкая задача, — напомнил он неугомонному доктору. — Тебе потребовался не один месяц, чтобы приспособить оборудование на Сидоне. А нам придется начинать с нуля.

— У нас не было бы такой проблемы, если бы ты не разрушил мою лабораторию и не разгромил завод поставщика! — съязвил Кийян.

Строго говоря, идея уничтожения базы Альянса принадлежала самому доктору Кийяну. Как только стало известно о бегстве Кали Сандерс, он связался с Эданом и потребовал, чтобы батарианский партнер принял меры. Он даже предоставил им план базы и выдал секретные коды замков.

— Мы не могли допустить, чтобы архивы «Дах-тана» попали в руки призрака, — уже в десятый раз объяснил ему Эдан. — У нас имеются и другие поставщики. Мои люди уже приступили к работе над новой лабораторией. Она будет построена вдали от границ пространства Цитадели, на безопасном расстоянии от глаз Совета. Но мы не можем сразу купить все оборудование. Такой заказ привлечет ненужное внимание.

— Вы и так привлекли внимание! — огрызнулся человек, вновь возвратившись к теме присутствия призрака.

После разгрома Силона доктор пребывал в весьма неуравновешенном состоянии и с каждым днем становился все более раздражительным, враждебным и неуправляемым. Сначала Эдан подозревал, что это чувство вины за гибель его товарищей терзает предателя. Но очень скоро он понял, что истинная причина кроется в другом.

Кийян был одержим инопланетным артефактом. Только о нем он мог волноваться и думать сутки напролет. Казалось, каждый день вынужденного перерыва в работе по разгадке новых тайн причиняет доктору физическую боль.

— Этот призрак и сейчас нас ищет, — предупредил Кийян, перейдя на хриплый шепот. — Он ищет *его*!

Не стоило уточнять, о чем идет речь. Но наткнуться случайно на этот артефакт не было ни единого шанса. Он все еще оставался там, где отыскала артефакт одна из разведывательных команд Эдана, — на орбите мира, не отмеченного на картах, в отдаленной системе неподалеку от Пелены Персея. Координаты этого места были известны лишь им двоим да небольшой группе изыскателей и ученых, которые его обнаружили. Эдан был достаточно осторожен, чтобы задержать всю команду на поверхности этого безымянного мира, где они оставались и по сей день, практически в полной изоляции.

Знай он заранее, что доктор поведет себя столь иррационально, Эдан нашел бы какой-то другой вариант. По правде говоря, нельзя отрицать, что иррационально вел себя не только доктор. До этого случая Эдан следовал собственному правилу никогда не связываться с людьми напрямую. А из всех видов незаконной деятельности, которыми он занимался, строя свою империю, он всегда старался избегать дел, попадавших под юрисдикцию призраков.

Тем не менее после инспекционной поездки для осмотра находки, сделанной его изыскательской партией, Эдан принял решение, по мнению многих совершенно не соответствующее его образу мыслей. Но лишь по той причине, что никто не догадывался о важности артефакта.

— Его небезопасно держать там. — В голосе Кийяна появились просительные нотки. — Надо его переместить. Куда-нибудь поближе.

— Не глупи! — не выдержал Эдан. — Предмет такого размера невозможно просто передвинуть в другую систему. Для этого потребовались бы несколько кораблей и целые толпы специалистов. А в непосредственной близости от Пелены Персея мы наверняка привлекли бы внимание гетов! Можешь себе представить, что произойдет, если находка попадет им в руки?

Кийян не стал отвечать на вопрос, но и замолкать тоже не собирался.

— Значит, он останется там, — саркастически усмехнулся он. — А твои так называемые эксперты будут кружить около артефакта и пытаться разгадать, с чем же они столкнулись? А я по-прежнему буду торчать здесь?

В исследовательской партии, обнаружившей артефакт, имелось несколько ученых; главной целью экспедиции были поиски неизвестных предметов протеанской технологии, которыми Эдан надеялся воспользоваться в своих интересах. Но ни один из исследователей не являлся специалистом в области искусственного интеллекта, и Кийян был прав, когда утверждал, что артефакт им не по зубам.

Эдан потратил немало времени и сил на поиски ученого, обладавшего достаточными знаниями и опытом, чтобы помочь ему разгадать потенциал найденного предмета. После того как на тщательные — и очень секретные — поиски было потрачено несколько миллионов, ему пришлось признать, что единственным кандидатом является представитель человеческой расы.

Он был вынужден спрятать свою гордость и поручить доверенным посредникам познакомиться с доктором Кийяном. Медленно и осторожно они втягивали его в это дело, играя на профессиональной гордости и любознательности ученого, сообщая ему в качестве приманки самые соблазнительные детали информации. Подготовительный период растянулся на целый год, а кульминационный момент настал во время визита Кийяна к безымянной планете для осмотра артефакта.

Эффект получился точно таким, на какой рассчитывал Эдан. Кийян оценил возможность находки. Он понимал, что ее значение выходит за рамки интересов людей или батариан. Скрытый потенциал артефакта мог до основания изменить всю Галактику, и доктор Кийян с головой погрузился в решение проблемы.

Но в такие дни, как сегодня, Эдан спрашивал себя, не допустил ли он ошибку.

— Твои люди — невежды и идиоты, — безапелляционно заявил доктор. — Ты и сам знаешь, что без меня они ничего не достигнут. Они едва способны зафиксировать данные наблюдения, не перепутав при этом значений.

Батарианин вздохнул:

— Все это только временно. До тех пор, пока отсюда не уберется призрак. Потом ты получишь все, что хотел: неограниченный доступ к артефакту, лабораторию на поверхности ближайшей планеты, все средства и любых помощников.

— Ха! — фыркнул Кийян. — Вот это другое дело! Эксперты мне там понадобятся. Причем достаточно грамотные специалисты, чтобы понять, чем мы занимаемся. Такие, как в лаборатории на Сидоне.

— Та команда погибла! — закричал Эдан, потеряв терпение. — Ты сам помог их убить, помнишь? Мы обратили их в пепел и дым!

— Не всех, — с усмешкой возразил Кийян. — Кали Сандерс жива.

Эдан ошеломленно замолк.

— Я знаю, на что она способна, — настаивал Кийян. — В этом проекте она мне понадобится. Без ее помощи мы будем отброшены на месяцы назад. А может быть, и на годы.

— Послать ей приглашение прямо сейчас? — с иронией спросил Эдан. — Я уверен, она жаждет присоединиться к нам, стоит только попросить.

— Я не говорил, что ее надо просить, — ответил Кийян. — Надо ее забрать. А потом уж найдем способ, как уговорить нам помочь. Я думаю, у тебя есть люди, которые могут быть очень убедительными. Только чтобы они не нанесли вред ее умственным способностям.

Эдан кивнул. Возможно, доктор не столь иррационален, как он полагал. Однако есть одна проблема.

— И как, по-твоему, мы ее отыщем?

— Не знаю, — пожал плечами Кийян. — Уверен, ты что-нибудь придумаешь. Можешь снова пустить по ее следу этого крогана.

ГЛАВА 17

Во второй раз всего за несколько недель посол Гойль шла по цветущим просторам Президиума на встречу с членами Совета Цитадели. В прошлый раз ее вызвали на заседание в связи с обвинениями человечества в нарушении конвенций Цитадели. Но сегодня она сама попросила об аудиенции.

Как и тогда, посол Гойль миновала искрящееся озеро, бывшее центром пасторального пейзажа, снова прошла мимо копии ретранслятора массы. Однако на этот раз во время подъема на лифте в Башне Совета она позволила себе наслаждаться открывавшимся видом.

В последний свой визит она одержала победу над Советом. Но за свою долгую карьеру дипломата посол Гойль твердо усвоила, что демонстрация силы далеко не единственный способ добиться желаемого. По всей Галактике за Альянсом уже закрепилась репутация агрессивного и неуступчивого сообщества, и ее действия при последней встрече только укрепили сложившееся мнение в глазах советников. Но сегодня посол Гойль была намерена продемонстрировать им другую сторону характера землян.

На самой вершине Башни она покинула кабину лифта, прошла мимо почетной стражи и по широкой лестнице поднялась на Помост Просителей. Спустя мгновение в противоположном конце зала из невидимого прохода появились советники и, сохраняя торжественно-серьезное спокойствие, заняли свои места на втором возвышении.

Понять язык тел других рас было очень нелегко, но Гойль упорно работала над этим и теперь по напряженным позам и сдержанным жестам советников догадалась, что от этой встречи, как и в предыдущем случае, они не ожидают ничего хорошего. Она незаметно улыбнулась. Подготовленное сообщение станет для них неожиданностью. Их удивление предоставит ей дополнительное преимущество в переговорах.

— Добро пожаловать, посол Гойль, — приветствовала ее представитель асари, как только все расселись по местам и включили микрофоны и голографические проекторы.

— Спасибо, что согласились выслушать меня, советник.

— Несмотря на некоторые разногласия, возникшие при нашей последней встрече, вы по-прежнему являетесь членом Цитадели, — многозначительно заметил турианин. — Мы и не думали лишать вас права на аудиенцию, посол.

Скрытый смысл его слов не ускользнул от Гойль. Советники не таили на нее зла; они были выше мелких обид. Абсолютно беспристрастные и справедливые. Подобное отношение служило еще одним доказательством того, насколько представленные в Совете расы более цивилизованы и выше в моральном развитии, чем человечество.

— Какова цель сегодняшней встречи? — спросила асари абсолютно нейтральным тоном.

Асари могли гордиться своим превосходством ничуть не меньше, чем туриане, но Гойль понимала, что советник постаралась скрыть свои истинные чувства.

— При нашей предыдущей встрече вы сказали, что человечеству необходимо принять концепцию взаимовыгодного сосуществования, — напомнила Гойль. — И сегодня я намерена продемонстрировать, что ваши слова услышаны.

— И как же вы собираетесь это доказать? — спросил салиарианин.

— У меня есть ценный подарок для Совета.

— Неужели вы считаете, что наше расположение можно купить, посол? — возмутился турианин.

Именно на такую реакцию и рассчитывала посол Гойль. Если ей удастся создать впечатление, что она испытывает трудности, есть вероятность, что Совет скорее пойдет навстречу ее просьбам.

— Я не хотела никого оскорбить, — смиренно извинилась она, снова слегка улыбнувшись. — У меня не было намерений предложить взятку. Это добровольный дар.

— Продолжайте, пожалуйста, — предложила асари.

Из всех трех советников понять асари было трудней остальных, и посол небезосновательно считала, что она в наименьшей степени поддается манипулированию.

— Я понимаю, что на Сидоне человечество допустило ошибку. И мы глубоко сожалеем об этом. И для того чтобы хоть отчасти загладить вину, я предлагаю Совету копии секретных файлов с этой научной базы.

— Это... весьма благородно с вашей стороны, — после недолгого колебания признал саларианин. — Могу я спросить, почему вы решили поделиться с нами столь ценной информацией?

— Не исключено, что наши исследования окажутся значительными для всей Галактики. Возможно, они даже поспособствуют установлению мирных отношений с гетами.

— Но я считал, что все записи были уничтожены во время нападения на базу, — подозрительно заметил турианин.

Гойль предвидела такой поворот. Возможно, они посчитали файлы поддельными, или решили, что самая ценная информация была извлечена заранее. Но специалисты Совета в состоянии определить наличие внесенных изменений, так что Гойль решила представить Совету записи в полном объеме. Там не содержалось никаких улик против человечества, кроме тех, о которых уже стало известно. Кроме того, записи свидетельствовали о том, что официальные власти Альянса не санкционировали работу доктора Кийяна, а это несколько сглаживало вину человеческого сообщества.

— Лейтенант Кали Сандерс, покинувшая Сидон накануне нападения, сделала копии файлов.

Теперь, когда станет известно, что доктор Кийян сотрудничал с батарианами, к результатам его исследований получат доступ ведущие инопланетные эксперты. Они будут рады оказать помощь и защитить Альянс в том случае, если батариане, используя достижения Кийяна в области искусственного интеллекта, решатся выступить против человечества. Кроме того, эксперты Альянса, изучившие записи, заверили ее, что разработки велись в основном в области теории. До практического применения идей предстояло пройти годам, а то и десятилетиям.

В довершение имелось еще одно весьма важное обстоятельство.

— В файлах имеются упоминания о неизвестном продукте инопланетной технологии, обнаруженном за пределами пространства Цитадели, — добавила Гойль.

— Какой именно технологии? — заинтересовался саларианин.

— Мне это неизвестно, — призналась Гойль. — Очевидно, это имеет какое-то отношение к искусственному интеллекту, но доктор Кийян был чрезвычайно скуп на подробности. Хотя его записи свидетельствуют о том, что он считает находку наиболее ценной из всего, освоенного на данный момент современными народами.

— Это продукт протеан? — спросила асари.

— Нет, если верить запискам Кийяна. Как я уже говорила, нам не хватает подробностей. Но, судя по имеющемуся материалу, доктор считал, что находка может быть использована в отношениях с гетами.

— С гетами? — поспешно переспросил саларианин. — И каким же образом?

— Трудно сказать. Возможно, он надеялся при помощи артефакта наладить с ними связь. А возможно, даже контролировать их. Информации недостаточно, чтобы быть уверенным. Но мы убеждены в том, что находка таит в себе серьезную угрозу. И не только для человечества, но и для всего галактического сообщества.

— Вы думаете, что теперь технологией владеют те, кто организовал нападение на Сидон? — спросил саларианин.

— Возможно, — несколько неуверенно ответила Гойль. — Пока еще не ясно, была ли находка переправлена на Сидон. Записи доктора Кийяна отличаются некоторой... эксцентричностью.

— Вы хотите сказать, что его психика была неустойчивой? — спросила асари.

— Да, этому имелись кое-какие свидетельства.

— А вы уверены, что продукт неизвестной технологии действительно существует? — усомнился salariанин. — Или мы обсуждаем бредовые идеи сумасшедшего?

— Но если этот предмет существует, — заметила Гойль, — нельзя идти на риск и игнорировать такую возможность.

— Необходимо разыскать тех, кто несет ответственность за нападение, — согласился турианин. — Пока они не обрушили на Галактику новую напасть!

— Вам стоит начать с Эдана Хад-даха, батарианина с Камалы. Лейтенант Дэвид Андерсон, по нашему указанию расследующий это дело, уверен, что за нападением стоит именно он. После просмотра файлов ваши специалисты смогут это подтвердить.

Возникла недолгая пауза, во время которой советники обсуждали ее заявление при выключенных проекторах и микрофонах.

— Эта информация будет передана призраку, расследующему данное дело, — после короткого совещания проинформировал ее salariанин.

— Совет выносит вам свою благодарность за предоставленные сведения, — добавила асари.

— Альянс не намерен противостоять Совету, — пояснила Гойль. — Хотя мы еще новички на галактической сцене, мы рады подтвердить свое желание сотрудничать и поддерживать мир с остальными расами Цитадели.

По выражениям лиц советников она поняла, что склонила их на свою сторону. Теперь пришло время выдвигать требования.

— Кали Сандерс, научный сотрудник базы на Сидоне, в данный момент скрывается на Камале, — продолжала посол Гойль, без промедления переходя к просьбе, которую советники, без сомнения, должны были удовлетворить. — У нас есть причины подозревать, что ее жизнь в этом мире подвергается опасности. Командование Альянса выразило желание направить на Камалу один из своих кораблей и забрать ее в определенной точке поверхности вне зоны космопорта, чтобы потом доставить в безопасное место.

— Этот запрос обоснованный, — после недолгих размышлений согласился турианин. — Совет берется провести необходимые переговоры с батарианским правительством и добиться разрешения на операцию.

— Есть еще одна просьба, с которой я хотела бы обратиться к Совету, — добавила посол Гойль, решив применить один из старых, но тем не менее эффективных приемов в переговорах: согласились на малое, согласятся и на большое.

При достижении договоренностей по не слишком важному вопросу между переговорщиками устанавливалась атмосфера сотрудничества и взаимопонимания, и стороны готовы были прийти к согласию и по более важным проблемам.

— Лейтенант Андерсон, оперативник Альянса, выявивший участие Эдана Хад-даха в сидонской трагедии, тоже находится на Камале.

— И вы хотите его тоже эвакуировать? — предположил salariанин.

— Не совсем так. Мы хотели бы, чтобы он сопровождал призрака в поисках Эдана.

— Зачем? — удивилась асари, и Гойль не поняла, было ли это простым любопытством, или у нее возникли какие-то подозрения.

— У нас есть несколько причин, — ответила Гойль. — Имеются основания предполагать, что доктор Кийян еще жив. Если он содержится в плену, мы хотели бы добиться его экстрадиции в Альянс, чтобы он перед судом ответил за гибель людей на Сидоне. Лейтенант Андерсон мог бы многому научиться в данных обстоятельствах. Репутация призраков всем хорошо известна: это представители Совета и защитники спокойствия галактического сообщества. Работа с одним из таких агентов даст возможность лейтенанту лучше понять методы призраков по сохранению мира и стабильности в Галактике.

Перед тем как продолжить, она немного помедлила, стараясь выразить следующий аргумент как можно точнее. Заготовленная просьба могла свести на нет все ее усилия, но именно ради этого посол Гойль просила Совет об аудиенции. И, как ей казалось, советники и

сами уже задумывались на эту тему.

— Мы также надеемся, что ваш агент впоследствии мог бы охарактеризовать участие лейтенанта Андерсона в данной миссии. Если он справится, возможно, он и сам заслужит право стать кандидатом в призраки.

— Присвоение ранга призрака — это длительный и сложный процесс, — возразил турианин. — Претенденты сначала должны на протяжении нескольких лет зарекомендовать себя отличными офицерами в армии или на службе закону, и только потом их кандидатуры рассматриваются для дальнейшего продвижения.

— Лейтенант Андерсон около десяти лет прослужил в военных силах Альянса, — заверила его Гойль. — Он окончил курс в нашей элитной группе Эйч-семь, был отмечен всевозможными поощрениями, медалями и другими наградами за отличное несение службы. Его личное дело в случае необходимости будет немедленно предоставлено членам Совета.

— Кандидаты обязаны пройти долгое и сложное обследование, — выдвинул салиарианин очередное возражение. — Это и проверка биографии, и психологические тесты, и еще требуется длительный период обучения и тренировок под наблюдением наших инструкторов.

— Я не прошу немедленно принять его в число призраков, — подчеркнула посол Гойль. — Только позвольте ему сопровождать Сэрена при выполнении данной миссии и оцените уровень его подготовки и возможный потенциал.

— Ваша раса не так давно вышла на просторы Галактики, — заговорила асари, наконец переходя к тому препятствию, о котором все тщательно умалчивали.

Официально призраки могли набираться из представителей любой расы, но за редким исключением они происходили из народов, представленных в Совете.

Такая избирательность была вполне обоснована: непосредственное подчинение призраков Совету и возможность действовать по своему усмотрению в обход любых законов придавало народу, из которого он происходил, дополнительный политический вес. Посвящение в призраки человека для всей остальной Галактики означало бы, что Совет рассматривает человечество на одном уровне с турианами, салиарианами и асари. Но такое положение не слишком грешило против истины, и потому посол Гойль сочла себя вправе настаивать на своей просьбе.

— Многие расы являются членами Цитадели не одно столетие, но из их рядов не был призван ни один призрак, — продолжала асари. — Удовлетворение вашего прошения может вызвать у них недовольство.

— Я уверена, они уже выражали свое недовольство, когда в состав Совета вошел турианин, — заметила Гойль.

— Тому способствовали исключительные обстоятельства, — возразил салиарианин, взяв на себя защиту представителя туриан. — Участие туриан оказалось решающим в окончании мятежа кроганов. Благодаря их вмешательству были спасены миллионы жизней.

«И еще их флотилия превосходила силы асари и туриан, вместе взятые», — добавила про себя Гойль.

— При нашей последней встрече вы сказали, что человечество должно быть готово приносить жертвы ради благополучия других рас, — сказала она. — Я могла бы попросить об этой уступке в обмен на информацию с Сидона, но я добровольно поделилась ею ради общего блага. Теперь я предлагаю вам помощь одного из лучших воинов Альянса, чтобы способствовать устранению угрозы, в создании которой мы невольно приняли участие. И все, что я прошу, так это рассматривать лейтенанта в качестве возможного кандидата в призраки.

Члены Совета некоторое время воздерживались от ответа. Гойль догадывалась, что они все еще относятся к ней с подозрением, зародившимся во время предыдущей встречи. Но настал момент установления равновесия, время взаимных уступок. Она должна доказать Совету, что человечество готово принять их правила игры.

— Я не выдвигаю никаких требований. Я не прошу никаких обещаний или признаний.

Я верю, что этот эксперимент пойдет на пользу лейтенанту Андерсону и Альянсу. И я надеюсь, что он укрепит связь между человечеством и остальными расами Цитадели. Я действительно убеждена, что таким образом мы научимся лучше понимать свой долг и обязанности по отношению к галактическому сообществу. Тем не менее, если вы откажете в моей просьбе, я с готовностью приму любое решение.

Гойль ожидала очередного частного совещания Совета, но, к ее немалому удивлению, асари тепло улыбнулась ей и огласила вердикт:

— Вы убедительно изложили ваше мнение, посол. Мы удовлетворим вашу просьбу.

— Благодарю вас, советник, — ответила Гойль.

Неожиданное согласие застало ее врасплох, но она постаралась не выдать своих чувств.

— На этом заседание Совета закрывается, — объявила асари.

Члены Совета поднялись со своих мест и скрылись из виду, покинув возвышение.

Гойль, задумчиво нахмурившись, стала неторопливо спускаться с Помоста Просителей. Она детально изучила все решения, принятые Советом за последние пять столетий. И в каждом случае советники поступали одинаково. При наличии любых разногласий они обсуждали вопрос, пока не приходили к единому мнению.

Как же получилось, что советник-асари единолично приняла решение удовлетворить ее просьбу?

Разгадка неожиданно возникла в ее голове уже на пороге кабины лифта. Они каким-то образом предугадали ее просьбу еще до того, как она была высказана. По всей видимости, они знали, к чему она клонит, и обсудили вопрос во время краткого совещания после упоминания Эдана Хад-даха. Члены Совета приняли решение задолго до того, как просьба была изложена.

Посол Гойль все это время считала, что контролирует процесс и манипулирует Советом по своему усмотрению, как это было на предыдущей встрече. В тот раз она застала их врасплох, но сегодня они подготовились заранее. Это советники контролировали ситуацию и разыгрывали сцену, заранее зная финал. Только в последний момент они чуть-чуть нарушили сценарий, слегка намекнув, что им были известны ее намерения.

Во время спуска на лифте посол Гойль старалась найти утешение в том, что и на этой встрече добилась того, чего хотела. Но она не привыкла, чтобы ею управляли, и не могла не спрашивать себя, не допустила ли где-то ошибку.

Почему Совет так охотно удовлетворил ее просьбу? Действительно ли они считают людей готовыми к этому? Или они ожидают провала Андерсона, чтобы впоследствии сдерживать аппетиты Альянса?

Кроме всего прочего, эта встреча вызвала у нее новое невольное восхищение Советом и тем, как он владеет искусством переговоров. Гойль считала себя знатоком дипломатии, но на этот раз настоящие мастера преподали ей урок.

Они безошибочно дали ей понять, что ничуть не хуже знают правила этой игры. Каким бы преимуществом ни обладал Альянс перед Советом, оно исчерпано. В следующий раз при встрече с ними лицом к лицу она уже не сможет быть такой же самоуверенной. Не важно, насколько хорошо она подготовится, в глубине души она постоянно будет ощущать сомнение: она ведет переговоры или ее направляет Совет?

Гойль ничуть не сомневалась, что Совет добивался именно такого результата.

ГЛАВА 18

— Мы почти на месте, лейтенант Сандерс, — доложил ей водитель, хотя ему пришлось кричать, чтобы быть услышанным на фоне ревущего мотора шести-колесного бронированного грузовика, который быстро катился по твердой поверхности песчаной пустыни в окрестностях Хейтра. — До места встречи осталось несколько километров.

Кроме водителя вместе с ней в машине ехали пятеро десантников Альянса; отряд охраны был собран в последний момент, чтобы сопровождать Кали, пока она находится вне

своего мира. Она и водитель сидели впереди, все остальные расположились в кузове. Четверых десантников приказ застал на Камале, еще двое по вызову командования прибыли с Элизиума прошлой ночью.

Машина принадлежала батарианам, ее предоставили во временное пользование Альянсу в ответ на «просьбу» Совета. Все эти детали были заранее обговорены послом во время подготовки эвакуации Сандерс с Камалы на территорию Альянса.

Двигатель завыл на подъеме по склону одной из бесчисленных дюн, простиравшихся под лучами заходящего солнца до самого горизонта. Минут через двадцать уже стемнеет, но к тому времени Кали будет на борту фрегата, посланного Альянсом специально за ней.

— Удивительно, что батариане согласились на это! — крикнул водитель, продолжая разговор. — Обычно они не разрешают приземляться вне зоны космопорта, особенно кораблям Альянса.

Его любопытство было понятно Кали. Водитель видел, что происходит нечто важное, но ему приказали лишь доставить ее до точки посадки. Никто не мог узнать о ее связи с Сидоном, а уж тем более о манипуляциях посла Гойль в Совете Цитадели, которая все это устроила. Кали хранила молчание; она меньше всего хотела объяснять происходящее водителю.

Интересно, сколько пришлось заплатить Альянсу за возможность ее эвакуации? Какую сделку они заключили? Возможно, Андерсон мог пролить свет на это дело, но за последнюю пару дней после ее признания в гостиничном номере он не произнес и двух десятков слов.

Кали не могла его за это винить. Он доверял ей, а она его использовала, по крайней мере, он так считал. Она прекрасно понимала, как больно может ужалить предательство. И вот теперь ее под охраной везут неизвестно куда, а лейтенант Андерсон остался на Камале и пытается отыскать доктора Кийяна.

Она много думала о том, чтобы разыскать его, когда все это закончится. Их первая встреча оказалась вынужденной; тогда Кали испытывала одиночество и страх, ей не на кого было опереться, кроме неприветливого и раздражительного отца, которого она почти не знала. Но даже за те несколько дней, что они провели вместе, у нее возникло чувство, что, возможно, они могли бы стать не просто друзьями.

Жаль, но он, скорее всего, больше не захочет с ней встречаться. Слишком силен был удар. Мысль о том, что они, возможно, больше никогда не увидят друг друга, причинила ей неожиданно сильную боль.

— Держитесь, мадам! — крикнул ей водитель.

Он резко крутанул руль, и внезапный поворот, едва не опрокинувший машину, развеял печальные размышления Кали.

— У нас появились попутчики!

В нескольких километрах от того места, на неприметном выступе скалы устроился Сэрэн, наблюдавший за силуэтом машины, которая увозила лейтенанта Альянса Кали Сандерс.

Накануне он получил новые инструкции от Совета Цитадели, вызвавшие в душе целую бурю противоречивых чувств. Сначала он пришел в ярость. Ему приказали работать в паре с человеком! И все из-за того, что Совет счел нужным вознаградить Альянс за предоставленную информацию по Сидону. За информацию, которую Сэрэн уже и сам сумел получить!

Он знал, что за нападением стоял Эдан Хад-дах. Но Сэрэн утаил эти сведения от Совета и теперь вынужден притворяться благодарным за то, что Альянс поделился своими успехами. Теперь в этой миссии ему придется сотрудничать с одним из представителей человечества. И не просто с человеком, а с этим проклятым лейтенантом Андерсоном, который и так все время вмешивался в расследование.

Но по мере того, как он читал полученные документы, его гнев сменился любопытством. Сэрэн знал об участии батариан, но о необычной находке, упоминающейся в

записях с Сидона, слышал впервые. Несмотря на отсутствие подробностей в полученных материалах, артефакт мог представлять собой реликвию из времени, предшествующего исчезновению протеан.

Сэрэн давно интересовался внезапным и необъяснимым вымиранием таинственной расы. Какое стечение неблагоприятных обстоятельств, какой катастрофический инцидент мог привести к тому, что раса, овладевшая просторами Галактики, исчезла меньше чем за одно столетие? Все следы их деятельности также исчезли; в наследство от некогда великого народа остались лишь ретрансляторы массы и сама Цитадель.

В объяснение этого факта были выдвинуты сотни предположений, но все они так и остались необоснованными теориями и пустыми разглагольствованиями. Истинная причина исчезновения протеан по сей день оставалась загадкой. И продукт древнейшей инопланетной технологии мог стать ключом к разгадке.

Научные записки доктора Кийяна позволили прийти к выводу, что был обнаружен корабль или космическая станция, обладающая свойствами искусственного интеллекта. Объект самостоятельно осуществлял контроль состояния и необходимый ремонт, не нуждаясь в помощниках органического происхождения, таких как хранители на Цитадели.

При дальнейшем исследовании доктор сделал предположение, что открытие поможет установить контакт с гетами или даже подчинить их. Это давало практически неограниченные возможности: колоссальная армия, миллиарды солдат, бесконечно преданных тому, кто овладеет контролем над их искусственным разумом.

По мере того как Сэрэн знакомился с документами, на смену любопытству пришел холодный практический расчет. После того как имя его противника стало известно, самой трудной задачей становились поиски Эдана. Скорее всего, он, подобно насекомому, спрятался в подземном бункере под корпусами одного из бесчисленных перерабатывающих заводов, разбросанных на тысячах квадратных километров песчаной и скалистой пустыни. Охота за ним грозила превратиться в слишком долгое занятие.

Так бы оно и случилось, если бы не материалы, полученные от Совета. В числе прочих сведений были и детали миссии по эвакуации с планеты лейтенанта Кали Сандерс. Сэрэн знал, что Скарр все еще не покинул Камалу; никто из агентов призрака не докладывал о появлении в космопорте огромного крогана. Скорее всего, он прячется вместе с Эданом.

Но Эдан нанял Скарра для ликвидации этой молодой женщины. Сэрэн довольно хорошо разбирался в обычаях батариан и понимал, что Эдан не станет терять лицо, скрывая убийцу, не выполнившего задание. При первой же возможности он снова пустит Скарра по следу Сандерс.

Сэрэн сделал все возможное, чтобы такая возможность представилась. Он знал о присутствии шпионов Эдана в каждом подразделении правительства Камалы, особенно в тех, что имели дело с космопортом. Ему только оставалось устроить так, чтобы запрос Совета о внеплановом приземлении корабля Альянса посреди пустыни нашел отражение в правительственных документах.

Необычный запрос наверняка привлечет чье-то внимание. И по цепочке платных осведомителей и агентов о нем неизбежно будет доложено Эдану. Сэрэн считал, что батарианину достанет сообразительности вычислить, кого именно собираются забрать с планеты солдаты Альянса.

Единственным недостатком плана была его откровенная очевидность. Если Эдан заподозрит ловушку, он не станет никого посылать.

Призрак продолжал наблюдать в мощный бинокль за машиной с отрядом Альянса, как вдруг водитель резко свернул в сторону, едва не опрокинув грузовик. Сэрэн быстро осмотрел окрестные дюны и отметил четыре пыльных шлейфа — это с четырех сторон к машине Альянса быстро приближались небольшие вездеходы с установленными на крышах орудиями.

Эдан проглотил наживку.

— Проклятие! — донесся из кузова грузовика крик десантника, когда снаряд преследующего их вездехода разорвался так близко, что грузовик качнуло.

Водитель старался изо всех сил. Он уклонялся от летящих снарядов и бросал машину то вправо, то влево, перескакивал дюны и форсировал мелкие лощины, не давая противнику взять грузовик в кольцо. Как всякий армейский транспорт, грузовик обладал довольно мощной броней, но это был всего лишь грузовик для перевозки солдат, а не боевая машина. У него не было орудий на крыше, а пластины брони предохраняли борта и корпус от выстрелов из снайперской винтовки и наземных мин. От противотанковых орудий, укрепленных на кабинах вражеских вездеходов, оставалось только одно средство — убежать.

Один из десантников в кузове отчаянно кричал в рацию, стараясь предупредить о сложившейся ситуации посланный за ними фрегат Альянса:

— Помогите! Помогите! Мы попали под обстрел. Зона приземления под обстрелом!

— У нас на хвосте не меньше четырех ублюдков! — крикнул ему водитель, пока грузовик подпрыгивал на мелких камнях и петлял между валунами.

— Нас преследуют четыре вражеских вездехода! — закричал радист. — «Иво Джита», вы меня слышите?

— Говорит «Иво Джита», — донеслось из трещавшего приемника. — Мы слышим вас, наземный отряд. Мы в четырнадцать минутах от точки приземления. Держитесь!

Радист от разочарования изо всех сил ударил кулаком в бронированный борт.

— Нам столько не выдержать!

— Надо удрать от них! — закричал водителю второй десантник.

— А что я, по-твоему, делаю, черт побери?! — откликнулся водитель.

Они взлетели на гребень дюны, и в этот момент взрывная волна очередного снаряда сорвала грузовик с земли и пронесла по воздуху не меньше десяти метров. Мощные амортизаторы поглотили основную силу удара, но Кали, даже пристегнутая ремнями безопасности, сильно стукнулась головой о потолок. От удара она сильно прикусила кончик языка, и во рту появился привкус крови.

Десанникам в кузове пришлось еще хуже. Они просто сидели на скамьях без всяких ремней. Удар сорвал их с мест, бросил в крышу, а потом все рухнуло на пол, ударяясь локтями, коленями и головами. Возгласы удивления и крики боли быстро сменились потоком ругательств в адрес водителя. Он не обратил на них никакого внимания и все время бормотал:

— Эти мерзавцы идут слишком быстро. Нам от них не уйти.

Кали казалось, что он разговаривает сам с собой. Широко раскрытые глаза водителя выдавали его ужас, и она опасалась, что он долго не продержится.

— Ты все делаешь отлично, — подбодрила его Кали. — Только продержись еще несколько минут. Ты можешь это сделать!

Он ничего не ответил, а только подался вперед и нагнулся ближе к рулю. Неожиданно водитель без всякого предупреждения развернул грузовик на 180 градусов, надеясь внезапным маневром оторваться от преследователей. Машина при резком развороте накренилась и почти потеряла сцепление с дорогой, на долю секунды колеса с одной стороны завертелись в воздухе, но потом резким толчком ударились о землю.

Как только все шесть колес оказались на земле, водитель до отказа нажал на педаль газа, и машина рванулась с места, разбрасывая щебень. Кали, сидящая на переднем сиденье, теперь отлично видела противника. Два вездехода шли по обеим сторонам, стараясь перегнать грузовик и свернуть наперерез. Две другие машины следовали по пятам и, постепенно приближаясь, не прекращали обстрел из орудий на кабинах. После внезапного разворота солдаты Альянса ринулись на своих преследователей.

— Ну, что, мерзавцы, посмотрим, кто первым свернет? — заорал водитель, до отказа выжимая газ.

Более медлительный, но массивный грузовик устремился в лобовую атаку на передний вездеход, в меньшей степени защищенный броней.

Ремни надежно удерживали Кали на сиденье и не дали вмешаться. В одно мгновение дистанция между двумя машинами сократилась почти до нуля, и она едва успела сгруппироваться перед ударом. В последний момент вездеход вильнул в сторону, но было слишком поздно, и столкновение предотвратить не удалось. Квадратный нос грузовика попал в передний левый край идущего впереди вездехода, и удар получился не прямым, а скользящим. Но при общей скорости в двести километров в час этого было более чем достаточно.

Вражеский вездеход буквально развалился на части. При столкновении его раму разорвало пополам. Траки лопнули, звенья разлетелись в стороны, дверцы распахнулись. Бесформенные куски металла с грохотом взлетели в воздух и обрушились на землю. В треснувший топливный бак попала искра, и он взорвался. Части вездехода мгновенно объяло пламя, превратившее их в груды почерневших обломков. Водитель погиб в первый же момент, вывалился из кабины и огненным шаром откатился по склону метров на сто.

Остальные пассажиры вездехода вылетели из машины при скорости в сто километров в час. Их тела по инерции пронесли по земле, ломая ноги, руки, позвоночники и раскалывая черепа. От соприкосновения с неровной почвой и камнями от них разлетались окровавленные куски плоти.

Более прочный грузовик выдержал удар, хотя передняя часть смялась в гармошку. После столкновения машина опрокинулась и перевернулась не меньше пяти раз, пока окончательно не остановилась вверх колесами. Кали едва не лишилась сознания. Удар ее оглушил, от кувыркания она потеряла ориентацию, а потом кровь прилила к голове и стала громко пульсировать в ушах. Она висела вниз головой, по-прежнему удерживаемая ремнем безопасности. Внезапно кто-то дернул за пряжку ремня, пытаясь его отстегнуть. Кали инстинктивно оказала сопротивление, но затем человеческий голос призвал ее успокоиться.

Она попыталась сосредоточиться. Грузовик больше не двигался, но мир вокруг все еще не переставал кружиться. Водитель все так же был рядом с ней. Рулевая колонка раскололась пополам, и зазубренный обломок вонзился ему в грудь, пригвоздив к спинке сиденья. Мертвые глаза остались широко раскрытыми, и остекленевшие зрачки, казалось, с укором смотрели на нее.

По-видимому, она все же потеряла сознание на несколько секунд. Один из десантников, ехавших в кузове, теперь стоял рядом с ней и, засунув руку в выбитое окно, пытался расстегнуть пряжку ремня. Кали прекратила сопротивляться, вытянула руки и уперлась в крышу, чтобы не удариться головой, когда ремень ослабнет.

Через секунду пряжка поддалась. Кали сумела уберечь голову от удара, но, падая, больно стукнулась коленом об изуродованную переднюю панель. Сильные руки ухватили ее за запястья и помогли выбраться в зияющую дыру, совсем недавно бывшую бронированным окном.

Кровь наконец отлила от головы, и Кали с облегчением выпрямилась и сфокусировала взгляд. Все десантники, ехавшие в кузове, каким-то чудом уцелели. Теперь они пятеро вместе с Кали собрались в тени машины, используя грузовик как укрытие.

И сразу раздалась стрельба. На этот раз это было не тяжелое уханье противотанковых орудий, а отрывистый стук винтовочных выстрелов. Им вторил металлический звон пуль, отскакивавших от бронированной машины, загораживающей их от врагов.

У Кали при себе не было даже пистолета, но десантники при падении сохранили свое оружие. К несчастью, шквальный огонь пригвоздил их к месту, и они не могли им воспользоваться. Стрельба велась так плотно, что слишком рискованно было высунуться из-за укрытия даже на долю секунды.

— Почему же они не используют орудия? — удивилась Кали, хотя ее голос почти потонул в громе стрельбы.

— Они хотят взять нас живьем! — ответил один из десантников.

Его взгляд в сторону Кали не оставлял сомнений в том, кого именно намерены захватить батариане.

— Они пытаются нас окружить! — крикнул другой десантник, махнув рукой в сторону горизонта.

Один из вездеходов заходил с противоположной стороны, но ехал так далеко, что едва виднелся. Его курс пролегал по отлогой дуге, и автоматы десантников не могли поразить вражескую машину.

Оглушительный рев, раздавшийся сверху, отвлек внимание Кали от далекого вездехода. Она безошибочно узнала звук двигателей космического корабля, входящего в атмосферу. Подняв голову, она разглядела маленький силуэт судна, стремительно спускавшегося к поверхности.

— Это же «Иво Джита»! — закричал один из солдат.

Корабль быстро приближался к одинокому вездеходу, который пытался обойти их с фланга. На высоте не более пятидесяти метров он резко затормозил и открыл огонь. Одного точного выстрела из корабельного «Стража» хватило, чтобы луч лазера превратил машину в груды искореженного металла.

«Иво Джита», не задерживаясь, быстро сменил курс и под восторженные крики десантников устремился к двум оставшимся вездеходам. Подкрепление прибыло!

Скарр заметил в небе фрегат задолго до того, как его смертоносный залп уничтожил второй из участвующих в атаке вездеходов Синих Солнц. Появление корабля Альянса было, безусловно, неприятным, но отнюдь не неожиданным событием.

Кроган действовал спокойно, быстро и решительно. Выпрыгнув из своего вездехода, он отдал несколько приказов наемникам. Солдаты, подчиняясь командам, быстро выгрузили и установили портативное скорострельное орудие.

В то время как фрегат прицеливался и стрелял в вездеход, Скарр зарядил пушку взрывным пакетом, содержащим сотни мини-снарядов, и тоже прицелился. Затем фрегат стал по широкой дуге приближаться к ним, и Скарр надежно выверил цель. Едва раздались радостные крики десантников, спрятавшихся под перевернутым грузовиком, он выстрелил.

Корабельная система «Страж» на «Иво Джите», способная определять и уничтожать вражеские ракеты, не выдержала нагрузки, когда на нее с близкого расстояния обрушился сверхскоростной залп огромного количества снарядов. В космическом пространстве кинетический защитный барьер безо всякого труда отбросил бы их всех, но перед спуском на поверхность для эвакуации наземного отряда энергетическая защита была отключена. Как и подозревал Скарр, у экипажа не хватило времени, чтобы ее реактивировать.

Сотни мини-снарядов вонзились в обшивку корабля и, разорвавшись, проделали дыры величиной с кулак. Внезапный шквал раскаленной шрапнели прорвался во внутренние помещения и изрешетил экипаж. «Иво Джита» потерял управление, вильнул в сторону, а затем врезался в землю и мгновенно взорвался огненным шаром. Огромные куски обшивки разлетелись во все стороны, заставив наемников разбежаться в поисках укрытия. Только Скарр, игнорируя дождь раскаленного металла, сдернул с плеча винтовку и зашагал к перевернувшемуся грузовику.

Он шел прямо к цели; солдаты Альянса, спрятавшиеся с другой стороны, не могли его увидеть. Бронированная машина, служившая им укрытием, полностью заслоняла обзор.

Наемники подтянулись вслед за кроганом и рассредоточились по обе стороны от него, чтобы иметь возможность продолжать стрельбу. Они не прекращали огонь по машине, заставляя десантников держаться позади грузовика.

Стрельба не беспокоила Скарра; он остановился в десяти метрах от грузовика, напрягся всем телом и сосредоточился на своих биотических способностях. Сигналы мозга активировали вживленные хирургическим путем автоматические усилители в его нервной системе. Кроган обратился к темной энергии, притягивал ее и поглощал, как черные дыры поглощают свет. Не меньше десяти секунд ему потребовалось, чтобы заряд достиг максимальной мощности. А потом Скарр выбросил вперед руку со сжатым кулаком и направил импульс на перевернутую машину.

Грузовик взлетел в воздух, пронесся над головами ошеломленных десантников и грохнулся на землю в дюжине метров позади них. Неожиданный маневр застиг врасплох солдат Альянса. В их обучении и тренировке ни о чем подобном не упоминалось. Не зная, как реагировать, они просто замерли — маленькая группа людей, припавших к песку.

Их всех тотчас можно было бы перестрелять, не будь противники так же изумлены, как и десантники. Наемники прекратили стрельбу и не без страха уставились на крогана, только что отшвырнувшего с дороги четырехтонный грузовик.

— Бросайте оружие! — приказал кроган.

Десантники, понимая, что бой проигран, подчинились. Они медленно встали на ноги и подняли руки над головами, оставив винтовки у ног. Выбора не оставалось, и Кали последовала их примеру.

Кроган шагнул вперед и схватил ее за предплечье, так сильно сдавив его, что у молодой женщины вырвался крик боли. Один из десантников дернулся, намереваясь ее защитить, но сейчас же шагнул назад. Кали облегченно вздохнула — он ничем не мог ей помочь, так что не имело смысла нарываться на пулю.

Наемники взяли на прицел десантников Альянса, а Скарр чуть ли не волоком потащил Кали к одному из вездеходов. Он бросил ее на заднее сиденье, а затем и сам взгромоздился рядом.

— Убейте их, — велел он наемникам, кивнув в сторону солдат Альянса.

Плотный залп заглушил протестующие крики Кали.

Сэрэн досмотрел всю сцену через окуляры бинокля и до самого конца не сдвинулся со своего тщательно выбранного наблюдательного пункта. Он удивился, что Скарр не убил Сандерс, а взял с собой. Очевидно, ее участие в этом деле было более значительным, чем предполагал призрак. Тем не менее это ничего не изменило.

Уже почти совсем стемнело; наемники расселись по вездеходам и, включив фары, отправились в пустыню.

Только тогда Сэрэн спрыгнул со своего выступа и пробежал к маленькому вездеходу, стоявшему неподалеку. Эта машина отлично подходила для ночного преследования: передние фары были снабжены специальными щитками, которые приглушали свет и направляли лучи в землю. Небольшого светлого пятна впереди вполне хватало, чтобы вести машину, но его было невозможно заметить с расстояния больше одного километра.

Зато мощные фары идущих впереди вездеходов служили ему надежными маяками в ночной пустыне. Сэрэн легко мог следить за ними даже с расстояния в десять километров.

Теперь ему оставалось только ехать за наемниками, и они приведут к убежищу Эдана.

ГЛАВА 19

Предстоящая встреча не могла не волновать Андерсона. Несмотря на то что Совет официально удовлетворил просьбу посла, он никак не мог отделаться от воспоминаний о последнем столкновении с Сэреном. Несколько долгих мгновений он был твердо убежден, что турианин намерен оставить его мертвым среди развалин «Дах-тана». И когда посол Гойль выяснила, что Сэрэн испытывает ненависть ко всем представителям Альянса, лейтенант ничуть не удивился.

— Личные дела призраков хранятся в секрете, — сказала Гойль, — но нашей разведке удалось выяснить нечто интересное. Похоже, что во время войны Первого Контакта у Сэрена погиб родной брат.

Андерсон знал, что многие туриане хранят горькие воспоминания об этом конфликте, особенно те, кто лишился членов семьи. И он подозревал, что Сэрэн принадлежит к тому типу личностей, которые не просто испытывают печаль, а постоянно подпитывают ее ненавистью. Такое чувство могло возникнуть из желания отомстить за павшего брата, но за восемь лет оно переросло в нечто более мрачное: искаженное и мучительное отвращение ко

всему человечеству.

Андерсон, как бы ни желал отыскать виновников нападения на Сидон, совершенно не горел желанием разделить эту миссию с Сэреном. У него даже возникло недоброе предчувствие, сродни тому опасению, которое он испытал на «Гастингсе» при поступлении с Сидона сигнала бедствия. Но он получил приказ и был твердо намерен его выполнить.

Тот факт, что турианин опаздывал на встречу уже почти на час, несколько не способствовал улучшению его настроения. Стараясь не обострять отношений, Андерсон предоставил Сэреному самому выбрать место и время встречи. И призрак выбрал полдень и маленький неопрятный бар в бедном районе на окраине Хейтра. В подобных заведениях посетители не имели привычки прислушиваться к разговорам соседей. Никто не проявлял желания узнать, чем занимаются другие клиенты.

В любом случае, сейчас их никто не смог бы подслушать. В середине дня заведение было почти пустым — вероятно, турианин не случайно выбрал это время. Все это было вполне понятно, но Андерсон, сидя в одиночестве за столиком со своим стаканом, невольно гадал, что за игру затеял Сэрэн.

Почему его до сих пор нет? Или это какая-то ловушка? Или попытка удержать его в этом месте, пока сам призрак продолжает расследование?

Еще через двадцать минут, когда Андерсон уже подумывал уйти, дверь распахнулась и появился тот, кого он ждал. Бармен и единственный кроме Андерсона клиент обратили внимание на нового посетителя, но, пока тот с сердитым видом шел к столику, уже опустили взгляды.

— Ты опоздал, — заметил Андерсон, как только Сэрэн уселся за столик.

Он не ждал извинений, но хотя бы каких-то объяснений.

— Я работал, — последовал краткий ответ.

Вид у турианина был измученный, словно он не спал всю ночь. Договаривались они накануне, поздним утром, сразу после того, как Андерсон поручил Кали отряду охраны для эвакуации из этого мира. Теперь у него складывалось впечатление, что с тех пор у Сэрена не было возможности отдохнуть. Наверное, пытался закончить какое-то дело раньше, чем придется сотрудничать с нежелательным партнером.

— Теперь мы работаем вместе, — напомнил призраку Андерсон.

— Я получил инструкции Совета, — не скрывая своего презрения, откликнулся призрак. — И готов выполнить их требования.

— Рад это слышать, — холодно произнес Андерсон. — При нашей прошлой встрече у меня возникло ощущение, что ты готов меня убить. — Нет смысла что-либо скрывать; Андерсон хотел точно определить, какими будут его отношения с призраком. — Надо ли мне и дальше оглядываться через плечо?

— Я никогда никого не убиваю без причины, — напомнил ему Сэрэн.

— А я считаю, ты всегда можешь найти причину, чтобы кого-то убить, — продолжил Андерсон.

— Но теперь у меня имеется веская причина сохранить тебе жизнь, — заверил его Сэрэн. — Если ты погибнешь, Альянс потребует мою голову. А вдруг Совет решит меня выдать? Или, по крайней мере, отзовет статус призрака? — Он сделал паузу и продолжил: — По правде говоря, мне совершенно безразлично, останешься ты жить или умрешь, человек. — По тону его голоса можно было подумать, что они обсуждают погоду. — Но я не намерен подвергать риску свою карьеру.

«До тех пор пока сам не надумаешь бросить это занятие», — подумал Андерсон.

— Ты получил предоставленные нами файлы? — спросил он.

Сэрэн кивнул.

— Что мы теперь предпримем? Как будем искать Эдана?

— Я уже нашел его, — самодовольно бросил турианин.

— Как? — удивился Андерсон.

— Я же призрак. Это моя работа.

Андерсон понял, что объяснений не будет, и решил не настаивать.

— И где же он?

— В бункере на перерабатывающем заводе, — ответил Сэрэн, а потом бросил на стол пачку бумаг. — Вот необходимые планы.

Андерсон едва не спросил, где он их взял, но быстро прикусил язык. Согласно законам, на все перерабатывающие заводы раз в полгода направлялись инспекции. Проверяющие органы имели право получать планы всех сооружений, так что призраку не составило труда добыть их.

— Я провел разведку местности, — продолжил Сэрэн. — Завод окружен комплексом жилых построек для рабочих, охрана минимальная. Если мы отправимся в путь после заката, можно будет попасть внутрь и при этом никого не потревожить.

— А что потом? Отыщем Эдана и уничтожим его?

— Я бы предпочел взять его живым. Для дознания.

От этого слова, прозвучавшего из уст призрака, Андерсон невольно вздрогнул. Он уже знал, что Сэрэн склонен к жестокости; нетрудно было вообразить, что допрос пленных, входивший в его обязанности, доставляет ему злобную радость.

Турианин, похоже, заметил его реакцию.

— Я тебе не нравлюсь, не так ли?

Какой смысл лгать? Сэрэн все равно ему не поверил бы.

— Да, ты мне не нравишься. И ты тоже не испытываешь ко мне особой приязни. Но я уважаю твою работу. Ты призрак, и я считаю, что ты прекрасно справляешься. Я надеюсь чему-нибудь у тебя научиться.

— А я надеюсь, что ты не помешаешь мне успешно завершить эту миссию.

Андерсон предпочел не поддаваться на явную провокацию.

— Ты говорил, что мы отправимся на перерабатывающий завод после заката. Что будем делать до тех пор?

— Я должен немного отдохнуть, — равнодушно ответил турианин, подтвердив догадки Андерсона. — Ехать от города до комплекса около двух часов. Если мы стартуем через два часа после заката, мы будем на месте около полуночи. Нам хватит времени, чтобы войти и выйти до того, как станет светло.

Турианин резко отодвинулся от стола, дав понять, что встреча закончена.

— Жди меня здесь в шестнадцать тридцать, — сказал он, встал и вышел из бара.

Андерсон подождал, пока Сэрэн скроется из виду, расплатился за напиток, бросив на стол пару кредиток, и тоже покинул бар. На Камале действовало стандартное галактическое время, так что сейчас было только двенадцать часов. Торчать в этом унылом заведении еще четыре часа ему не хотелось.

Кроме того, он со вчерашнего утра не разговаривал с послом Гойль. Пожалуй, самое время связаться с ней и узнать, как дела у Кали. Строго для пользы миссии, конечно.

— Эта линия безопасна, лейтенант? — спросила его посол Гойль.

— Настолько, насколько может быть безопасна любая линия на территории батариан, — ответил Андерсон.

Они общались в режиме видео и в реальном времени. Такой способ связи между колонией в Скайллианском Краю и Цитаделью был довольно сложным и невероятно дорогим процессом, но Андерсон считал, что Альянс может себе такое позволить.

— Я встретился с Сэреном. Похоже, он все-таки склонен взять меня с собой.

Прежде чем попасть на терминал посла в Цитадели, сигнал кодировался, передавался в пакет информации первоочередной важности, потом транслировался на орбитальный бакен Камалы и странствовал по сети экстранета. Задержка в передаче была едва заметной, но в изображении на мониторе то и дело появлялись слабые помехи.

— Что еще он рассказал вам, лейтенант?

Хмурое лицо посла Гойль выражало настороженность.

— Что-то случилось, мадам?

Она немного помедлила, тщательно подбирая слова.

— Как вам известно, вчера мы поспали «Иво Джиту» для эвакуации Сандерс. После входа в атмосферу экипаж обнаружил, что наземный отряд подвергся нападению.

— Что произошло? — Лейтенант почувствовал, что знает ответ.

— «Иво Джита» поспешил на помощь, но потом связь с ним пропала. К тому времени, когда нам удалось убедить местные власти организовать спасательную партию, было слишком поздно. Все десантники, охранявшие Сандерс, погибли. «Иво Джита» сбит. На борту тоже никто не выжил.

— А что с лейтенантом Сандерс? — спросил Андерсон, отметив, что имени Кали посол не назвала.

— О ней ничего не известно. Мы считаем, что ее могли взять в плен. Очевидно, за нападением стоят Эдан и доктор Кийян.

— Как они узнали о плане эвакуации? — возмутился Андерсон.

— Запрос на приземление корабля вне зоны космопорта попал в банк данных транспортной системы Хейтра. Вероятно, кто-то увидел эту информацию и передал ее Эдану.

— Кто это допустил?

Андерсон тотчас вспомнил опасения Кали, что кто-то из командования Альянса мог быть замешан в этом деле.

— Это невозможно выяснить. Нет оснований утверждать, что утечка информации была преднамеренной. Это могла быть просто чья-то оплошность.

— При всем уважении, мадам, мы оба знаем, что случайность исключена.

— Это не меняет вашего задания, лейтенант, — предупредила его посол. — Вашей целью по-прежнему остается доктор Кийян.

— А как же лейтенант Сандерс?

Посол Гойль вздохнула:

— Мы надеемся, что она еще жива. Если вы отыщете Кийяна, скорее всего, отыщете и ее.

— Что-нибудь еще, мадам?

Вопрос прозвучал намного резче, чем он хотел. Мысль о том, что Кали снова предали, совершенно выбила его из равновесия. Хоть Андерсон был далек от того, чтобы подозревать посла, именно она готовила операцию. И он не мог не винить мадам Гойль за то, что она позволила случиться утечке информации.

— Сэрэн будет давать оценку вашему участию в этом задании, — сказала ему посол, искусно напоминая об истинных приоритетах. — Покажите, на что вы способны, и тогда можно будет убедить Совет, что представитель человечества достоин статуса призрака. Не мне вам объяснять, какое значение это имеет для Альянса, — добавила она.

— Я все понял, посол, — уныло ответил лейтенант.

Андерсон признавал, что Гойль права: личные чувства должны остаться в стороне ради благополучного завершения миссии.

— Мы все рассчитываем на вас, лейтенант, — сказала Гойль, прежде чем отключить связь. — Не подведите нас.

На вторую встречу Сэрэн не опоздал. Более того, когда Андерсон пришел, он уже ждал его, сидя за тем же самым столиком. Посетителей в баре прибавилось, но нельзя сказать, чтобы заведение было переполнено.

Лейтенант прошел прямо к турианину и сел напротив. Он не стал тратить время на приветствия.

— А ты не заметил Кали Сандерс во время поисков убежища Эдана? — выпалил он.

— Это больше меня не касается, — пожал плечами Сэрэн. — И тебя тоже. Сосредоточься лучше на Эдане и Кийяне.

— Это не ответ, — настаивал Андерсон. — Ты видел ее или нет?

— Я не позволю, чтобы жизнь одного человека стала препятствием к выполнению миссии! — прошипел Сэрэн.

Что-то в его тоне дало новое направление мыслям Андерсона; в его мозгу внезапно вспыхнул свет озарения.

— Это ты позволил информации о ее эвакуации просочиться наружу! И так отыскал Эдана! Ты вчера вечером использовал Кали в качестве приманки, а потом проследил за наемниками Эдана и вычислил, где он прячется. Вот почему ты опоздал на утреннюю встречу!

— Это была единственная возможность! — отрезал Сэрэн. — Поиски Эдана могли затянуться на месяцы. А у нас нет времени! Я не должен тебе ничего объяснять. Мне представился шанс, и я им воспользовался!

— Ах ты, сукин сын! — крикнул Андерсон.

Он вскочил со своего места и попытался схватить турианина за шею. Но призрак оказался для него слишком проворным. Он отскочил, увертываясь от хватки Андерсона, а затем схватил лейтенанта за вытянутые руки и, дернув на себя, лишил точки опоры.

Лейтенант качнулся вперед, а Сэрэн, отпустив одно запястье, с силой вывернул вторую руку человека и завел ему за спину. Затем он просто позволил падающему по инерции лейтенанту рухнуть на пол. Не отпуская руки, Сэрэн еще и придавил Андерсона коленом к полу.

Еще несколько секунд Андерсон пытался сопротивляться, но так и не смог вырваться. Он ощутил, как Сэрэн сильнее выворачивает ему руку, и решил сдаться, пока призрак не переломал ему кости. При виде драки остальные посетители вскочили со своих мест, но, как только поняли, что турианин надежно держит человека, снова уселись и переключили внимание на свои стаканы.

— Вот что значит быть призраком, — прошептал Сэрэн, все еще нависая над лейтенантом. Он наклонился так низко, что Андерсон ощутил на шее его горячее дыхание. — Приходится жертвовать одной жизнью ради сохранения миллионов. Работа Кийяна представляет угрозу для каждой расы в пространстве Цитадели. Я увидел шанс остановить его ценой нескольких десятков жизней. Расчет очевиден... Вот только немногие могут правильно его произвести, человек.

— Я понял, — отозвался Андерсон, стараясь говорить спокойно. — Отпусти меня.

— Еще одна такая выходка, и я тебя уничтожу, — предупредил его призрак, прежде чем освободить.

Андерсон ничуть не сомневался в правдивости его слов. Кроме того, драка с Сэрэном в этом баре ни к чему не приведет. Чтобы выручить Кали, надо проявить сообразительность, а не поддаваться эмоциям.

Лейтенант поднялся и надолго уперся взглядом в турианина. Несмотря на ожесточенную борьбу, пострадала только его гордость. Лейтенант отряхнул пыль и снова сел за столик. Призрак, убедившись, что человек намерен держать свой нор в рамках, последовал его примеру.

— На месте происшествия тело Кали не было обнаружено, — сказал Андерсон, возобновляя разговор с того места, на котором он был прерван. Ему надо составить план по освобождению Кали, а он пока даже не знает, где она находится. Как бы ни был ему противен турианин, нужно попытаться привлечь его на свою сторону. — Ты был там? Видел, что произошло?

— Ваш наземный отряд был атакован Скарром и Синими Солнцами, — сообщил ему Сэрэн. — Когда бой был безнадежно проигран, ваши солдаты попытались сдаться, но Синие Солнца перестреляли всех до одного.

— А что насчет Кали? Она еще жива?

— Была жива, — сказал Сэрэн. — Ее увезли к тому же заводскому комплексу. Вероятно, она им зачем-то понадобилась.

— Если они прознают о нашем приходе, ее могут убить, — заметил Андерсон.

— Мне все равно.

Андерсону потребовался весь запас воинской дисциплины, чтобы снова не броситься в драку, но он все же сумел усидеть на своем стуле.

— Она для меня кое-что значит. — Лейтенант изо всех сил старался, чтобы его голос звучал спокойно. — Я хочу предложить тебе сделку.

Турианин пожал плечами: этот универсальный жест выражал безразличие на языке тела всех рас.

— Что за сделка?

— Ты не желаешь, чтобы я шел туда с тобой. Ты согласился на это лишь по требованию Совета. Доставь меня до убежища Эдана и дай шанс спасти Кали, тогда я обещаю держаться от тебя подальше до окончания миссии.

— Что ты подразумеваешь под «шансом спасти Кали»? — подозрительно спросил турианин.

— Если они поймут, что их логово обнаружено, они могут ее убить. Позволь мне первым проникнуть на завод. И дай тридцать минут, чтобы отыскать Кали, а потом отправишься за Эданом и Кийяном.

— А вдруг тебя кто-нибудь увидит? На заводе имеется охрана, — напомнил турианин. — Не говоря уже о наемниках Эдана. Ты поднимешь тревогу, и они будут наготове. Ты осложнишь мою работу.

— Нет, — возразил Андерсон. — Наоборот, я облегчу ее. Я их отвлеку. Все бросятся за мной, и никто не заметит, как ты пройдешь внутрь с другой стороны.

— Если ты попадешь в ловушку, я не стану тебя вытаскивать, — предупредил его Сэрэн.

— Ничего другого я и не ожидал.

Сэрэн не меньше минуты обдумывал предложение, но потом кивнул:

— Тридцать минут. И ни одной секундой больше.

ГЛАВА 20

За всю долгую поездку по ночной пустыне никто из них не проронил ни слова. Сэрэн сидел за рулем и не отрываясь смотрел через ветровое стекло на дорогу, а Андерсон изучал план завода. Он надеялся обнаружить какую-то зацепку, чтобы определить местонахождение Кали, но там было слишком много помещений, пригодных для импровизированной темницы, и лейтенант старался хорошенько запомнить план, чтобы быстро отыскать дорогу, когда окажется внутри.

Примерно через час впереди показалось неяркое зарево; в темноте замерцали огни перерабатывающего завода. Производство элемента zero велось круглосуточно — в две дневные смены и две ночные, и в каждой трудились около двух сотен рабочих. Чтобы привлечь такое количество народу, при заводе был возведен рабочий поселок, где сотрудники обеспечивались бесплатным жильем и питанием. Сборные щитовые домики широким кольцом охватывали заводской комплекс, в свою очередь окруженный забором из колючей проволоки.

За несколько сотен метров от края рабочего поселка Сэрэн остановил машину.

— Отсюда пойдем пешком.

Андерсон постарался запомнить место: после того как он спасет Кали, ему придется быстро найти вездеход в темноте. Если он заблудится, Сэрэн вряд ли станет его искать.

Он приготовил пистолет, но все еще не решил, брать ли с собой автоматическую винтовку. На пистолете имелся глушитель, а громкий выстрел из винтовки сразу оповестит охрану о его присутствии. Кроме того, из пистолета легче тщательно прицелиться, чем из автоматического оружия.

— Она тебе понадобится, — посоветовал Сэрэн, заметив его нерешительность.

— На заводе в основном простые рабочие, — пояснил Андерсон. — Они даже не вооружены.

— Эдан держит при себе достаточно много Синих Солнц. Ты наверняка встретишься и с ними тоже.

— Меня не это беспокоит. Я не хотел бы случайно застрелить кого-то из невинных гражданских лиц.

Сэрэн едко рассмеялся:

— Ты все никак не можешь привыкнуть, человек? У большинства рабочих на этом заводе имеется собственное огнестрельное оружие. Этот завод предоставляет им средства к существованию. Они, конечно, не солдаты, но в случае опасности попытаются защитить его.

— Мы же не собираемся его разрушать, — возразил Андерсон. — Нам необходимо только схватить Эдана и Кийяна и освободить Кали, а потом выбраться отсюда.

— Но они-то этого не знают. Как только рабочие услышат сирены и выстрелы, они подумают, что на завод напали террористы. Тебе не потребуется меткость, когда половина рабочих будет метаться вокруг в слепой панике, а вторая половина начнет палить из ружей. Если ты собираешься выбраться из этого дела живым, — продолжал Сэрэн, — лучше убивать всех, кто попадется на пути. Иначе они могут попытаться убить тебя.

— Необходимость — это одно, но как ты можешь так спокойно рассуждать об убийстве невинных работников? — изумленно спросил Андерсон.

— Практика. Огромная практика.

Андерсон покачал головой и взял винтовку, хотя и пообещал себе не пользоваться ею без особой необходимости. Он сложил винтовку и сунул в кобуру на спине. А затем пристегнул пистолет на бедро, откуда мог быстро достать его.

— Расходимся, — скомандовал Сэрэн. — Я пойду на восток, а ты обойдешь с другой стороны.

— Ты обещал мне полчаса форы, — настойчиво напомнил ему Андерсон.

— У тебя будет тридцать минут, человек. Но если я не увижу тебя в вездеходе, когда вернусь, ты останешься здесь.

Почти в полной темноте Андерсон быстро преодолел расстояние, отделявшее его от рабочего поселка. Несмотря на то что время близилось к полуночи, повсюду кипела жизнь. Из-за постоянно сменяющихся вахт всегда кто-то заканчивал смену, а кому-то пора было собираться на работу. Вокруг завода расположился целый городок. Здесь обрели пристанище более тысячи рабочих; мужья, жены и даже дети беспрестанно сновали по улице, обменивались приветствиями и новостями, а потом снова спешили по своим делам.

При такой активности Андерсону не составило труда смешаться с толпой. Чтобы скрыть бронекостюм и оружие, он набросил сверху длинный темный плащ. И несмотря на то что большинство населения составляли батариане, здесь встречались и представители других рас, в том числе и люди, так что его появление никого не удивило.

Лейтенант проталкивался сквозь толпу прохожих, время от времени кивая своим собратьям-людям. Он шел, быстро приближаясь к ограде заводского комплекса. Времени у него было очень мало, но бег мог привлечь ненужное внимание.

Минут через пять он пересек поселок. Дома рабочих образовывали равномерное кольцо вокруг всего комплекса, но жить вплотную с колючей проволокой никто не хотел. Внутренний край поселка отстоял от заводской ограды на сотню метров, оставляя широкую полосу пустой и неосвещенной земли, на которой стояло лишь несколько общественных прачечных.

Андерсон продолжал идти, пока не вышел за пределы освещенного пространства, подальше от посторонних глаз. Любой, кто мог его видеть, подумал бы, что человек направляется к душевым кабинам, и тотчас позабыл бы об одиноком прохожем.

Оказавшись в безопасной темноте, лейтенант нацепил очки ночного видения и перешел на бег. При помощи кусачек он быстро проделал дыру в ограде завода. Плащ мог помешать

ему, поэтому Андерсон сбросил его. За оградой лейтенант вытащил из кобуры пистолет, все же надеясь, что не придется пускать его в ход.

С этого места миссия Андерсона усложнялась. По наружному периметру время от времени проходили патрули; стоило кому-нибудь из охранников его увидеть, как на заводе тотчас прозвучали бы сигналы тревоги. Но ускользнуть от охранников оказалось не так уж трудно — они пользовались яркими фонарями, чтобы освещать путь, и патруль было видно издалека.

Наконец Андерсон осторожно приблизился к углу здания. Комплекс был огромным: в главном здании, высотой в четыре этажа, располагалось основное производство. С обеих сторон от него стояли небольшие двухэтажные постройки, где находились склады, администрация, транспортные цеха и ремонтные мастерские. Туда и решил отправиться Андерсон.

Он обогнул здание, где находились мастерские, и остановился у пожарного выхода. Дверь оказалась запертой, но лишь на простую механическую задвижку, никаких электронных замков. На перерабатывающем заводе, стоявшем посреди пустыни, могли не опасаться случайных воришек, и потому против тайного проникновения при строительстве не принималось никаких мер.

Андерсон прикрепил на замок маленький шарик взрывчатки, отступил на несколько шагов и выстрелом из пистолета активировал заряд. Последовал резкий удар, сопровождаемый ослепительной вспышкой, и дверь распахнулась. Лейтенант немного подождал, не придет ли кто-нибудь на шум, но все было тихо, и Андерсон шагнул внутрь.

Как оказалось, он попал в раздевалку для рабочих. В комнате было пусто: смена давно началась и все работники уже разошлись по местам. В одном углу обнаружилась колесная тележка из прачечной, заваленная промасленными комбинезонами. Андерсон порывлся в куче спецовок, нашел подходящую, чтобы закрыть бронекостюм, и натянул ее на себя. Пришлось вытащить пистолет и винтовку — не хотелось путаться в одежде, если придется в случае необходимости доставать оружие. Пистолет он положил в глубокий карман, а винтовку не стал собирать, а просто завернул в большое полотенце, обнаруженное в той же тележке.

Маскировка, конечно, оставляла желать лучшего, но она позволяла ему обследовать завод, не привлекая особого внимания. При беглом взгляде его вполне могли принять за одного из ремонтников, спешащего на вызов, и рабочие вряд ли будут к нему приглядываться.

Андерсон отвернул рукав спецовки и взглянул на часы. Прошло пятнадцать минут. Надо торопиться, если он надеется найти Кали и выбраться наружу до того, как Сэрэн начнет операцию.

Сэрэн, притаившийся на окраине поселка, взглянул на часы. Прошло пятнадцать минут. Андерсон теперь где-то в глубине завода — слишком далеко, чтобы возвращаться.

Турианин прикрыл оружие широким плащом — почти таким же, как и у Андерсона, а потом решительно направился к поселку.

Он достаточно долго ждал. Пора приступить к выполнению задания.

Андерсон заглянул во всевозможные закоулки ремонтной мастерской и вышел в главное здание. При виде первого рабочего у него тревожно забилося сердце. Но батарианка лишь на секунду задержала на нем взгляд, потом отвернулась и, не сказав ни слова, пошла по своим делам. По пути в многочисленных холлах ему встретились еще несколько заводских рабочих, но никто из них тоже не обратил на лейтенанта внимания. Он стал уже серьезно беспокоиться — времени на обыск всего здания у Андерсона не было. Лейтенант предполагал, что Кали содержат где-то на нижнем этаже, однако до сих пор не обнаружил никаких признаков, указывающих на ее присутствие.

И вот наконец он увидел то, что искал: табличку с надписью «Вход воспрещен», висевшую над лесенкой, ведущей, как он помнил по плану, в небольшую кладовую для

инструментов. Табличка была настолько новой, что еще блестела; ее наверняка повесили не больше двух дней назад.

Андерсон поспешил вниз по ступеням. У подножия сидели два крепких батарианина с татуировками Синих Солнц на лицах. Они со скучающим видом развалились на стульях по обе стороны от массивной стальной двери, а винтовки прислонили рядом с собой к стене. Ни один из них не носил бронекостюм — вполне понятно, если учесть расположение этого поста. Вероятно, они сидели здесь целый день, а в бронекостюме было довольно тяжело двигаться и к тому же нестерпимо жарко.

Охранники уже заметили Андерсона, так что он просто продолжал спускаться. Скорее всего, они были предупреждены о возможном появлении турианского призрака, и человек в спецовке рабочего вряд ли казался им достойной угрозой.

Андерсон добрался до маленькой площадки у подножия лестницы, и только тогда один из наемников поднялся, взял свою винтовку и нацелил дуло ему в грудь. Лейтенант замер. Между ним и батарианином оставалось не более пяти метров; при таком расстоянии он едва ли выживет, если наемник спустит курок.

— Что это у тебя? — спросил охранник, показав дулом на завернутую в полотенце винтовку, которую Андерсон зажал под мышкой.

— Кое-какие инструменты. Их надо держать сухими.

— Положи сверток на пол.

Осторожно, чтобы не развернулось полотенце, Андерсон нагнулся и выполнил приказ.

Теперь у него в руках не было ничего, что могло бы сойти за оружие, и охранник спокойно опустил винтовку.

— В чем дело, человек? — грубо спросил он. — Ты не умеешь читать по-батариански?

Его вопрос вызвал взрыв хохота у напарника, все так же спокойно сидевшего на стуле.

— Мне надо взять из этой кладовки кое-какие инструменты, — ответил Андерсон.

— Только не из этой. Разворачивайся.

— У меня имеется пропуск от начальства, — сказал Андерсон и засунул руку в карман, словно пытаясь найти бумагу.

Батарианин раздраженно-скучающе наблюдал за его движениями и даже представить не мог, что лейтенант уже обхватил рукоятку пистолета и тронул пальцем курок. Вместительный карман спецовки позволял свободно поворачивать оружие; Андерсон поднял ствол до уровня живота батарианина и дважды выстрелил. Пули пробили ткань спецовки и вонзились в охранника.

Наемник выронил винтовку, качнулся назад и инстинктивно попытался зажать руками раны. По инерции он сделал еще два шага до стены, медленно сполз на пол и утонул в ручейки крови, сочившейся из пулевых ран в животе.

Его напарник изумленно замер; глушитель делал выстрелы тихими, и он, вероятно, их даже не услышал. Ему потребовалось не менее секунды, чтобы понять, что произошло. Изумление на его лице сменилось настоящим ужасом, и батарианин протянул руку к своей винтовке. Андерсон вытащил пистолет из кармана и почти в упор дважды выстрелил в грудь второго охранника. Наемник накренился набок, упал со стула и затих.

Андерсон тотчас перевел пистолет на первого охранника, все еще неподвижно сидевшего на полу у стены.

— Не надо, — взмолился батарианин, когда понял, кто перед ним. — Это Скарр приказал стрелять в солдат Альянса. Я не хотел их убивать.

— Но все-таки убил, — бросил Андерсон и выстрелил точно между глаз.

Он сбросил спецовку, засунул пистолет в кобуру на бедре и, развернув винтовку, привел ее в боевую готовность. А потом ударом ноги распахнул дверь.

ГЛАВА 21

Сэрэн, как до него Андерсон, проник на завод через пожарный выход в одной из

маленьких двухэтажных пристроек. Но лейтенант двигался к главному зданию завода с западной стороны, а Сэрэн прошел с востока, через транспортный цех и склад. Кроме того, в отличие от своего напарника-человека, призрак не стал беспокоиться насчет маскировки.

Двое грузчиков посмотрели на него с удивлением, а потом, осознав, что перед ними турианин в бронекопье и с винтовкой в руке, собрались завопить от страха. Два выстрела Сэрэна оборвали их жизни и не дали возможности позвать на помощь.

Сэрэн быстрыми шагами пересек склад и прошел в главное здание. И опять, в отличие от Андерсона, он точно знал, куда идти. Его путь пролегал по нижнему уровню завода, где плавляли богатую элементом zero руду и снимали с кипящей поверхности посторонние примеси. Потом раскаленный поток направлялся в гигантскую центрифугу, окончательно отделявшую драгоценный элзо. На ходу Сэрэн убил еще троих служащих.

Вскоре на стене встретила надпись «Доступ ограничен», и турианин понял, что близок к цели. Он свернул за угол и распахнул дверь, на которой красовалась надпись: «Вход только по пропускам». Навстречу взметнулась волна горячего тумана, от которого защищало глаза и горло. Внутри дюжина инженеров наблюдали за процессом плавки с мостков, подвешенных вокруг гигантских плавильных ванн и огромного ядерного генератора, используемого для получения необходимой температуры. Они следили за процессом переработки руды и за тем, чтобы оборудование работало с наибольшей эффективностью и не допускало потенциально опасных сбоев.

Эти служащие носили на головах наушники, защищавшие их от непрерывного гула турбин генератора, но один из них увидел Сэрэна и попытался криком предупредить остальных. Его слова потонули в грохоте генератора точно так же, как и грохот последующих выстрелов, которыми Сэрэн уничтожил всех сотрудников. Стрельба продолжалась меньше минуты — жестокая эффективность была одним из показателей работы призрака. Как только погиб последний из инженеров, скатившийся с двадцатиметровой высоты в чан с расплавленной рудой, Сэрэн приступил к очередной стадии своего плана.

В помещении завода имелось слишком много укромных уголков. Слишком много мест, где Эдан мог спрятаться под защитой кордона вооруженных наемников. Сэрэну нужно было что-нибудь предпринять, чтобы его вспугнуть. Несколько грамотно расставленных зарядов вызовут целую серию катастрофических взрывов, и начнется всеобщая эвакуация.

Сэрэн закончил последние приготовления и поспешил на верхний уровень. В момент взрыва он предпочитал находиться вне зоны поражения.

Кали была измучена голодом, жаждой и усталостью. Но кроме всего прочего, она испытывала страх. Кроган сказал, что доктор Кийян придет навестить ее через несколько дней, но это было все, что она узнала. Скарр затащил ее в маленькую темную кладовку и запер за собой дверь. С тех пор она никого не видела и ни с кем не разговаривала.

Ей хватало сообразительности понять действия похитителей. Неизвестно, что понадобилось от нее доктору Кийяну, но перед встречей они хотели лишить ее воли к сопротивлению. Весь день Кали провела в полной темноте без еды и питья. В кладовке даже не поставили ведра, и ей пришлось ходить в туалет тут же, в углу.

Дня через два или три доктор Кийян придет со своим предложением. Если она согласится, ей дадут поесть и напиться. Если откажется, ее снова бросят в импровизированную камеру, а через три дня снова придут.

Если она откажется во второй раз, положение может стать очень серьезным. Вместо голода и морального давления они способны перейти к физическим истязаниям. Кали в любом случае не желала помогать доктору Кийяну, но будущее страшило ее. Сильнее всего угнетала мысль, что рано или поздно они своего добьются. Пройдет несколько дней, может быть, недель, но бесконечные пытки и мучения сломают ее, и похитители получат то, что хотят.

Первые несколько часов заключения она провела в поисках способа ускользнуть, но

быстро поняла, что все ее попытки безнадежны. Она немало повозилась с единственной дверью кладовой, но замок был заперт снаружи, а с внутренней стороны не было ручки. Даже если бы ей удалось выйти из кладовой, с той стороны наверняка ее караулят вооруженные стражники.

Она даже не могла покончить жизнь самоубийством. Нельзя сказать, чтобы она решилась на это, но комната, в которой она находилась, была абсолютно пустой: ни труб, к которым можно было бы привязать веревку, ничего такого, что могло бы нанести серьезную рану. На мгновение она задумалась, нельзя ли разmozжить голову об стену, но пришла к выводу, что только разобьет лоб и причинит себе лишние страдания — а она подозревала, что в будущем ей и так достанется немало мучений.

Ситуация казалась безнадежной, но Кали старалась не поддаваться отчаянию. А потом она услышала шум; эти звуки были для нее приятнее ангельского пения. Из-за двери донесся грохот стрельбы, значит, кто-то пришел ей на выручку.

Андерсон рывком распахнул дверь, охраняемую двумя наемниками. За ней оказался просторный чулан. Все содержимое было вынесено, и в помещении остался лишь один стол и несколько стульев. Еще четверо батариан из банды Синих Солнц сидели вокруг стола и играли в карты. В углу в одиночестве стоял Скарр. Как и наемники снаружи, эти охранники тоже были без бронекостюмов.

Кроган стал первой мишенью — залп пуль угодил ему прямо в грудь. Скарр от удара раскинул руки, качнулся назад, а его винтовка лязгнула об пол. Кроган ударился спиной о стену, развернулся и упал лицом вниз; из многочисленных ран хлынула кровь.

Наемники при неожиданном нападении опрокинули стол и разбежались. Андерсон, увидев, что Кали в комнате нет, окатил помещение автоматической очередью. Застигнутые врасплох батариане погибли прежде, чем успели хотя бы раз выстрелить в ответ. Эту бойню нельзя было назвать ни честной схваткой, ни поединком, но Андерсон не стал огорчаться по этому поводу.

Прекратив стрельбу, он заметил в противоположной стене небольшую дверь. Возможно, она вела просто в туалетную комнату, но тяжелый замок и металлические пластины наводили на другие мысли.

— Кали?! — закричал Андерсон и заколотил кулаком в дверь. — Кали, ты здесь? Ты меня слышишь?

Из-за двери послышался ее сдавленный голос:

— Дэвид?! Дэвид! Пожалуйста, вытащи меня отсюда!

Он дернул замок, но тот оказался запертым. Можно было сорвать его при помощи взрывчатки, как дверь запасного выхода, но Андерсон побоялся, что взрыв заденет Кали.

— Держись! — крикнул он ей. — Надо найти ключ.

Его взгляд, быстро obeжав помещение, остановился на крогане, неподвижно лежавшем в углу. Из-под него по полу уже растекалась обширная лужа крови. Если ключ находится в этой комнате, он наверняка у Скарра.

Он подбежал к наемному убийце, положил на пол винтовку и, взявшись обеими руками за плечо крогана, изо всех сил рванул на себя, чтобы перевернуть тело. Грудь Скарра превратилась в кровавое месиво — в цель попало не меньше дюжины пуль. Вся одежда пропиталась теплой густой и темной жидкостью.

Андерсон невольно поморщился и протянул руку, чтобы обыскать карманы. Внезапно глаза Скарра распахнулись, рука крогана резко взлетела вверх и схватила Андерсона за горло. Раненый монстр с ревом поднялся на ноги, вздернув лейтенанта над полом одной рукой; его вторая рука бессильно повисла вдоль туловища.

Андерсон, беспомощный, словно ребенок, забился в воздухе, а пальцы крогана стали сжиматься, постепенно выдавливая из него жизнь.

«Невероятно, — думал Андерсон. — Никто не может остаться в живых после таких ранений. Никто, даже кроган!»

Должно быть, Скарр заметил в его глазах изумление.

— Вам, людям, еще многое предстоит узнать о моем народе, — прорычал он, роняя с губ капли крови. — Жаль, ты уже никому не сможешь об этом рассказать.

Андерсон извивался и бил ногами, но Скарр удерживал его на вытянутой руке, и он даже не мог достать до своего противника. Лейтенант замолотил кулаками по массивному предплечью крогана, но ничего не добился, кроме приступа булькающего смеха.

— Ты должен радоваться, — произнес наемный убийца. — Ты умрешь легко и быстро. В отличие от той женщины.

Внезапно где-то в глубине завода раздался мощный взрыв, и здание вздрогнуло. Стены кладовой покрылись широкими трещинами, с потолка слетело несколько пластов штукатурки. Пол вздулся и опал, и кроган, теряя равновесие, покачнулся. В то же мгновение Андерсон собрал остатки сил и сумел вырваться. Он упал на пол и судорожно вдохнул.

Скарр раскачивался и неуклюже переступал с ноги на ногу, но неподвижно висевшая рука и большая потеря крови ослабили огромного крогана. Он тяжело грохнулся на пол всего в нескольких метрах от того места, где Андерсон оставил свою винтовку.

Андерсон, едва вздохнув, выхватил пистолет и выстрелил. Но целился он не в крогана. Если уж Скарра не остановил винтовочный залп, единственная пуля из пистолета вряд ли его добьет. Вместо этого Андерсон выстрелил в винтовку, отчего она отлетела в сторону и оказалась вне досягаемости крогана.

Во всем комплексе завывали сирены — несомненный отклик на произошедший взрыв. Но у Андерсона оставалось еще одно срочное дело. Имея в своем распоряжении только пистолет, он мог уложить крогана лишь прямым выстрелом в голову с близкого расстояния. Но Скарр вскочил и бросился на него, не дав даже шанса прицелиться.

Пуля угодила в уже парализованное плечо крогана, однако он продолжал наступать. Андерсону пришлось броситься на пол и откатиться в сторону; он едва избежал участи быть затоптанным насмерть своим рычавшим от ярости противником.

Но теперь Скарр оказался между ним и дверью, отрезав все пути к отступлению. Андерсон попятился и снова поднял пистолет. Он промедлил всего долю секунды, и кроган успел послать биотический заряд, который выбил из рук оружие и едва не сломал запястье.

Кроган был уверен, что теперь человек не представляет для него угрозы, и медленно приближался. Андерсон пытался ускользнуть, надеясь подхватить с пола хоть какое-то оружие. Но кроган был хитер; несмотря на тяжелейшие раны и потерю крови, он двигался достаточно быстро и постепенно загонял лейтенанта в угол, лишая его возможности маневрировать.

От взрыва Кали в темноте прокатилась через всю комнатку, ударилась лицом в невидимую стену, сломала зуб и разбила нос. Упав на пол, она почувствовала, что кровь капает с подбородка, и стала ощупывать лицо.

И тогда она заметила, что под дверью появилась узкая полоска света. Взрыв встряхнул здание и, вероятно, повредил дверные петли. Кали почти забыла о боли в разбитом лице. Она вскочила на ноги и стала пятиться, пока не уперлась в противоположную от двери стену. А потом сделала три длинных шага для разбега и со всех сил ударила в дверь плечом.

Мощный взрыв произвел основательные разрушения, так что дверь поддалась с первой же попытки, и Кали вылетела в смежное помещение. Она сильно ударилась об пол тем же самым плечом. Боль в выбитом суставе мгновенно обожгла всю руку. Кали села и прищурилась, стараясь привыкнуть к свету после долгого пребывания в полной темноте.

— Кали! — услышала она крик Андерсона. — Хватай винтовку! Стреляй в него!

Она все еще не могла до конца открыть глаза и почти вслепую пошарила вокруг себя руками. Пальцы быстро нащупали дуло винтовки. Кали подтянула к себе оружие и перевернула его, как вдруг над ней нависла огромная тень.

Подчиняясь инстинкту, она подняла винтовку и нажала на курок. В награду ей раздался яростный рев, и тень исчезла. Кали энергично заморгала в попытке восстановить зрение и

через мгновение уже смогла увидеть согнутую фигуру Скарра, схватившегося обеими руками за живот. В его взгляде перемешалось изумление и бессильная ярость. А потом прямо перед ним появился Андерсон. Он прижал дуло пистолета к виску крогана и выстрелил. Кали в ужасе отвернулась, но поздно — вид взорвавшегося черепа Скарра и его мозгов, разлетевшихся по стенам, вероятно, будет преследовать ее в кошмарах до конца жизни.

Но Дэвид уже опустился рядом с ней на колени.

— Ты в порядке? — спросил он. — Можешь идти?

Она кивнула.

— Кажется, только плечо вывихнуто.

Андерсон на секунду задумался, потом сказал:

— Извини меня, Кали.

Она только собралась спросить, за что он извиняется, как лейтенант крепко схватил ее за ключицу и запястье, а потом сильно дернул руку. Кали вскрикнула от боли и едва не потеряла сознание, но сустав встал на место.

Дэвид поддержал ее, не давая упасть.

— Ты негодяй, — пробормотала она, сжимая онемевшие пальцы. — И спасибо тебе, — добавила она через секунду.

Андерсон помог ей подняться на ноги, и только тогда она заметила тела убитых наемников. Лейтенант не стал ничего объяснять, а подал одну из винтовок, а сам подобрал свое оружие.

— Лучше держать оружие наготове, — сказал он, припомнив мрачные высказывания Сэрена насчет уничтожения всех встречных. — И давай молиться, чтобы нам не пришлось им воспользоваться.

ГЛАВА 22

Взрыв главного заводского генератора произвел именно тот эффект, на который рассчитывал Сэрэн. Весь комплекс был объят ужасом и паникой. При звуках сирен рабочие, стараясь как можно быстрее выбраться наружу, устремились к запасным выходам. Зато сам Сэрэн, проталкиваясь сквозь объятую страхом толпу, двигался в обратном направлении. Среди всеобщего хаоса на него никто не обращал внимания.

Сэрэну надо было действовать быстро. Устроенный им взрыв будет только первым, но он приведет к перегреву плавильных печей, и тогда последует цепная реакция. Сначала воспламенится оборудование машинного зала, потом из-за перегрузки начнут взрываться турбины и генераторы, и весь комплекс превратится в одно огненное облако.

Сэрэн не забывал следить за толпой и наконец увидел то, что искал: небольшая группа тяжеловооруженных Синих Солнц двигалась единым отрядом. Как и Сэрэн, наемники направлялись в цеха завода. Ему оставалось только держаться за ними.

— Чего мы ждем?! — почти в истерике кричал Кийян. Он размахивал перед лицом Эдана маленьким металлическим контейнером, где хранились носители данных со всей информацией по проекту. — Все, что нам нужно, находится здесь. Пора выбираться!

— Еще рано. — Батарианин старался сохранять спокойствие, несмотря на то что из-за непрерывного воя сирен едва мог слышать свой собственный голос. — Надо дожидаться охранников.

Он понимал, что взрыв на заводе не мог быть простой случайностью, и не собирался бежать напрямик в ловушку. По крайней мере, без своих телохранителей.

— А эти на что?! — крикнул Кийян, махнув рукой на двух громил, стороживших комнату, в которой его содержали после атаки на Сидон.

— Их слишком мало, — ответил Эдан. — Я не хочу полагаться на случай. Дождемся остальных...

Стрельба и крики в соседней комнате, смешавшиеся с воем сирен, не дали ему договорить. Потом на секунду все стихло, и на пороге появилась незнакомая фигура.

— Твоя охрана не справилась, — произнес одетый в бронекастюр турианин.

Эдан, хоть никогда с ним не встречался, тотчас догадался, кто перед ним.

— Я знаю тебя, — сказал он. — Ты призрак. Сэрэн.

— Это ты все подстроил! — завопил Кийян, указав на Сэрэна трясущимся пальцем. — Это ты виноват!

— Теперь ты нас убьешь? — спросил Эдан.

Как ни странно, но он не испытывал страха. Он как будто заранее знал, что этот момент рано или поздно настанет. Теперь, перед лицом неминуемой смерти, он ощутил странное спокойствие.

Но турианин не стал их убивать. Сначала он хотел получить ответ на свой вопрос.

— Над чем вы работали на Сидоне?

— Ни над чем! — выкрикнул Кийян и прижал к груди металлический футляр. — Это не твоё!

Выражение лица Сэрэна было знакомо Эдану. Он увидел в нем все, на чем основывалась его удача: голод, страсть, желание обладать.

— Тебе все известно, — прошептал он, прозревая истину. — Нет, не все. Но достаточно, чтобы захотеть узнать больше.

Его губы дрогнули в едва заметной усмешке. Еще есть шанс остаться в живых.

— Замолчи! — завизжал Кийян. — Он все у нас отнимет!

— Я так не думаю, — ответил Эдан, обращаясь скорее к призраку, чем к разъяренному ученому. — У нас есть то, что он хочет. Мы нужны ему живыми.

— Но не оба, — предупредил Сэрэн.

Короткое предостережение прорвалось сквозь завесу безумия доктора Кийяна.

— Тебе нужен я, — заявил он в краткий момент просветления. — Тебе необходимы мои исследования. — Поддавшись отчаянному страху, он говорил торопливо, почти неразборчиво. Хотя, что пугало его больше — смерть или невозможность продолжать научную работу, было непонятно. — Без меня ты никогда не откроешь его секрет. Никогда не сможешь овладеть его мощью. Только я способен завершить проект!

Сэрэн поднял пистолет, направил его на без умолку лепечущего человека, но повернул голову к Эдану.

— Это правда? — спросил он батарианина.

Эдан пожал плечами:

— У нас имеются копии всех его исследований. Кроме того, моя группа изучает артефакт на месте. Кийян блестящий ученый, но стал несколько... неуправляемым. Я думаю, пришло время его заменить.

Эдан едва успел договорить, как Сэрэн выстрелил. Кийян на мгновение замер, а потом упал на спину — пуля попала ему точно в лоб. Металлический контейнер выпал из его рук и со звоном ударился об пол, однако носители данных были надежно защищены от ударов мягкой прокладкой.

— А как насчет тебя? — спросил Сэрэн и прицелился в батарианина.

Пока надежды на спасение не было, Эдан не спорил с судьбой и оставался спокойным. Но теперь, когда такой шанс появился, дуло пистолета наполнило душу леденящим ужасом.

— Я знаю, где он находится, — сказал Эдан. — Как ты собираешься его найти без моей помощи?

Сэрэн кивнул на металлический футляр:

— Мне кажется, там есть все необходимые сведения.

— У меня... есть средства, — заикаясь, пробормотал Эдан, стараясь найти весомый аргумент, способный остановить руку палача. — Деньги. Люди. Власть. Этот проект стоит астрономических денег. Если ты меня убьешь, кто будет тебя финансировать?

— Ты не единственный, кто обладает средствами и влиянием, — заметил Сэрэн. — Я

могу отыскать другого богача, даже не покидая планеты.

— Подумай, сколько времени и сил я вложил в это дело! — выпалил Эдан. — Убьешь меня, и тебе придется начинать с нуля!

Сэрэн промолчал, но немного наклонил голову, словно обдумывая слова батарианина.

— Ты не имеешь представления, на что способен этот артефакт, — настойчиво продолжал Эдан. — Ничего подобного до сих пор не было во всей Галактике. Даже с результатами исследований Кийяна ты вряд ли найдешь того, кто согласился бы продолжить работу над проектом. Я участвовал в нем с самого начала, я представляю, с чем мы имеем дело. Никто в Галактике больше не может этим похвастаться.

По выражению лица турианина он решил, что тот склонен прислушаться к доводам.

— Если ты меня убьешь, ты потеряешь не только финансовую поддержку, ты лишишься моего опыта. Возможно, кто-то еще согласится финансировать исследования, но на это уйдет много времени. Если ты меня застрелишь, работу надо будет начинать с самого начала. Ты же не согласишься потерять три года упорной работы взамен на удовольствие меня застрелить?

— Я не против несколько лет повременить, — сказал Сэрэн, спуская курок. — Я очень терпелив.

Прогремел второй взрыв, а Кали и Андерсон все еще оставались внутри центрального здания завода. Грохот раздался поблизости от главного генератора, где находились плавильные емкости с раскаленной рудой. Гейзер огненной жидкости вырвался из самого центра завода и поднялся в ночное небо на три сотни метров. Затем пылающий столб разросся в облако, на мгновение прогнал ночную тьму и обрушился смертоносным пурпурным дождем, накрыв все в радиусе пятисот метров.

— Не останавливайся! — закричал Андерсон во всю силу легких, чтобы Кали услышала его сквозь вой сирен. Здания комплекса уже сильно пострадали от двух взрывов, и он был уверен, что за ними последуют и другие. — Надо выбраться отсюда, пока не рухнули стены!

Он бежал впереди, одной рукой сжимая винтовку, а второй крепко держал запястье Кали. Женщина настолько ослабела, что ее приходилось тащить за собой. Наконец они выбрались из здания и устремились к забору. Лейтенант постоянно оглядывался на ходу, опасаясь погони.

— О боже! — воскликнула Кали.

Она резко остановилась, и Андерсону тоже пришлось встать. Он обернулся и увидел, что она смотрит вдаль. Повернувшись, он проследил за ее взглядом и невольно прошептал молитву.

Весь рабочий поселок был объят пламенем. Крыши и стены завода уберегли людей от огненного ливня после выброса расплавленной руды. Но те, кто оставался снаружи — мужчины, женщины и дети в поселке, — были лишены какой бы то ни было защиты. Казалось, что горели сразу все дома, комплекс окружала сплошная оранжевая стена.

— Нам ни за что не пробиться через пожар, — простионала Кали и опустилась на землю, уступая усталости и страху.

Завод вздрогнул от третьего взрыва. Андерсон оглянулся и увидел, что весь комплекс охвачен пламенем. При свете пожара он заметил вырывающиеся из окон темные клубы — облака ядовитых газов, образовавшиеся в результате разрушений.

— Не сдавайся! — закричал Андерсон, схватил Кали за плечи и заставил подняться. — Мы прорвемся!

Кали только покачала головой. Он все понял по выражению ее глаз: после всего, через что ей пришлось пройти с момента уничтожения Сидона, это испытание оказалось для нее слишком тяжелым. У женщины не осталось сил, и она поддалась отчаянию.

— Я не могу. Я слишком устала, — прошептала она, снова опускаясь на землю. — Оставь меня.

Он не мог пронести ее на себе весь оставшийся путь — идти было еще довольно далеко. Кроме того, с такой ношей на спине он не мог двигаться быстро, и в объятном пламенем поселке они оба могли сгореть.

Кали не готовилась к действиям на поле боя. Она была ученым, исследователем. Но всем солдатам человечества, еще до вступления в Альянс, приходилось проходить одну и ту же подготовку — долгие месяцы изматывающих тренировок. Их учили использовать все силы организма, и даже больше этого. Даже в тех случаях, когда тело отказывалось повиноваться от усталости и истощения, они должны были продолжать идти. Им приходилось преодолевать психологический барьер, сковывающий тело, и продолжать движение, хотя это и казалось уже невозможным.

Такова была цена вступления в армию, это свойство объединяло всех мужчин и женщин в военной системе Альянса. Оно поддерживало их и придавало сил; оно превращало их в живые символы — плоть и кровь подчинялись стремлению неукротимого человеческого духа.

Андерсон понимал, что ему остается только пробудить в ней это свойство.

— Проклятие, Сандерс! — заорал он. — Прекратить сейчас же! Твой отряд должен двигаться, так что поднимай свою задницу и переставляй ноги! Это приказ!

Кали была хорошим солдатом и не могла не выполнить команду. Не выпуская из рук оружия, она все же сумела подняться с земли. А потом, прихрамывая и шатаясь, перешла на медленный бег — ее воля заставляла тело работать, хотя разум подсказывал, что это невозможно. Андерсон пару секунд наблюдал за ней, чтобы удостовериться, что женщина еще может держаться на ногах, а потом догнал и побежал рядом, подстраиваясь под ее шаг. Впереди их ждали дым, вопли и охваченные огнем дома.

Весь рабочий поселок превратился в настоящий ад. Рев пламени колоссального пожара смешивался с воплями боли и страха. Время от времени ужасную какофонию прерывал отдаленный грохот разрывов, доносящийся из глубины заводского комплекса.

Над крышами перекатывались клубы густого черного дыма, они опускались к земле, а сквозь темную завесу прорывались языки пламени, перескакивающие от одного здания к другому, охватывающие весь ряд домиков. Жара, словно живое хищное существо, впивалась в тело и сдираала кожу. Едкий дым разъедал глаза, проникал в легкие и при каждом вдохе вызывал кашель. Отвратительный запах горячей плоти неотступно преследовал беглецов.

Между домов повсюду лежали трупы мужчин, женщин и детей. Люди пали жертвами выброса кипящей руды, их обгоревшие останки плавали в горячей грязи. Другие пострадали от дыма и огня, сожженные мускулы и связки заставили мертвые тела свернуться в почерневшие клубки. Многие из погибших были попросту затоптаны охваченной паникой толпой, их раздробленные руки и ноги замерли в неестественных положениях, удары ног обезумевших от ужаса соседей превратили лица в кровавые маски.

Ни одно сражение, в котором участвовал Андерсон, ни одна битва, никакие жестокости войны, которым он был свидетелем, не могли сравниться с ужасами, сопровождавшими их бегство из горящих руин завода. Но они ничего не могли поделать, не имели возможности хоть чем-то помочь жертвам. Им оставалось только опустить головы, пригнуться к самой земле и продолжать двигаться.

Во время их невероятного броска Кали несколько раз спотыкалась, но каждый раз отталкивала руку Андерсона, пытавшегося ее поддержать. Каким-то чудом они смогли пройти сквозь адское пекло живыми... И подойти к вездеходу как раз в тот момент, когда Сэрэн укладывал в багажник какой-то металлический контейнер.

Турианин встретил их удивленным взглядом, и при свете пламени догоравшего поселка Андерсон заметил, что призрак раздраженно нахмурился. Он без слов забрался на сиденье водителя, и на какое-то мгновение Андерсону показалось, что Сэрэн решил уехать и бросить их в пустыне.

— Забирайтесь! — крикнул призрак.

Возможно, он принял во внимание пару винтовок, которые они все еще сжимали в

руках. Возможно, опасался, что кто-то узнает, что он бросил их здесь. Андерсона это мало беспокоило, он просто обрадовался, что Сэрэн их дождался.

Он помог Кали подняться в кабину вездехода, потом и сам устроился рядом.

— А где Эдан? — крикнул он, как только призрак включил двигатель.

— Он мертв.

— А что с доктором Кийяном? — поинтересовалась Кали.

— Тоже мертв.

Сэрэн рывком включил передачу, и вездеход, разбрасывая колесами песок и мелкие камни, устремился вперед. Андерсон откинулся на спинку сиденья. Непомерная усталость заслонила воспоминание о металлическом контейнере.

Вездеход мчался сквозь ночную тьму, и мрачная сцена смерти и разрушения отступала все дальше и дальше.

ЭПИЛОГ

Андерсон вышел из здания посольства человечества на Цитадели под лучи искусственного солнца Президиума. Спустившись по ступеням, он оказался на зеленой лужайке.

На берегу озера его ждала Кали. Она сняла обувь и окунула ноги в воду. Андерсон подошел ближе, тяжело опустился на траву, сбросил тяжелые ботинки и тоже погрузил ступни в прохладную освежающую синеву.

— Ох, как же здесь хорошо!

— Ваша встреча длилась довольно долго, — заметила Кали.

— Я боялся, что тебе надоест меня ждать.

— Все равно мне больше нечем заняться, — поддразнила она лейтенанта. — Я уже повидалась с послом. Кроме того, хотелось немного здесь побродить. — Затем, гораздо серьезнее, добавила: — Я могу тебе отплатить хотя бы такой малостью.

— Ты ничем мне не обязана, — ответил он, и после этого между ними установилось дружеское молчание.

После бегства с завода на Камале прошло четыре дня. Первую ночь они провели в медицинском комплексе неподалеку от космопорта. Медики нейтрализовали отравление дымом и ядовитыми веществами, образовавшимися в результате взрывов, а Кали еще пришлось делать внутривенные вливания из-за обезвоживания организма, полученного за время заключения.

На следующий день они встречались с членами Альянса — солдатами, обеспечивающими их безопасность, и представителями военной разведки, которых заинтересовали полученные сведения. Потом их посадили на поджидавший фрегат и доставили на Цитадель, где они лично отчитались перед высокопоставленными особами: три дня были заняты встречами, слушаниями и расспросами обо всем, что произошло... и кто в этом виноват.

Андерсон подозревал, что политическим кругам придется заниматься последствиями этих событий не одну неделю, а может быть даже несколько месяцев, но после официального приема в кабинете посла для него все было закончено. Для них обоих.

Впервые с той жуткой ночи они получили возможность встретиться наедине. Он хотел бы обнять Кали за плечи и прижать к себе, но не знал, как она на это отреагирует. Он хотел что-то сказать, но не мог подобрать слов. Так они некоторое время сидели рядом друг с другом и молчали.

Кали первой нарушила тишину.

— Что сказала тебе посол? — спросила она.

— Примерно то, что я и ожидал услышать, — вздохнул Андерсон. — Совет не принял меня кандидатом в призраки.

— Из-за неблагоприятного отзыва Сэрэна, — с возмущением добавила Кали.

— Да, его рапорт не слишком мне польстил. Там указывалось, что я проигнорировал истинную цель миссии. По его словам, я слишком рано прошел внутрь завода и, перестреляв наемников, лишил его прикрытия. Он даже обвинил меня в устройстве взрыва.

— Но это же ложь! — возмущенно всплеснула руками Кали.

— Но с примесью достаточной доли правды, — заметил Андерсон. — Кроме того, отчет дан призраком. Одним из лучших агентов Совета. Кому они должны верить?

— Вероятно, Совет просто ищет причину не допускать представителей человечества в ряды призраков. Они опять пытаются сдержать развитие Альянса.

— Может быть. Но теперь это проблема посла Гойль.

— А что будет с инопланетной технологией, обнаруженной Кийяном? — поинтересовалась Кали.

— Совет предоставил обнаруженные файлы для изучения собственным экспертам, — ответил Андерсон. — Там одни теории и гипотезы. Они вообще не верят в существование этой находки.

— А как же все научные исследования, которые мы проводили? — возмутилась она. — Что он пытался разгадать?

Андерсон пожал плечами:

— Они говорят, что у Кийяна была нарушена психика. Считается, что он завлек Эдана невероятными заявлениями и ложными посулами, основанными на маниакальных иллюзиях. Они думают, что доктор Кийян все больше и больше перестраивал проект на Сидоне согласно своим безумным идеям.

— А что посол сказала о тебе лично? — спросила Кали после секундного колебания и гораздо мягче.

— В первый момент она была сильно расстроена, — признал Андерсон. — Я не попал в призраки, а миссия привела к сильнейшим политическим осложнениям, с которыми ей теперь придется разбираться.

— Каковы будут последствия гибели гражданского населения, пострадавшего при взрыве? Альянс не собирается свалить вину на тебя?

В голосе Кали звучало искреннее участие, и Андерсон пожалел, что не осмелился ее обнять.

— Нет. Гойль не ищет козла отпущения. Совет решил все расследование Сэрена сохранить в тайне. Официально все считается несчастным случаем на производстве. Как только мадам Гойль немного успокоилась, она поняла, что миссия была не такой уж и неудачной. Мы выяснили, что произошло на Сидоне, определили, кто несет ответственность за гибель людей. Я думаю, она благодарна мне за это.

— Так твоя военная карьера не пострадает?

— Скорее всего, нет. Но и не выиграет.

— Я рада. — Она положила руку ему на плечо. — Я знаю, как тебе важно быть отличным солдатом.

Он протянул руку, обнял ее за шею и мягко привлек к себе, немного наклонив голову. Их губы на мгновение встретились, но Кали тотчас отпрянула.

— Не надо, Дэвид, — прошептала она. — Прости. Мы не можем себе этого позволить.

— Что случилось? — встревожился он.

— На сегодняшней утренней встрече мне предложили занять новую должность. Они хотят, чтобы я приняла участие в новом проекте. Меня даже повысили в звании.

— Это же здорово, Кали! — искренне обрадовался он. — Куда ты теперь отправишься?

Она грустно улыбнулась:

— Это секрет.

Улыбка исчезла с лица Андерсона.

— Ох!

— Не беспокойся, — ободрила она его, стараясь немного пролить свет на ситуацию. — На этот раз никаких нелегальных исследований.

Он ничего не ответил, пытаясь оценить положение.

— Мы справимся, — внезапно заявил он. — Между нами уже возникла особая связь. Мы должны воспользоваться этим шансом.

— Даже если я буду занята в сверхсекретном проекте, а ты вечно будешь дежурить в патрулях? — Кали покачала головой. — Не надо себя обманывать.

Несмотря на мучительную боль, он не мог не признать, что Кали права.

— Ты очень хороший, Дэвид, — продолжала она, пытаясь смягчить отказ. — Но даже если бы мне не надо было уезжать, мы вряд ли могли быть больше чем просто друзьями. Военная служба в твоей жизни всегда останется на первом месте. Мы оба это знаем.

Он кивнул, но все еще не мог заставить себя взглянуть ей в глаза.

— Когда тебе надо уезжать?

— Сегодня вечером, — ответила она. — И еще надо собраться. Я только хотела повидаться с тобой напоследок. И поблагодарить... за все.

Кали поднялась, отряхнула одежду, а потом, наклонившись, поцеловала его в щеку.

— Прощай, солдат.

Он не стал смотреть ей вслед, но еще долго сидел на берегу, уставившись на озеро.

В уединении личной каюты Сэрэн часами изучал информацию, хранившуюся в металлическом контейнере доктора Кийяна. Его подозрения полностью оправдались: продукт инопланетной технологии оказался своего рода космическим кораблем. Он назывался «Повелитель»; грандиозная реликвия времен исчезновения протеан; огромный военный корабль, обладающий колоссальной мощью.

Но это был не просто корабль. Его системы, процессоры и технологии намного превосходили все, что было известно народам пространства Цитадели. Его величие и сложность могли поспорить с величайшими творениями протеан, включая ретрансляторы массы и саму Цитадель. Если ему удастся понять, как действует этот шедевр, он один будет обладать несокрушимой властью.

Всю свою жизнь Сэрэн готовился к этому моменту. Все, что он делал раньше — воинская служба, карьера призрака, — все было лишь прелюдией к этому открытию. Теперь перед ним стоит истинная цель, к ней привело его предназначение.

Как еще можно было объяснить такое удачное совпадение всех обстоятельств? Андерсону отказали в праве добиваться звания призрака. Альянс переживает политическое унижение. Совет убежден, что никакого артефакта не существует. И единственные существа, которые могли бы его выдать, мертвы.

Хотя их смерть куплена немалой ценой. Возможно, Кийян действительно утратил связь с реальностью, но его заметки свидетельствовали: это был настоящий гений. Сэрэн понимал основы теории и принципы технологии искусственного интеллекта, но ему никогда не постичь глубины исследований этого человека. Ему придется найти не менее блестящего ученого, способного возглавить изучение «Повелителя», и для осуществления такой замены могут потребоваться целые годы.

Но он не сожалел об убийстве Кийяна. Доктор увяз слишком глубоко. Записи, сохраненные на носителе данных, четко отражали весь процесс прогрессирования слабоумия, ухудшение его психического состояния неизбежно привело бы к обнаружению «Повелителя». Вероятно, корабль излучал какое-то особое поле вроде радиации или эмиссии. Это излучение могло заразить разум Кийяна при посещении артефакта. Эдана оно затронуло тоже, хотя изменения в нем были не столь заметны. Но даже первый визит к артефакту оказал сильное влияние на батарианина: он связался с человеком и рискнул привлечь к себе внимание призраков. Вероятно, Эдан и сам не подозревал об этих переменах, но Сэрэну это было совершенно очевидно.

Ему придется соблюдать осторожность. По возможности избегать неблагоприятного воздействия до тех пор, пока он не поймет, что именно вызывает нарушение психики. Он будет действовать через посредников, таких как команда Эдана, оставшаяся на окраинах

Пелены Персея.

Сэрэн решил поскорее с ними связаться. Они отрезаны от всего мира и, вероятно, не подозревают, что случилось с их бывшим хозяином. Если они после того, как все узнают, захотят с ним работать и докажут, что достигли какого-то прогресса, — он не станет их уничтожать. По крайней мере до тех пор, пока неизбежные изменения их психики и разума не начнут мешать работе.

Но существует еще одна проблема. Корабль остается на границе Пелены Персея, на краю пространства, контролируемого гетами. Рано или поздно ему придется с ними столкнуться... Впрочем, если все пойдет по плану, при помощи «Повелителя» он сумеет подчинить их и использовать в своих целях.

Его поджидают немалые опасности, но конечная цель стоит такого риска. Надо только быть осторожным. Терпеливым. Он будет двигаться медленно. Будет ждать годы. Если потребуется, то и десятилетия. Но тайна инопланетного судна, вся его мощь однажды покорятся только ему одному.

А после того как он овладеет этой мощью, все изменится. Никогда больше турианам не придется уступать воле Совета, как было в случае, когда им приказали выплатить репарации после войны Первого Контакта. И Альянс получит по заслугам. Человечество должно знать свое место, равно как и все другие расы, примкнувшие к Цитадели.

И «Повелитель» поможет ему в этом.